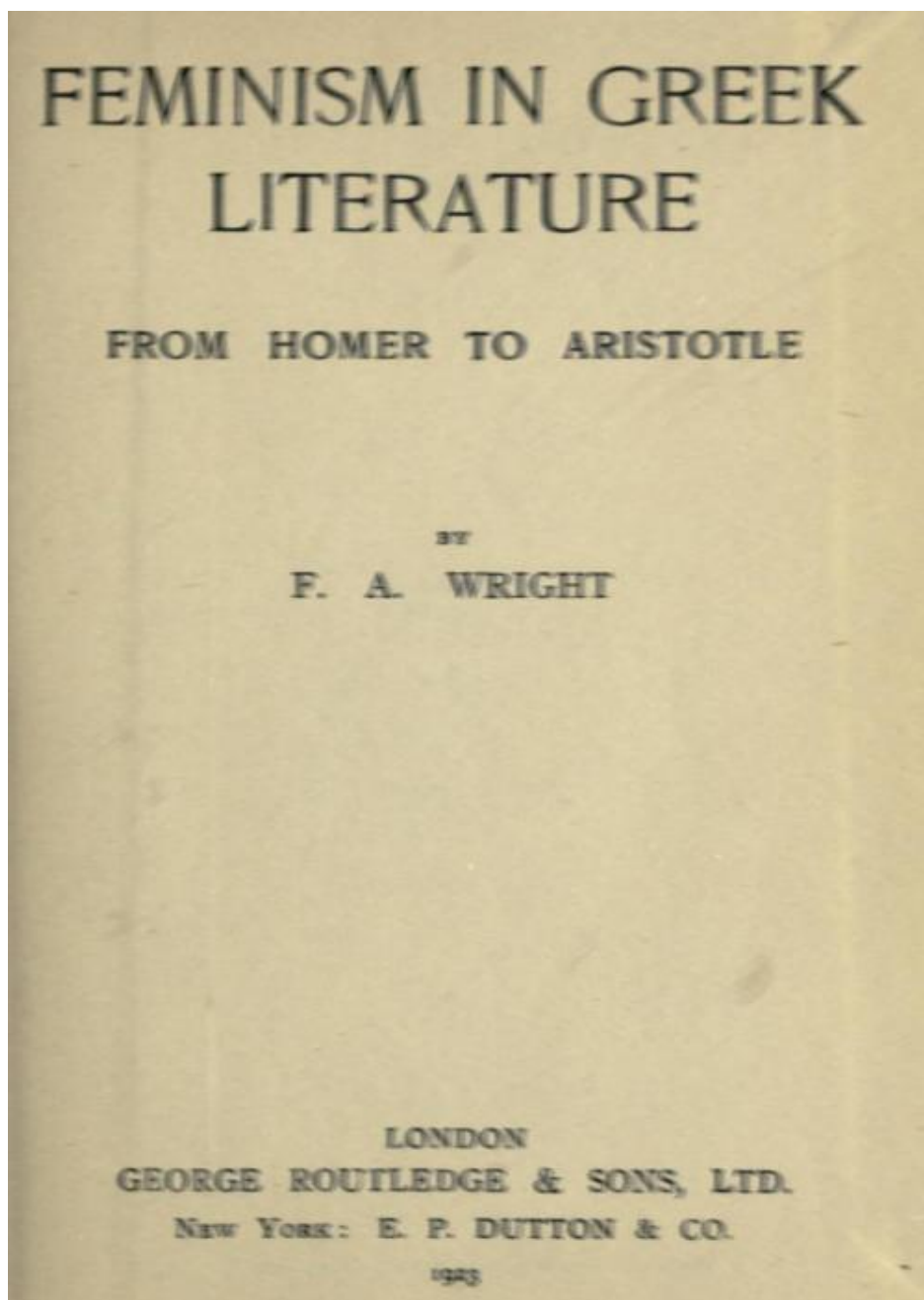

Феминизм в греческой литературе от Гомера до Аристотеля

Ф. А. Райт

The Project Gutenberg eBook of Феминизм в греческой литературе от Гомера до Аристотеля.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Феминизм в греческой литературе от Гомера до Аристотеля

Автор: Ф. А. Райт

Дата выхода: 4 апреля 2019 [eBook #59205]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динчером и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ФЕМИНИЗМ В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ОТ ГОМЕРА ДО АРИСТОТЕЛЯ ***

ФЕМИНИЗМ В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Другие книги автора Ф. А. РАЙТ

- ПОЯС АФРОДИТЫ
  - ИСКУССТВО В ГРЕЦИИ
  - Письма Алкифрона (*май, 1923*)
  - РУКОВОДСТВО ВЛЮБЛЕННОГО (*готовится к изданию*)
-

ФЕМИНИЗМ В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ОТ ГОМЕРА ДО АРИСТОТЕЛЯ

Ф. А. РАЙТ

ЛОНДОН

GEORGE ROUTLEDGE & SONS, LTD.

New York: E. P. DUTTON & CO.

1923

Отпечатано в Великобритании компанией Mackays Ltd., Chatham.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Введение	1
I. Ранний эпос	7
II. Ионийцы и Гесиод	16
III. Лирические поэты	28
IV. Милезийские сказания	43
V. Афины в пятом веке	57
VI. Эсхил и Софокл	70
VII. Еврипид	86
VIII. Еврипид: Четыре феминистские пьесы	113
IX. Сократовский кружок	135
X. Аристофан	150
XI. Платон	168
XII. Аттические ораторы	183
XIII. Аристотель	202

Введение

Есть вопрос, который иногда задают ученым, и сомнение, часто скрытое в умах ученых: как случилось, что греческая цивилизация, со всеми ее высокими идеалами и достижениями, так легко пала перед тем, что на первый взгляд кажется совершенно низшей культурой? Трудность не решается ссылкой на военные ресурсы или административные навыки, ведь моральная сила - единственное, что имеет значение в истории, и никогда еще нация не добивалась успеха только благодаря чистому интеллекту или грубой силе. Факт заключается в том, что греческий мир погиб по одной главной причине - из-за низкого идеала женственности и деградации женщин, которая нашла свое выражение как в литературе, так и в общественной жизни. Положение женщин и положение рабов - а эти два класса были единым целым - стали теми язвами, которые, оставшись незалеченными, привели к упадку сначала Афин, а затем и всей Греции.

На протяжении многих веков в Ионии и Афинах почти открыто шла война полов. В Милете женщина никогда не садилась за стол со своим мужем, потому что он был врагом, с которым нельзя преломлять хлеб; в Афинах, в то время как все мужчины выходили на свободу, женщин держали в качестве рабынь, а чужака в гареме могли убить на месте. Полы были резко разделены: у мужчин и женщин было мало возможностей для взаимного уважения и привязанности, а домашняя жизнь - жизнь дома, жены и детей - была отравлена в самом ее источнике.

Причины и результаты этой войны, гораздо худшей, чем любая фракция или гражданская распря, достаточно прискорбны: ее проявления в античной литературе, возможно, еще более важны, поскольку трудно сказать, насколько нынешние мнения о женских недостатках не являются бессознательной заслугой длинного ряда писателей, греческих и латинских, от Симонида Аморгосского в седьмом веке до Рождества Христова до Ювенала во втором веке нашей эры, которые использовали все свои риторические и литературные способности, чтобы унижить и обесценить женское человечество. Во всем этом прискорбном деле мужчины были неправы, а потому вели себя агрессивно. Они применили к женщинам утешительную доктрину Аристотеля о том, что некоторые люди являются рабами, потому что они созданы природой для рабства: женщины - моральные уроды мужчин, и поэтому долг мужчин - держать их в подчинении.

В Спарте и, возможно, в Северной Греции женщины занимали совсем другое место. Спартанские женщины считались свободными людьми, и отношения между полами были неоценимо лучше, чем в Афинах. Но Спарта, Фессалия, Македония не имеют прямого представительства в греческой литературе; мы узнаем их точку зрения только в трудах некоторых афинян, таких как Платон и Ксенофонт, которые восставали против существующих институтов своего государства, и александрийских поэтов, Аполлония и Феокрита, которые даже среди роскошного города сохранили некоторую свежесть родных холмов. Большинство великих писателей происходило из Ионии или из Афин: ионийцы почти все женоненавистники и сумели окрасить многие части гомеровских поэм своей извращенной безнравственностью: типичные афиняне и те иностранцы, которые нашли свой идеал в Афинах - Геродот, Софокл, Фукидид, ораторы - обычно относятся к женщинам как к ничтожно малой величине.

Эсхил был оригинальным мыслителем и в этом, как и во многом другом, отличался от большинства своих соотечественников. Но только когда мы переходим к Еврипиду, мы получаем определенное изложение женской стороны дела. Еврипид осмелился усомниться в непогрешимости человека: он подверг доктрину о благородстве человека, как и другие доктрины о благородстве расы и благородстве войны, испытанию действительно критическим умом и пришел к выводу, сильно отличающемуся от того, который высказало подавляющее большинство его предшественников.

На свое собственное поколение Еврипид оказал глубокое влияние. Сократ, Аристофан, Платон и Ксенофонт - все они в той или иной степени феминисты, и в их произведениях можно найти достаточно полное изложение феминистской доктрины. Но идеалист не победил. Правда, женщины никогда не были так унижены - по крайней мере, в европейской цивилизации - после времени Еврипида, как до него; но его учение не принесло полных плодов. Аристотель - высший тип практического разума - бросил всю тяжесть своего беспримерного влияния на другую чашу весов, и аристотелевский взгляд на естественную неполноценность женщин возобладал: так что поэты Ионии, распутники и развратники, какими было большинство из них, нашли свою работу завершенной философом Стагиром.

Греческий язык - источник, из которого черпали свое вдохновение большинство римских писателей, и хотя положение римской матроны, почитаемой как мать семейства, было бесконечно выше, чем положение слишком часто бездетной афинской жены, все же существует подводное течение женоненавистничества, которое пронизывает латинскую литературу и находит свое наиболее полное выражение у Ювенала. Сатирик собирает весь яд предыдущих писателей, добавляет горечь собственной желчи, приправляет ее цветистой риторикой, которую любили римляне, и наконец, с бесконечной изюминкой, выплескивает эту смесь в шестистах строках Шестой сатиры. Но как Аристотель подводит итог

окончательным тенденциям греческой литературы, так и Ювенал представляет собой почти последнее усилие антифеминистской школы в Риме. Христианство Востока и романтика Севера уже начали видоизменять грубый реализм средиземноморского мира, и к концу второго века наступила реакция, когда греческий гений подарил миру последний и, возможно, самый плодотворный из всех своих даров в литературе - романтический роман. Лонгус в "Дафнисе и Хлое" закладывает новую ноту, а его герой, возможно, является первым джентльменом в вопросах привязанности, которого мы находим в античной литературе. Вскоре варварские нашествия опустошили землю, но Лонгус посеял семя, и он - истинный отец всех любовных романов средневекового рыцарства. Как Наусикаа - первая, так Хлоя - почти последняя из античных героинь; и греческая литература, по любопытному стечению обстоятельств, достаточно ироничному, учитывая ее общую тенденцию, заканчивается так же, как и начинается, - восхвалением совершенной девы.

I.- Ранний эпос

Любое обсуждение греческой литературы должно начинаться с Гомера, хотя в том, что касается женщин и социального положения, эпос в своей первой форме стоит несколько в стороне от общего течения античной мысли. Гомеровские поэмы - это в очень реальном смысле греческая Библия, поскольку они представляют стандарты морали, которые во многих отношениях намного выше тех, что преобладали в Афинах в великую эпоху греческой истории, и изображают состояние общества, сильно отличающееся от сложной цивилизации города-государства.

Следует помнить, что гомеровские поэмы не были написаны в соответствии со вкусом древнего средиземноморского народа, который, если верить археологическим данным и некоторым знакам в его языке, имел лишь низкий кодекс сексуальной морали и был склонен рассматривать женщин лишь как инструмент удовольствия. Эпос в его первоначальном виде был написан для ахейских вождей, пришедших в Грецию из Центральной Европы, и в сексуальных вопросах они были скорее скандинавского типа. Но ахейцы были лишь небольшим правящим классом и вскоре были ассимилированы завоеванными народами, чей язык они переняли. Вторая волна вторжения северных племен, называемых дорийцами, привела к несколько более устойчивым результатам, но исходная средиземноморская раса всегда значительно превосходила их по численности, и если не запрещать межплеменные браки законом, то повторное появление первичного расового типа было лишь вопросом времени. Отсюда интерес к греческой истории, которая представляет собой один долгий процесс смешения и изменения: возрождение завоеванных и постепенное исчезновение завоевателей. Отсюда и разница во взглядах на все феминистские вопросы между Гомером и большей частью поздней греческой литературы.

Особенно "Одиссея", которая, хотя, возможно, и была написана позже, чем оригинальная "Илиада", подверглась меньшей переработке и получила меньше дополнений, основана на совершенно ином представлении о положении женщины, чем то, которого придерживались после седьмого века до нашей эры. Теория Сэмюэла Батлера о том, что Одиссея была написана женщиной, возможно, самой Наусикаа, вряд ли может быть точно доказана, но, во всяком случае, женщины в Одиссее никогда не унижены, как это происходит во многих поздних отрывках Илиады, а единственный непристойный отрывок, первая лежанка

Демодока (в Книге 8), "любовь Ареса и Афродиты", является простой интерполяцией, причем неуклюжей. В "Одиссее" женщины и впрямь дергают за ниточки: богиня Афина, нимфы Калипсо и Цирцея, а также смертные Пенелопа и Наусикаа - главные действующие лица драмы. В отношении обеих последних прослеживаются следы старого германского обычая *Mutterrecht*: царская власть в племени, похоже, переходит на женскую сторону. Претенденты на главенство Одиссея добиваются этого через его жену; Наусикаа - единственная дочь, и ее брак имеет значение для всего племени. Таким образом, Калипсо и Цирцея представлены как королевы островов, живущие под независимым суверенитетом и обычно не заботящиеся о мужской дружбе. Одиссей для обеих находится в положении принца-консорта и, будучи активным человеком, сильно страдает от отсутствия занятий и власти. Афина является руководящим духом всего действия и проявляет материнский интерес к герою, но в остальном она - чистый разум, превосходящий человека, и совершенно свободна от всякого желания мужского общества.

Женщины "Одиссеи" следуют ее примеру, и в них почти нет следов той чрезмерной сексуальности, которую поздние авторы приписывают всем женщинам как естественную черту. Нельзя сказать, что мудрая Пенелопа проявляет женскую слабость в своей постоянной любви: она смиренно переносит отсутствие мужа и сохраняет его власть в течение двадцати лет. По его возвращении она ничуть не беспокоится о том, что узнает его. Когда кормилица рассказывает ей о том, как Одиссей расправился с женихами, она называет ее дурой и грозит наказанием за то, что она беспокоит занятую женщину пустыми рассказами. Телемах укоряет ее за своевольное упрямство: Одиссей облачается в царские одежды, но не производит никакого впечатления и, наконец, с отвращением зовет кормилицу, чтобы та приготовила ему постель, чтобы он мог уйти и поспать один, ибо, говорит он, у этой женщины железное сердце в груди. Когда ее наконец убеждают, она объясняет, что ее колебания были вызваны вполне обоснованным недоверием к мужчинам и их коварству, и довольствуется тем, что на следующее же утро отпускает мужа навестить старого Лаэрта.

В лице Наусикаа нет и следа той робкой застенчивости, которая считается достоинством женщин гарема. Она смело встречает полуобнаженного Одиссея, когда он выходит из кустарника, где прятался, "как лев холмов, омываемый дождем и трепещущий от ветра, и глаза его пылают", и во всем ее общении с ним она являет собой очаровательную смесь великодушия и осторожности.

Кроме того, мораль "Одиссеи" во всех сексуальных вопросах очень высока, и, если не обидно так говорить, это женская мораль. Здесь очень мало обращений к чувственному мужчине, и хотя Калипсо и Цирцея были приняты более поздними писателями как типы сладострастных женщин, их очарование в "Одиссее" оставлено полностью на волю воображения, и они изображены как трудолюбивые домохозяйки. Описание одинаково для обеих - "поет сладким голосом в дверях, когда ходит туда-сюда перед ткацким станком". О физическом влечении, которым они могли обладать, практически ничего не говорится.

Так же и с наказанием, которому подвергаются в конце истории служанки, принявшие объятия женихов. Сначала они выносят трупы своих мертвых возлюбленных, затем моют и очищают окровавленный пол, и наконец их вешают - двенадцать вместе - "как дроздов или голубей, попавших в силки; и они боролись ногами немного, но недолго". Это один из немногих безжалостных отрывков в поэме: здесь нет тенденции к снисхождению к грехам плоти, и за такие грехи к женщине применяется более суровая мера, чем к мужчине.

Но как никакая другая пропасть между "Одиссеей" и более поздней греческой литературой показательна в отношении к двум знаменитым сестрам, Елене и Клитемнестре.

Елена, для поздних греков - тип распутницы, в "Одиссее" предстает как верная жена, уважаемая и самодостаточная, царя Менелая. Она живет в его дворце, занимается домашними делами, а когда вспоминает о прошлом, то радуется возвращению домой и побегу из Трои, "где, - говорит она, - я оплакивала жестокую судьбу, которую послала мне Афродита, когда увела меня из моей любимой страны, оставив позади дочь, мой дом и дорогого мужа, которому не хватало совершенства ни в душе, ни в теле". Это совсем другая картина, нежели та, в которой любовница Париса, как мы видим ее в более поздних историях, бежит с чужеземным юношей от своего законного повелителя и предает своего слишком любящего хозяина.

Итак, Клитемнестра - после того, как лирические поэты седьмого и шестого веков создали ее историю - это самая страшная фигура для царя Мана, цареубийца, женщина, которая осмеливается хитростью и коварством убить человека, поставленного над ней в качестве правителя. Во всех последующих историях именно Клитемнестра организует детали смерти Агамемнона - ванну, обволакивающий халат и топор; именно она наносит смертельный удар, а ее любовник, Эгистф, - трусливое ничтожество, полностью подвластное женщине.

Но в "Одиссее" история совсем другая. Она рассказывается дважды - Агамемноном Одиссею в Аиде и Нестором Телемаху в Пилосе, и эта последняя версия достаточно значима, чтобы привести ее слово в слово:

Мы, греки, - говорит Нестор, - задерживались там, в Трое, и много заданий выполнили. А он - Егист - в тихих долинах Аргоса, где кормятся кони, пытался нежными словами соблазнить жену Агамемнона. Сначала, конечно, прекрасная Клитемнестра отказалась от постыдного поступка, ведь она была женщиной честного сердца. К тому же с ней был менестрель, которому Агамемнон, отправляясь в Трою, поручил охранять свою жену. Но вскоре небесная судьба настигла менестреля и привела его к гибели, ибо Егист отвез его на необитаемый остров и оставил там, как добычу для птиц, чтобы они разорвали его на части. Что же касается царицы, то он, по своей воле и по ее желанию, привел ее в свой дом. И много жертв принес он богам, когда совершил это великое дело, которого никогда в сердце своем не предполагал совершить".

Таков этот отрывок, а последние два предложения - дословный перевод строк, которые в версии Поупа выглядят так:

Тогда добродетель перестала быть добродетелью: ее охрана ушла,

Она пала, похоти добровольной добычей.

Даже до храма преследовал прелюбодейный супруг

С нечестивой благодарностью и насмешкой над обетами.

Таковы опасности поэтического перевода.

Но важнее отдельных персонажей или эпизодов - общее впечатление от всей поэмы, и можно с полным основанием сказать, что вся структура "Одиссеи" предполагает такое состояние общества, в котором женщины считаются ничуть не ниже мужчин, *quâ women*.

В "Илиаде" все иначе, и поэма, в том виде, в котором мы ее имеем сейчас, дает нам три разных картины положения женщины в жизни. В первоначальном варианте эпоса, "Гнев

Ахилла", женщинам вообще почти нет места. Правда, причиной гнева Ахилла является женщина Брисеида; но Ахилл гневается не из-за потери любимой женщины, а из-за потери имущества, которое, как он знает по опыту, имеет большую ценность и служит ему. Брисея - рабыня, вещь, а не человек. Во всей "Илиаде" она упоминается всего десять раз, и девять раз из этих десяти она просто каталогизирована как товар, к которому прилагается эпитет работного "светлоглазая".

Но это не удивительно. Все ранние части "Илиады" - это, прежде всего, рассказы о битвах. Они антисоциальны, и женщина в них не играет никакой роли и не участвует.

Однако "Илиада" состоит из множества различных пластов, и один из них - далеко не самый важный - был создан поэтом, который понимал и сочувствовал женщинам. По мысли и языку он во многом схож с автором "Одиссеи", и, вероятно, именно ему принадлежит единственный отрывок поэмы, где Брисея предстает в человеческом облике и оплакивает мертвое тело Патрокла: речь, которая послужила Овидию основой, откуда он со множеством приукрашиваний развил письмо в "Героинях". Из той же руки, что и речь Брисеи, происходит высшая сцена расставания Гектора и Андромахи и все заключительные фрагменты "Илиады": выкуп Гектора и причитания женщин - его жены, матери и Елены - над трупом.

Никто не может читать "Илиаду", не чувствуя, что моральный дух всех этих отрывков совершенно иной и гораздо более высокого качества, чем жестокость самых ранних строк и вольный цинизм последних дополнений к поэме, которые мы должны будем рассмотреть далее.

II.- Ионийцы и Гесиод

Между гомеровскими поэмами в их первой форме и следующим этапом греческой литературы лежит промежуток в несколько столетий, и когда в конце VIII века занавес вновь поднимается над греческой историей, центр цивилизации находится в Малой Азии, в прибрежных городах и на прилегающих к ним островах.

Период войн, вторжений и миграций племен закончился: произошло возрождение старой минойской культуры, греки превратились в нацию торговцев, живущих в роскошных городах, таких как Милет и Митилена. Политически они зависят от великих восточных империй, и с Востока они взяли идеи, которые жизненно влияют на положение женщин.

Первое из них можно сформулировать так: женщина, даже свободнорожденная, является собственностью мужчины, который является ее мужем. Вторая, вытекающая из этого, заключается в том, что любовь между мужчиной и его собственностью абсурдна, романтическая привязанность мыслима только между мужчинами; между мужчиной и женщиной она невозможна. Из этих двух идей первая, связанная с уединением женщин и гаремной системой, применялась в Древней Греции лишь частично. Она процветала в Ионии и в Афинах в великий период их истории, но так и не прижилась ни в Спарте, ни в главных городах эллинистической цивилизации. Однако его следствие распространилось из Азии в Грецию, а из Греции в Италию. Она продолжалась много веков и была направлена на уничтожение всякой романтической любви между полами, а зачастую и обычной комфортной привязанности, которая может существовать без романтики между мужем и женой. Полы отдалились друг от друга: мужчина, погруженный в войну и политику и

отсутствующий дома большую часть своей жизни, имел мало опыта общения с женщиной как с мыслящим животным, а незнание породило презрение. Как и позднее в мировой истории в совершенно иных условиях монастырской жизни, естественное социальное общение между мужчинами и женщинами было искусственно затруднено, что повлекло за собой неизбежный урожай ошибок и извращений. Но монахи в своей нелюбви к женщинам были, по крайней мере, якобы вдохновлены строгим кодексом сексуальной морали: значительная часть ионийской литературы имеет одним из своих объектов желание защитить извращенный сексуальный инстинкт, который был проклятием древней жизни. К ним относятся истории о Ганимеде, юном азиате, вознесенном на небо владыкой неба и вытеснившим девицу Гебу, и о Гиласе, приспешнике Геракла, чья красота привела его к гибели.

Нарцисс и Гиацинт - люди одного типа, а герои этой литературы - Ясон, Геракл и Тесей - сохраняют все свои лучшие рыцарские чувства для мужчин и рассматривают женщин как своего рода добычу, которую нужно завоевать, если возможно, обманом, а если обман безрезультатен, то разумным применением силы. Ясон бросает Медею в пользу более молодой и богатой женщины. Геракл бросает жену, чтобы скитаться по свету, силой захватывая любую женщину, которая ему понравится. Тесей проводит жизнь в предательстве женщин, а в старости женится на Федре, юной сестре Ариадны. Но их подвиги ничуть не умаляют героического характера этих троих достойных людей, ведь теперь признано, что женщины - мерзкие существа, заслуживающие мерзкого обращения, и поэтому мы имеем второй класс сказок, придуманных для иллюстрации врожденной порочности женского пола. Это истории о Пасифае и Минотавре, Мирре и Адонисе, Леде и лебеде, Европе и быке и так далее, и так далее.

Тот же склад ума, который придумал эти сказки, приписал Сапфо все виды противоестественных пороков, низвел Елену до распутницы, а Пенелопу до строптивой, и сделал вполне логичным, что женщины, будучи такими существами, какими они были, должны быть заключены в гарем и ограничены деторождением - эта необходимая функция была, по сути, главной причиной того, что им вообще было позволено существовать.

Сказки о Пасифае, Леде и Европе, однако, хотя и достаточно полезны в своем роде, несколько грубы, и мы имеем более художественный метод, используемый в отрывках, которые примерно в это время были включены в "Илиаду" ионийскими поэтами, с целью унижить всю концепцию двух божеств, которые представляют женскую любовь, Геры и Афродиты. Гера, богиня супружеской жизни, жена в ее божественном аспекте, представлена этими декадентами как мешающая терзательница, шпионящая за мужем и стремящаяся всегда помешать ему в удовлетворении его законных похотей и капризов; Афродита, богиня необузданной физической страсти, превращается в расчетливую куртизанку.

Применяется тот же метод ложного реализма, который снабдил нашу комическую сцену избитыми темами старой девы и свекрови, и нет нужды говорить, что он очень плохо гармонирует с романтическим великолепием эпических строк. Героический гекзаметр придает благородство даже этому материалу, но по своей сути это разговорный стиль довольно безвкусного рода, и один или два отрывка проиллюстрируют его характер; например, последние сто строк первой книги "Илиады", эпизод, совершенно не гармонирующий с остальной частью книги. Тетис пришла просить Зевса отомстить за ее сына: Гера знает о ее визите, и вот каким языком она обращается к своему мужу:

Ты хитрец - ты знаешь, что это правда; кто из богов, молю, снова замышляет с тобой? Ты знаешь, что тебе это нравится - уходить от меня и принимать решения без меня, держа свои планы в тайне: еще ни разу у тебя не хватило приличия сказать мне прямо, что ты собираешься делать.

Ее муж, будучи мужчиной, ведет себя гораздо более разумно: "Ты не должна ожидать, что будешь знать все мои дела, моя дорогая: это было бы слишком тяжело для тебя, ты знаешь, хотя ты моя жена", и так далее, мягко ставя ее на низшее место. Но Гера отказывается слушать доводы разума: "Что ты хочешь этим сказать?" - кричит она. В прошлом я была слишком готова не задавать вопросов, я оставляла тебя в покое, ты делал то, что тебе нравилось", - и она продолжает излагать свои вполне обоснованные подозрения, пока Зевс, отказавшись от дальнейших призывов к ее лучшим чувствам, не говорит ей прямо: "Сиди тихо и делай, что тебе говорят. В противном случае "все боги небесные, знаешь ли, не помогут тебе, когда я подойду вплотную и наложу на тебя свои неотразимые руки". Еще один назидательный штрих вносит благонамеренное вмешательство хромого сына Геры, Гефеста, и сцена завершается неутраченным смехом благословенных богов.

Другим похожим эпизодом является отрывок из 14-й книги, , известный как "обольщение Зевса" или, как мы могли бы сказать, "обманутый муж". Гера, говорится в начале, увидела своего мужа, сидящего на горе Ида, и возненавидела его. Если опустить все декоративные эпитеты и обороты речи, которые используются для придания эпической окраски очень неэпическому отрывку, то историю можно сократить, и она будет выглядеть примерно так.

Хотя она ненавидит своего господина, ей все же приходится думать, как добиться его расположения, и она решает одеться во все самое лучшее. Соответственно, она отправляется в свою беседку с закрытыми дверями и секретным ключом, задвигает засов и приступает к тщательному туалету. Это верный признак одалиски - духи, драгоценности, всевозможные украшения, которыми ее осыпают мужчины, считающие ее своим рабом, и все последующее описание читается как отрывок из "Арабских ночей", которые, вероятно, были написаны тем же греческим гением, что и эти части "Илиады". Каждая деталь продумана до мелочей: сначала "амброзией" (автор почти не задумывается о том, что такое амброзия на самом деле, и использует ее как торговое слово) она оmyвает свою прекрасную кожу, затем помазывает себя маслом, "экстра-амброзиальным", которое было специально для нее благоухающим: затем она расчесывает волосы и завивает их в яркие, красивые, "амброзиальные" локоны. Далее следует "амброзиальный" халат с изящными узорами, скрепленный на груди золотыми брошками, корсетный пояс с сотней кисточек, и, наконец, серьги, сверкающие тремя подвесками. Теперь богиня готова, за исключением двух последних предметов туалета греческой женщины - вуали-яшмака и сандалий, и, собираясь в дорогу, она надевает их и взывает к Афродите. Будучи женщиной, она начинает с иносказания. "Милое дитя, - говорит она, - мне интересно, скажешь ли ты "да" или "нет" на то, о чем я хочу попросить". Афродита предлагает ей быть немного откровеннее, и тогда "хитрая" Гера пускается в замысловатые и совершенно ложные объяснения. Она хочет одолжить волшебный цестус Афродиты, чтобы примирить Океана и мать Тетис, пару, чьи супружеские дела идут так плохо, что они теперь живут в разных комнатах. "Если бы я только смогла свести их вместе, - говорит она, - они бы и впредь называли меня своим другом".

Верит ли Афродита в эту историю или нет, лучше не говорить, но она сразу же соглашается: "Невозможно и не подобает отказывать тебе, ведь ты спишь в объятиях могущественного Зевса", и она вручает ей цестус со всей его магической силой - "в нем и любовь, и желание, и сладостные грезы, и манящие слова, которые лишают разума даже мудрых", - и с обоюдными улыбками они расстаются.

На протяжении всего отрывка можно заметить, что здесь много говорится о магии, той же самой, что и в "Арабских ночах", но действие цестуса на самом деле совершенно не зависит от какой-либо сверхъестественной помощи. Это был предмет, подобный тому, что сегодня можно увидеть в рекламе модной газеты, - "сутиенгорн" - и он создавал то развитие женского бюста и общий вид эмбонпойнта, который всегда казался восточным народам идеалом женской красоты.

Привязав цестус под грудью, Гера отправляется нанести следующий визит - богу Сну, которого она просит погрузить Зевса в глубокий сон. За эту услугу она обещает богу "прекрасное золотое кресло, нечто совершенно несокрушимое, с приделанной к нему подставкой для ног". Но у Сна возникают трудности. Он уже пытался проделать подобный трюк с Зевсом по просьбе госпожи, и когда бог проснулся, он был очень жесток, и Сон был бы сброшен с небес в море, если бы мать Ночь не вмешалась, чтобы спасти его. В общем, кресло, даже золотое, не является достаточной наградой за столь опасное задание. Поэтому Гера поднимает свое предложение со стула до женщины и обещает ему одну из младших Граций в качестве сожительницы. Сон соглашается помочь, пара отправляется на гору Ида, Сон превращается в птицу, чтобы наблюдать за сценой обольщения, а Гера предстает перед Зевсом.

Как только бог видит ее, он спрашивает, куда она, и она снова повторяет историю о злоключениях Океана и Тетис и о своем предполагаемом вмешательстве. Но бог грубо, как настоящий хозяин гарема, говорит ей, что ему необходимо ее присутствие и что она может пойти туда в другой день: затем, в качестве кульминации хорошего вкуса, он перечисляет длинный список своих любовниц, начиная с жены Иксиона и заканчивая Лето. На эти пылкие любовные утехы, достойные самого Дон Жуана, Гера, "коварная", сначала отвечает с напускной скромностью, но сцена заканчивается с богом в ее объятиях: ее цель достигнута, и человек снова обольщен.

Доктор Лиф находит этот отрывок полным "здоровой чувственности", но другим читателям он может показаться совершенно неприятным, как по своим чувствам, так и по языку - например, ужасное повторение *TOI*, "*mon chéri*", в конце пригласительной речи Геры. Тем не менее, это ценный документ. Жестокий бог и коварная богиня - это, очевидно, идеалы поэта в отношении мужчины и женщины; и его идеалы очень низки.

Эти два отрывка из "Илиады" могут служить образцами второго метода нападения - саркастического обесценивания под видом реализма, примеры которого мы имеем еще у Гесиода.

Странное попури, которое теперь носит его имя, находится в том же положении, что и "Илиада". В ней много древней мудрости, в которой женщине отведена незначительная роль. "Сначала приобрети дом, потом женщину, а потом вола для пахоты", и еще много отрывков, явно вдохновленных новым ионийским духом.

Те немногие факты, которые нам известны о жизни Гесиода, позволяют предположить, что он был ионийским поэтом, переселившимся в Беотию и включившим в свои стихи древние предания этой страны, которые по своей древности превосходят все, что мы имеем в греческой литературе.

Отец Гесиода был купцом и жил в Киме, на побережье Малой Азии. Сын большую часть жизни прожил в Аскре, но о его жизни мы знаем мало, а о смерти - очень много. У него был друг, житель Милета, который приехал погостить к нему в Грецию. Двух ионийцев, путешествующих вместе, принимал некий Фегей, гражданин Локриды. В ответ на его

гостеприимство они соблазнили его дочь: девушка покончила с собой, а ее братья, взяв закон в свои руки, отомстили за ее гибель, убив и Гесиода, и его друга, который, как говорят, и был главным виновником.

Эта история, которая, безусловно, является самым достоверным фактом из жизни Гесиода, производит не очень приятное впечатление в отношении способности поэта выносить суждения о женщинах, и, вероятно, детали мифа о Пандоре являются его собственным изобретением. Сама история очень древняя, но в изложении Гесиода она имеет все притворные эпические механизмы, а также связана с древней басней о Прометее.

Чтобы отомстить за дар огня людям, Зевс решает создать женщину. "Я дам им злую вещь, - говорит он, - каждый мужчина в сердце своем будет радоваться ей и обнимать свое несчастье". Гефест замешивает пасту и делает куклу. Афина дарит ей мастерство ткачества, Афродита - "чары на голову и неистовые желания и страсти, разъедающие мужскую силу". Наконец, Гермес наделяет ее "собачьим бесстыдным умом и воровскими повадками". Затем куклу одевают в юбку и пояс, на тело вешают золотые цепи, на голову кладут весенние цветы и спускают на землю. "Безнадежное заблуждение, чтобы быть бичом людей, которые работают ради своего хлеба".

Эпиметей берет ее в жены, и когда она досталась ему, "тогда и только тогда он понял, каким злом владеет". Так заканчивается история Пандоры, а рассказ о кувшине, хотя он и идет следующим в "Трудах и днях", не связан с ее историей. Это "женщина", но не обязательно Пандора, снимает крышку с кувшина со злыми вещами и выпускает их на свободу по всему миру, так что только одно проклятие теперь остается неизменным.

Это проклятие, напомним, Элпис - не столько Надежда, сколько вера азартного игрока в Удачу. Это идея, что все должно измениться к лучшему, если только вы рискнете всем своим состоянием: что законы Вселенной будут провиденциально изменены в вашу пользу; вера, которая так часто заставляет пожилого женоненавистника брать молодую жену.

Таково отношение Гесиода к женщинам, и с Гесиодом заканчивается первый этап греческой литературы.

III.- Поэты-лирики

От литературы седьмого и шестого веков до Рождества Христова, лирической, ямбической и элегической поэзии, до нас дошли лишь незначительные фрагменты. Причин для их исчезновения две. В случае с величайшими именами, Алкеем и Сапфо, римляне предпочли оригиналу адаптацию Горация. Что касается большинства других поэтов, то общий стандарт морали в их стихах настолько низок, что они попали под запрет ранней церкви, и, как мы знаем, - достаточно необоснованно в ее случае - Сапфо была включена в их число, а ее стихи публично сожжены. Но в тех фрагментах, которыми мы располагаем, безошибочно прослеживается та же смесь чувственного желания и циничного отвращения к женщинам, которая обезображивает поздний эпос; пока в этот период он не заканчивается откровенным женоненавистничеством.

Ни в чем великая доктрина Аристотеля о золотой середине не является более ценной, чем в вопросах секса. Сексуальный аппетит так же естественен, как аппетит к еде и питью, и так же необходим для того, что является единственной заботой природы - сохранения вида. Если сексуальный аппетит полностью подавлен, результат будет столь же катастрофичен для расы, как и полное лишение пищи и питья для отдельного человека: если его чрезмерно поощрять, природа мстит за себя так же, как она мстит тем, кто превышает норму в еде или питье, и начинаются ненормальные извращения всех видов. В вопросах секса следует считаться только с нормальными мужчиной и женщиной - отцом и матерью семейства, и только их мнение имеет реальную ценность. Но, к сожалению, в литературе, особенно в ионийской, нормальный человек - исключение, и большинство писателей, которых мы сейчас рассматриваем, похоже, были неженаты и бездетны.

Скудость материала, вероятно, не являющаяся большой потерей ни в художественном, ни в моральном смысле, затушевывает факты, но мало кто сомневается, что в этот период литература впервые была использована для унижения положения женщин. Ямбический метр был изобретен с явной целью сатирической клеветы, и три главных ямбических поэта александрийского канона, Архилох, Симонид и Гиппонакс, в своих скудных фрагментах сходятся в одном: главный объект их насмешек - женщина. В начале этого периода оба пола довольно равны в своих возможностях; в конце женщина явно уступает. Саффо и Эринна знаменуют собой переломный момент в литературе. Жившие в то время, когда писать женщинам было еще невозможно, они показали, что женщина может сравняться с поэтами-мужчинами своего времени или превзойти их. Те немногие фрагменты стихов Эринны, которыми мы располагаем, *например*, эпиграмма на портрет Агатархиса и патетическая элегия на умершего Бауциса, свидетельствуют о таланте, по крайней мере, таком же тонком и сильном, как у Алкея; а среди всех греческих лириков Саффо, как по репутации, так и по реальным достижениям, занимает, несомненно, самое высокое место.

Более поздние эпохи, действительно, с трудом верили, что Саффо вообще была женщиной. Скандал мужских сплетен был вызван искренней и жалкой верой в то, что такой гений, как она, должен был быть, по крайней мере, подвержен мужским порокам. Но в сочинениях Саффо, которые являются нашим единственным реальным свидетельством, нет ничего явно "мужского": она не груба и не нудна. В технике своего искусства, метрическом мастерстве, музыке стиха она, по крайней мере, равна любому поэту, жившему с ее времен; в мыслях и дикции она намного превосходит всех своих современников.

При работе с ионийской поэзией точные даты невозможны, но эпоха лирики простирается примерно от середины седьмого до середины шестого века. Самый ранний по времени и в некотором смысле самый важный писатель - Архилох, Бернс или Вийон Греции - законник, солдат удачи, поэт, первый человек, который ввел в литературу свои личные чувства.

У Архилоха есть свои особые причины ненавидеть женщин - "Archilochum proprio rabies armavit iambo" - и, как он говорит, он усвоил великий урок: "Если кто-то обижает тебя, обижай ее в ответ". Обручившись с Клеобулой, дочерью богатого жителя Пароса, он обнаружил, что его брак запрещен отцом дамы, Ликамбом. О причинах запрета отца можно догадаться даже по тем немногим фрагментам "Архилоха", которые сохранились. Но поэт резко превратился из амориста в женоненавистника и до конца жизни обрушился с яростью на свою потерянную любовницу и женское общество в целом.

И в любви, и на войне он бескомпромиссно откровенен. Он рассказывает, как выбросил свой щит *"возле куста во время битвы: но к черту щит, я найду другой такой же хороший, и, во всяком случае, я избежал смерти"*. Его любовные стихи столь же свободолюбивы. Именно

реальный образ его любовницы мучает его, когда он восклицает: *"С миртовыми ветвями и розами прекрасными она себя услаждала"*; и еще: *"Вся спина и плечи ее были покрыты тенью волос"*. Но его свирепому духу такая любовь приносит мало утешения: *"Несчастный я, как мертвец, лежу в плену желаний, пронзенный жестокой мукой до самых костей"*; и *"Тоска, которая лишает силы конечности человека, - вот что одолевает меня сейчас"*.

Вскоре его любовь сменяется ненавистью и отвращением, и он вменяет женщине в вину то, что на самом деле принадлежит ему: *"Меня обидели, я согрешил. Да! И многие другие мужчины, я думаю, так же, как и я, будут терпеть поражение"*. Его любовница теперь для него потеряла свою красоту. *"Больше не цветет твоя нежная плоть; как сухие листья, она начинает увядать"*. Как и все женщины, она лжива и полна коварства: *"В одной руке она несет воду, в другой - огонь коварства"*. Жениться на женщине сейчас - значит *"взять в свой дом явное разорение"*.

Глупость мужчин и лживость женщин, похоже, были темами рассказов о животных, которые Архилох, как и Эзоп, сочинял. Женщина - это лисица, мужчина - то орел, то обезьяна; но фрагменты слишком коротки, чтобы судить об этом. То, что осталось от Архилоха, всегда манит своей незавершенностью. Из его эпиграмм, например, сохранилось только три; вот вольный перевод одной из них: *"Госпожа Высокородная, как только стала замужней женой, задрала свой чепец на луну"*.

Однако, к счастью, у Геродота сохранился гораздо более длинный образец манеры Архилоха - настоящая милезийская сказка, история Гигеса и Кандаула. Повесть передана нам в прозе Геродота, и невозможно разделить доли, внесенные ионийским поэтом и ионийским историком; да это и не нужно: история типична для обоих.

Первая ошибка Кандаула в том, что он полюбил собственную жену, вторая - в том, что он не поверил Гигесу, когда тот просвещал его на тему женской скромности. Его глупость, естественно, приводит его к плохому концу.

История интересная, но она особенно показательна, если сравнить ее с историей того же Гигеса, рассказанной Платоном. Там чувственные элементы исчезают, интерес сосредоточен на волшебном кольце, а соблазнение царицы и убийство царя являются лишь поспешным завершением повествования. Разница между этими двумя историями равна разнице между философом-феминистом и либертином, превратившимся в женоненавистника.

Но Архилох, по крайней мере, когда-то любил женщину. Наш следующий поэт, Симонид из Аморгоса, похоже, был женоненавистником с рождения. Сейчас его произведения существуют лишь в виде фрагментов, но они настолько значительны по своему характеру, что два самых длинных отрывка, которые сохранились, заслуживают дословного перевода. Первый звучит так:

Женщины - величайшее зло, когда-либо созданное Богом. Даже если иногда они кажутся полезными, обычно они становятся проклятием для своих хозяев. Мужчине, живущему с женой, никогда не удастся прожить целый день без неприятностей, и ему нелегко прогнать из своего дома этого отвратительного изверга - Голод. Более того, как только мужчина думает повеселиться дома - по Божьей милости или по мужской - женщина всегда находит повод для недовольства и облачается в доспехи для битвы. Там, где есть жена, вы никогда не сможете принять гостя, не опасаясь неприятностей. И опять же, женщина, которая кажется

самой добродетельной, вполне может оказаться самой озорной из всех. Муж смотрит на нее с восхищением, а соседи смеются, глядя на него и на то, какую ошибку он совершает.

Каждый хвалит свою жену - мужчины достаточно проницательны для этого - а потом злословит о соседской, и все это время мы не осознаем, что все мы находимся в одинаковом положении, ибо, как мы уже говорили, это величайшее зло, когда-либо созданное Богом".

Другой фрагмент, каталог женщин, длиннее и более известен. Он начинается так:

С самого начала Бог сделал женские характеры различными. В одну женщину Он вложил ум свиньи, длинный и щетинистый, и в доме ее все лежит в беспорядке, заляпано грязью и валяется по полу, а сама она, немытая, в грязной одежде сидит в трясине и толстеет.

Вторую женщину Бог сотворил из озорной лисы. Она хитра во всем одинаково; она знает все, все плохое и все хорошее; часто ее речь справедлива, но часто она зла, и ее настроение меняется каждый день.

Третий тип женщины был создан из собаки, и она - истинное дитя своей матери, вечно беспокойное. Она хочет все слышать и обо всем знать; она постоянно озирается и бродит вокруг, рычит, даже если никого нет в поле зрения. Мужчина не может остановить ее угрозами; нет, даже если в гневе он выбьет ей зубы камнем. Мягкие разговоры тоже бесполезны; все равно, даже если она сидит среди незнакомцев: мужчина находит ее постоянной и безнадёжной помехой.

Четвертую женщину боги на небе сделали из грязи - вернее, наполовину сделали, - а потом отдали мужчине. Такая женщина ничего не знает, ни хорошего, ни плохого; единственное дело, на которое у нее хватает ума, - это еда. Даже если Бог пошлет суровый зимний день и она будет дрожать от холода, она никогда не придвинет свой стул ближе к огню.

Пятая женщина была создана из моря, и в ней есть два разума. Однажды она улыбается и радуется. Незнакомец, увидев ее в доме, похвалит ее. "Во всем мире, - скажет он, - нет прекраснее и красивее дамы". Но в другой день на нее невыносимо смотреть и к ней невозможно подойти. Она полна ярости, как сука, охраняющая своих детенышей: дикая ко всем одинаково, к друзьям и врагам, отвратительная. Но даже море часто бывает тихим и безобидным, радуя моряков во время летнего прилива, а часто снова доводит до безумия громовыми волнами. Именно на море больше всего похожа такая женщина.

Шестая женщина была сделана из осла, с серой шкурой и упрямой против ударов. Хотя вы применяете упреки и силу, вам с трудом удастся заставить ее уступить вам и удовлетворительно выполнять свою работу. Она постоянно ест, днем и ночью; она ест в своей спальне, она ест у камина. Но если мужчина подходит, чтобы заняться с ней любовью, она быстро выходит вперед, чтобы поприветствовать его.

Седьмой был сделан из хорька, плаксивого и жалкого. В ней нет ничего доброго или милого, ничего приятного, ничего очаровательного, и любого мужчину, который приближается к ней, она наполняет тошнотой. Она воровка и досаждаёт своим соседям, а часто сама пожирает жертву, не принося ее богам.

Восьмая женщина была дочерью кобылы, степенной, со струящейся гривой. Она содрогается при одной мысли о работе или труде слуги. Она никогда не приложит руку к жернову, не поднимет решето, не выбросит навоз за порог: она даже не сядет у кухонной плиты, потому что боится копоти, и она хорошо знакомит своего мужа с невзгодами. Каждый день, по два-три раза, она смывает с себя каждую частичку грязи и умащивает себя

благовониями. Ее волосы всегда пышны и хорошо расчесаны, на них гирлянды цветов. Конечно, такая женщина - прекрасное зрелище для мужчин, но для ее владельца она - проклятие, если только он не тиран или король со скипетром, которому приспичило гордиться подобными прелестями.

Девятая женщина произошла от обезьяны: этот вид, действительно, является самым большим проклятием, которое Бог когда-либо посылал людям. Черты ее лица постыдно уродливы; такая женщина, проходя по городу, вызывает насмешку у всех мужчин. У нее короткая шея, и она с трудом передвигается; у нее нет ягодиц, ее ноги - сплошные кости. Увы бедняге, который держит руках такое зло! А что касается хитрости и уловок, то она знает их все и, как обезьяна, не прочь посмеяться над ними. Она никогда не оказывает никому услуг, но целыми днями только и делает, что ищет, как причинить кому-нибудь как можно больше вреда.

Десятая женщина была создана из пчелы: счастлив тот, кто ее получит! На нее одну не падает зловещий свет, но она приносит жизнь в счастье и процветании. Муж и жена стареют вместе в любви, а дети ее прекрасны и славны. Она знаменита среди всех женщин, и божественная благодать окружает ее. Она не любит сидеть с другими женщинами, когда они рассказывают похабные истории.

Такие женщины, как она, - лучшие и мудрейшие, данные Богом людям: все остальные - вред для мужчин, и по Божьему указу они всегда будут вредом".

На этом фрагмент заканчивается.

Все это - чистый женоненавистничество; но интересно отметить особые недостатки, которые наш поэт вменяет в вину женскому роду. В основном это два порока, которые угрюмый хозяин всегда найдет в своих слугах, - обжорство и праздность; они слишком мало работают и слишком много едят. Мы далеко ушли в этом мире от "Накорми скотину", и следует помнить, что в греческом доме работа была тяжелой, монотонной и непрерывной. Не было никаких приспособлений для экономии труда, потому что тяжелую работу выполняли в основном женщины. Каждый кусок хлеба или каши, съеденный в греческом доме, попадал туда в виде мешка с грязным зерном. Сначала его просеивали и очищали вручную; затем зерно засыпали в маленькую ручную мельницу и с помощью трудоемкого процесса перетирания пестом и ступкой превращали в муку; из муки делали тесто, замешивали его и выпекали; каждый процесс был сопряжен с максимальным количеством ручного труда и общих неудобств, которые несли женщины дома, пока хозяин прогуливался по городу.

Так же и с одеждой и домашними тканями: все операции по их изготовлению выполнялись дома женщинами. Хозяин довольствовался тем, что покупал овечьи шкуры - и, как показывает Феокрит, часто делал это очень плохо, - которые затем передавал жене. Сначала шкуры нужно было вымыть и высушить, затем состричь шерсть и счесать ее, после чего с помощью трудоемкого процесса прядения шерсть превращалась в пряжу, и, наконец, на ручном ткацком станке пряжа превращалась в ткань: один и тот же кусок ткани, настолько превосходно он был сделан, часто служил для плаща, одеяла и савана.

Очевидно, что праздная жена - если таковая существовала - или жена, съедавшая больше своей доли трудоемко приготовленного хлеба, была бы большим горем для своего господина и хозяина, который сам был слишком занят высшей политической работой, чтобы обращать внимание на такие вещи, и что механизм домашнего хозяйства был бы очень сильно запущен. Вполне возможно, что Симонид неудачно выбрал себе помощницу, ибо, как горестно сетует Гиппонакс, третий из этой компании, *"трудно найти жену, которая и*

принесет тебе хорошее приданое, и будет выполнять всю работу". Гиппонакс, если судить о нем по сорока коротким фрагментам, был крайне неприятным человеком; он постоянно просил и получал отказ; он чередовал жалобы с оскорблениями или прямыми угрозами.

Держите мой плащ, - кричит он, - и я выблюю ему глаз. У меня две правые руки, и я никогда не промахиваюсь, когда бросаю ". О женщинах он говорит не так много, как двое других, ибо круг его мыслей почти ограничен плотскими утехами. В качестве образца его стиля можно привести такой фрагмент: *"В вашей жизни есть только два дня, когда ваша жена доставляет вам удовольствие: день, когда вы на ней женитесь, и день, когда вы ее хороните"*.

Этот акцент на физической стороне любви проходит через всю элегическую и лирическую поэзию эпохи. Любовь для Мимнермуса - это тайные поцелуи, камерность и распутство, и зависит она исключительно от физической привлекательности. Молодой человек счастлив, потому что он красив и желанен; старик жалок, для женщин он объект презрения. Пресыщение, наступающее от избытка чувственных удовольствий, - главная причина меланхолического пессимизма, которым проникнута большая часть ионийской литературы. Об Алкее и его Лике, Анакреоне и его Батилле, Феогнисе и Кирне говорить сейчас излишне, но трудно поверить таким милым апологетам, как г-н Бенеке, когда они пытаются доказать, что вдохновением для этих отношений служил прекрасный идеализм. Ни характер произведений этих людей, ни характер их времени и страны не дают оснований для такой уверенности, и если мы ищем чистоту любовной страсти, то должны обратиться к Сапфо.

Среди всей грязи своего времени Сапфо сияет как звезда. Ни одна потеря в литературе не вызывает такого сожаления, как утрата девяти книг ее стихов, которыми располагала александрийская библиотека; ни одно сокровище в литературе не является столь ценным, как те фрагменты, которые различные случайности сохранили для нас. И, к счастью, число этих фрагментов продолжает расти, в чем можно убедиться, сравнив два лучших исследования Сапфо последних лет - изысканный сборник переводов, изданный мистером Уортоном в 1886 году, и блестящую монографию о новых фрагментах, написанную мистером Дж. М. Эдмондсом в 1912 году. Даже с тех пор появились новые стихи, и мы не знаем, что еще может ждать нас в Египте.

Во всех фрагментах, новых или старых, присутствует неопределимое качество личного чувства. Сапфо, как было сказано, оставила нам лишь фрагмент своего произведения, но это фрагмент ее души. Ее друг и соперник Алкей - великий поэт, но ему не хватает огненной интенсивности ее вдохновения, которое дает жизнь даже самой короткой фразе, которую какой-то грамматик выдал за редкое слово. Возьмем строки, которые адаптировал Россетти:

Как сладкое яблоко, что краснеет на самой верхней ветке,

A-top on the topmost twig - which the pluckers forget somehow,

Forget it not-nay, but got it not, for none could get it till now.

Как цветок дикого гиацинта, что на холмах встречается,

Который вечно рвут и ранят ноги пастухов,

Пока пурпурный цветок в землю не втопчут.

Или вот еще:

Мертв, мертв... В смерти,

Под землей, лишенный дыхания,

Молча, в одиночестве, закрытая гробница окутывает тебя.

К песням моим ты не прислушаешься, И без песен останешься ты;

Ты не любишь меня здесь, на земле,

И в смерти ты будешь без любви.

Мистер Эдмондс в своих переводах сохранил большую часть простого очарования греческого языка:

У меня есть маленькая дочь редкая,

Что подобна златым цветам прекрасным,

Моя Клис.

Я бы не взял всю Лидию,

Нет, ни прекрасной Греции рядом,

ради Клис.

А это - часть нового фрагмента:

И часто по дороге она бродит,

И о нежном Аттисе размышляет,

С грустной тоской любовь гнетёт,

Сердце гложет ее нежную грудь.

Пока не заплачет она от боли,

"О, приди ко мне", ибо мы с тобой

Знаем бремя ее мольбы,

Ночь, у которой множество ушей,

Посылает ей весть о том, что она слышит

Через разделительную магистраль.

Эта нежная простота - душа Сапфо, и в ее стихах даже несколько слов помогут создать картину:

Приди ко мне, о Любовь:

О Любовь, наследница, войди.

Все подметено и убрано,

Все подготовлено.

Огонь моего сердца горит ярко,

Все мое тело - пища для тебя,

И на моей груди ты проспишь всю долгую ночь.

ἐπὶ δὲ στήθεος ἐννυχεύσεις. Конечно, никто, кроме Сафо, не касался так близко сердца любви и поэзии.

IV.- Милезийские сказания

Главной особенностью ионийской литературы является определенная мягкость, некая распушенность нравов, соответствующая распушенности политической организации. Ионический человек был убежденным сторонником свободы для себя; но он ни в коем случае не был сторонником дисциплины, которая только и делает свободу возможной. Как в сексуальных вопросах, так и в политике его стремление к свободе и стремление к удовольствиям постоянно пересекались. Он хотел быть независимым от женщин; но природа не предназначила его быть монахом, и он купил свою кажущуюся свободу, поддавшись чувственности, гораздо более унижительной, чем женская любовь. Он хотел быть независимым от Персии, но не был прирожденным воином и в конце концов купил притворную автономию выплатой дани персидскому сатрапу, пожертвовав своей мужественностью ради мира.

Ионийцы действительно представляли собой странную смесь качеств, и их интеллектуальная активность резко контрастировала с моральной и физической ленью. По сути, они были городскими жителями; сельская местность и природа мало привлекали их, и их цивилизация нашла свое наиболее совершенное выражение в седьмом и шестом веках в великолепной роскоши таких городов, как ионийский Милет в Малой Азии и ахейский Сибарис в Южной Италии. Эти два города были тесно связаны между собой торговыми и социальными связями, и в обоих местах материальное процветание быстро привело к моральному разложению, а сладострастие стало правилом жизни. Подобно сегодняшнему Буэнос-Айресу, Милет и Сибарис были торговыми портами, основанными в новой стране, и быстрый рост богатства препятствовал развитию мужских добродетелей. Смещение рас представляло опасность, климат благоприятствовал сладострастным удовольствиям, а бодрящий стимул войны до поры до времени отсутствовал. Моральная и сексуальная деградация, ставшая результатом безудержной погони за удовольствиями, нашла свое выражение, как мы уже видели, в литературе. Сказка о Ганимеде, эпизод с обманутым мужем в "Илиаде" и каталог женщин у Симонида - яркие образцы ионийской мысли. Ни одна из этих трех историй не имеет никакой моральной ценности; более того, строгий пуританин, вероятно, не позволил бы им осквернить свои уста; но они, по крайней мере, достаточно приличны, чтобы быть записанными в литературной форме и пройти проверку, если их не слишком внимательно изучать.

Был, однако, и другой, еще менее заслуживающий доверия класс историй, о котором историки литературы рассказывают мало, но который, вероятно, был впервые придуман в

таких городах, как Милет и Сибарис, в седьмом и шестом веках, во времена их наибольшего процветания - так называемые "милезийские сказки". Обычно распространяемые из уст в уста, они просуществовали несколько столетий и время от времени появляются в истории, но их значение для сексуальной морали не всегда было оценено по достоинству.

Рассматривая их как литературу, мы сталкиваемся с тремя трудностями: во-первых, многие из наиболее типичных образцов этого стиля вообще не были записаны; во-вторых, большинство историй, нашедших отражение в литературе, были уничтожены праведным негодованием христианских моралистов; в-третьих, в случае тех немногих, которые все-таки сохранились, нет ни возможности, ни желания знакомить с ними современную аудиторию. Но, хотя они и являются наименее достойной частью нашего наследства от античной литературы, их влияние на древние нравы было очень велико, и их тенденция была настолько определенной, чтобы разрушить любую разумную концепцию взаимоотношений полов, что они заставляют обратить на себя внимание.

Хотя иногда они писались в прозе, их естественной формой была ямбическая мера, изобретенная Архилохом, и они предназначались как для мужской, так и для женской аудитории. Шут Ямб, *Пьеро*, имеет свой женский аналог в Ямбе, *Пьеретте*, которая появляется в гомеровском гимне Деметре и своими выходками заставляет печальную богиню улыбнуться еще раз. Это, пожалуй, единственное оправдание сказок; в своей более невинной форме они были призваны избавить греков от чувства меланхолии, которого, как предвестника безумия, они так боялись, путем возбуждения эмоции смеха; точно так же, как трагедия достигает той же цели, возбуждая эмоции жалости и страха. Но этот вид юмора в Афинах и Ионии вскоре выродился в грубость, и Иамбе, имя которой теперь изменено на Баубо, как мы видим ее на ритуальной статуэтке - женщина, сидящая на свинье, - играла видную и позорную роль в Элевсинских мистериях Деметры. Поклонение скорбящей матери - Матери Долоросе - стало прикрытием для безымянных непристойностей, а к влиянию религии добавилось влияние литературы, чтобы унижить представление мужчин о женщине. Именно такие стихи и образы упоминает Аристотель в седьмой книге "Политики"; это одна из причин возражений Платона против поэзии: по его мнению, лучше вообще никакой литературы, чем литература, деградирующая в этих целях.

Худший тип милезийской или сибаритской сказки был определенно предназначен для стимулирования животных страстей и мало чем обязан юмору или воображению. Чувство художественной пригодности, которым всегда обладали афиняне, не позволяло подобным историям попасть в письменную литературу в великий период и ограничивало их сплетнями парфюмеров и цирюльников. Но как только начался упадок, эти "ионийские поэмы", как называет их Афиней, стали признанной отраслью литературы, и мы слышим об их главных практиках, писателях "facetiae", "Hilarodoi", "Simodoi" и "Lysiodoi".

Среди наиболее известных авторов были Симус Магнезийский, Александр Этолийский, Пирс Милезийский и Сотадес из Маронеи, который дал свое имя целому классу развратных сочинений, представленных в наше время сотадиической сатирой Николая Хориера. Сотадес, однако, не ограничился сравнительно безопасным занятием - клеветой на женщин. Он решился написать пасквили на Птолемея Филадельфа и его сестру Арсиною, был пойман на острове, где укрылся, посажен в кувшин со свинцовым верхом и утоплен.

Но самым известным или печально известным из всех является Аристид, обычно называемый, но без особых оснований, "Милетским", который жил, возможно, во втором веке до Рождества Христова. Об этом человеке и его книге у нас мало прямых сведений, но он был переведен на латынь Сисенной, спутником Суллы в его сладострастном распутстве, а копии этой версии были найдены парфянами в палатках римских офицеров после битвы при

Каррахе. Даже парфяне, как рассказывает Плутарх, испытывали отвращение к Аристиду, и Овидий пытается использовать его в качестве убежища от обвинений в безнравственном писательстве. Римский поэт, который, хотя и был распутником, но, по крайней мере, был свободен от некоторых грубых пороков своей эпохи, горько жалуется в своем изгнании на разницу в обращении с Аристидом и с ним самим. *"Аристид не был изгнан, - плачет он, - и все же он был родоначальником всех скандальных историй Милета: авторы среди нас, которые теперь собирают сибаритские истории, остаются безнаказанными"*.

Сибаритские и милетские рассказы были описательными прилагательными, которые использовались даже во времена Овидия для обозначения такого рода произведений, и мы можем проследить их популярность и влияние в Риме. Цитаты, разумеется, невозможны, да и *сам жанр* не зависит от литературного изящества. Только один автор, Петроний, обладает достаточным мастерством, чтобы сделать его терпимым, а более мерзкие части "Сатирикона" являются наиболее реальными примерами литературы, вдохновленной Милетом и милезийскими представлениями о человеке. Природная грубость римского ума придала этому роду историй большее значение, чем допускали греки, но, вероятно, будет правильным отнести его первое происхождение к побережью Ионии в седьмом веке и особенно к метрополии ионийских государств.

С самого начала в Милете отношения между мужчинами и женщинами были печально известны, и, как рассказывает Геродот, они имели некоторое историческое обоснование. Первые поселенцы в Милете, - говорит он, - "не имея собственных жен, убивали мужчин и захватывали женщин страны". В результате этой резни женщины установили закон и наложили на себя клятву, которую передали своим дочерям:

Они никогда не должны есть за одним столом со своими мужьями, и ни одна женщина никогда не должна называть своего мужа по имени. Ведь они убили их отцов, мужей и сыновей, а потом заставили их стать своими женами.

Это первый случай в истории Милета, эпизод, не похожий на историю лемнийских женщин, и он многое объясняет. В главном городе Ионии вражда, а не любовь, была законом между мужем и женой. Домашняя жизнь была отравлена, и литература подхватила эту заразу. Действуя и реагируя, беда распространялась, и сейчас мы не можем в полной мере оценить ее масштабы. Но мы не можем сомневаться в том, что ионийская литература повлияла на снижение оценки мужчин в отношении женщин и тем самым на деградацию всех их идеалов социальной жизни. Три великих проклятия греческой цивилизации - сексуальные извращения, детоубийство и гаремная система - становятся заметными в шестом веке, и есть все основания полагать, что именно в это время был остановлен естественный рост населения и начался медленный процесс самоубийства расы. Если Иония была колыбелью греческой культуры, как мы знаем, то из Ионии же пришли и зародыши той моральной болезни, которая стала роковым противовесом интеллектуальному превосходству Греции.

В худшем типе милезианской сказки безнравственность принимает самые отвратительные формы; но была и другая, более приятная форма рассказа, также придуманная в Ионии примерно в это время, которая иногда называется тем же названием и наиболее известна нам в сборнике басен Эзопа. Сам Эзоп, хромым раб, ставший по традиции сослуживцем прекрасной куртизанки Родопис и современник Сапфо, едва ли более реальная личность, чем Гомер, и его имя использовалось как удобное укрытие для двух немного разных видов юмористических рассказов. Известные басни о животных, распространенные во всем средиземноморском и азиатском мире, у Эзопа обретают греческую форму, а рядом с ними -

юмористический анекдот, иногда банальный, иногда грубый, но всегда сильно реалистичный.

Они были особенно популярны в Афинах. "Расскажи им смешную историю об Эзопе или о Сибарисе, - говорит старый джентльмен в "Осах" Аристофана, - что-нибудь, что ты слышал в клубе"; и позже в пьесе, когда Бделиклеон опьянен, мы получаем два образца этого стиля. Как и наши лимерики, они написаны в стихах, с припевом: "*Однажды женщина в Сибарисе*" и "*Однажды Эзоп*", и хотя они не особенно юмористичны, следует помнить, что это остроты пьяного человека. Первая из них звучит так:

Однажды вечером Эзоп возвращался с ужина, и тут на него начала лаять сука, дерзкая и пьяная тварь. Тогда он сказал: "Дорогая, дорогая! Моя добрая сука, если бы ты продала свой поганый язык и купила немного муки, ты была бы более благоразумной".

Другая история такова:

Одна женщина из Сибариса однажды разбила кувшин. Кувшин попросил друга выступить свидетелем и потребовал возмещения ущерба. Тогда женщина сказала: "Дева, если бы ты оставила в покое адвокатов и купила клейкую штукатурку, ты бы проявила больше мудрости".

Басни Эзопа стали классикой для детского сада, потому что, подобно "Арабским ночам" и "Путешествиям Гулливера", они были превращены доброй иронией времени в то, что вряд ли предполагали их авторы. Но в их милезианской форме всегда присутствовала скрытая сатирическая жилка, даже в историях о животных. Мужские особи, орел и лев, храбры и великодушны, а женские, лиса и ласка, хитры и вероломны.

Более того, как мы видим из греческой версии Бабрия и латинской версии Федруса, хотя они и отделены от оригинала промежутком в несколько столетий, в эзоповых историях было очень много откровенно женоненавистнических мотивов.

В качестве примера можно привести басню Бабрия № 10:

Мужчина влюбился в уродливую, грязную рабыню, свою собственность, и охотно давал ей все, что она просила. У нее было полно золота, прекрасные пурпурные одежды, которые развевались у ее лодыжек, и вскоре она стала соперничать с хозяйкой дома. "Богиня любви, - думала она, - вот причина всего этого", - и она воздавала ей почести, каждый день отправляясь на жертвоприношения и молебны с просьбами и мольбами. Но наконец богиня явилась во сне, когда они спали, и, явившись к девушке-рабыне, сказала: "Не благодари меня и не думай, что я сделала тебя красивой: Я сержусь на этого парня, и поэтому он считает тебя красивой".

Вера в женскую красоту, как мы видим, - простое увлечение, как и вера в ее истинность, как показывает № 16:

Однажды деревенская нянька пригрозила хнычущему ребенку: "Прекрати, или я брошу тебя волку". Волк услышал эти слова и, полагая, что старуха говорит правду, терпеливо ждал еды, которая, как он думал, скоро будет готова. Только к вечеру ребенок уснул, и волк, который ждал с медленной надеждой, отправился домой очень голодный, с разинутой пастью. "Как это ты пришел домой с пустыми руками?" - спросила его жена, которая занималась домом. "Это очень необычно". Но волк ответил: "А что тебе оставалось? Я доверился женщине".

В № 32 приводится любопытная реминисценция Симонида:

Однажды кошка влюбилась в красивого мужчину, и славная Киприда, мать Желания, позволила ей изменить свой облик и принять женское тело, такое прекрасное, что все мужчины желали ее. Юноша, увидев ее, попал в плен и договорился о свадьбе. Брачный пир был только что готов, когда мимо пробежала мышь, и невеста, спрыгнув с высокой кушетки, бросилась за ней. Так закончился пир, и Любовь, весело пошутив, тоже ушла - ведь даже он не мог бороться с природой.

№ 22 более откровенен:

Однажды мужчина средних лет - не молодой, но еще и не старый, волосы у него были черные и белые, - чувствуя, что у него еще есть досуг для любви и веселья, взял себе двух любовниц, одну молодую, другую старую. Молодая женщина хотела видеть в своем любовнике молодого человека, а старая дама - такого же старика, как она сама. Поэтому каждый раз девушка выщипывала все волосы, которые ей попадались белыми, а старуха делала то же самое с черными волосами, пока наконец молодая и старая вместе не вырвали ему все волосы и не оставили его лысым. *Мораль*: жалок тот, кто попадает в руки женщин: они кусают и кусают его, пока не разденут до костей.

Так и в басне о льве, влюбившемся в девуцу, благородный зверь лишает себя когтей и зубов, всего, что делает его грозным, чтобы угодить девушке, а в награду за это его забивают до смерти.

Во всех этих историях есть нотка сатирического издевательства, но лучший пример циничного юмора, который вдохновляет весь класс, можно найти в сказке об Эфесской вдове. Фэдрус дает краткую версию; у Петрония история вложена в уста поэта-сатирика Эвмолпа, и в сжатой форме она, возможно, заслуживает цитирования. "Жила-была в Эфесе одна матрона, столь известная своей добродетелью, что все женщины окрестных городов приходили поглазеть на нее, как на чудесное зрелище". Так начинается эта история, и первое предложение, которое можно было бы взять из "Кандида" Вольтера, передает дух, в котором она написана. Муж дамы умер, и, не удовлетворившись обычными признаками скорби, покойная жена настояла на том, чтобы проследовать за трупом в подземную камеру, где он был положен. Там дама "с необыкновенным и образцовым постоянством" оставалась с ним в течение пяти дней, глухая к уговорам родственников и магистратов, отказываясь от пищи, и сопровождаемая только одной служанкой, чьим делом было разделять горе своей госпожи и обновлять факел, который один освещал погребальную камеру.

Вся страна была полна этой историей, - так гласит история, - и люди всех сословий согласились, что это был настоящий и блестящий пример добродетели и привязанности в женщине - *единственной, которую они когда-либо знали*".

Однако тем временем неподалеку распяли разбойников, и солдат, карауливший кресты, заметил в темноте свет костра. Поддавшись слабости человеческой натуры, он спустился в склеп и с удивлением обнаружил симпатичную женщину там, где ожидал увидеть привидение. Но вскоре он понял ситуацию - дама никак не могла смириться с потерей своего мужчины, поэтому он спустил в подвал свои ловушки и стал говорить ей слова утешения. Не продолжайте бесполезно горевать, - сказал он, - не терзайте свою грудь безутешными рыданиями; все мы к этому придем; у всех нас есть только одно последнее пристанище". Его попытка утешить, хотя и благонамеренная, но, конечно, несколько банальная, только раздражила даму, и он переключил свое внимание на служанку (ведь в таких историях всегда есть субретка) и уговорил ее принять участие в его пайке.

Затем девушка смогла убедить свою хозяйку последовать ее примеру, и вскоре все трое ели и пили вместе.

Вы знаете, - говорит Эвмолп, - каков результат хорошей трапезы: солдату вскоре удалось преодолеть решительную добродетель матроны так же успешно, как он преодолел ее решительное желание смерти".

Двери склепа были закрыты, чтобы казалось, что добрая дама испустила последний вздох над телом мужа; солдат принес вниз всевозможные яства, и два или три дня и ночи прошли в сладострастии.

Тем временем о распятых разбойниках совсем забыли, и на третье утро солдат обнаружил, что один из крестов пуст, так как тело ночью унесли хоронить родственники. Он объяснил барышне свое положение и заявил о намерении покончить жизнь самоубийством - должное наказание, по его словам, за пренебрежение долгом.

Но матрона была столь же сострадательна, сколь и добродетельна: "Боже правый!" - воскликнула она. Мне невыносимо видеть, как два таких дорогих человека уходят из жизни. Я лучше заплачу за мертвого, чем потеряю живого". И она велела солдату вынуть тело мужа из сосуда и прикрепить его к освободившемуся кресту. Солдат с радостью последовал гениальной идее умной женщины, и на следующий день люди удивлялись, как это мертвый человек оказался на кресте".

В "Эфесской вдове" представлены милезианские сказки в их лучшем виде; в худшем - их стоит читать только тем, кто может прикоснуться к смоле и не оскверниться. Сами по себе они недостойны презрения, но они имеют очень большое значение для истории мира, и особенно для истории взаимоотношений полов. Извращенные идеи, лежащие в их основе, были перенесены из Ионии в Афины, и, рекомендованные литературным гением афинских писателей, они оказали на последующую мысль такое влияние, которое ионийские порнографы никогда бы не обеспечили.

V.- Афины в пятом веке

Мы проследили основные тенденции ионийской мысли и увидели, как деградация женщин влечет за собой соответствующую деградацию литературы. Сама по себе оскорбительность ионийских произведений защищает их от внимания, однако необходимо процитировать некоторые из менее отвратительных образцов, поскольку следует помнить, что эта безнравственность литературы была одновременно причиной и результатом того низкого мнения, которое сложилось о женщинах. Мотивы, которыми руководствовалась целая школа писателей, были совершенно презренными, средства, которые они использовали, были не намного лучше; но они преуспели в своей цели. Когда Афины возглавили Грецию, они переняли у Ионии представление о женщинах как о низших существах, и на протяжении всего великого периода афинской истории женщины были подчиненным классом. Больше не было необходимости клеветать на них, ими просто пренебрегали.

Жизнь женщины в Афинах в пятом веке до нашей эры была тоскливым занятием. Она была тесно прикована к дому, пленница гарема, но без всякой роскошной легкости, которую гаремная система иногда предлагала в качестве утешения за потерю свободы. Афинский дом был маленьким, темным и неудобным, а день женщины был занят длинным кругом

однообразной работы. Изредка ей разрешали выйти из тюрьмы, чтобы пройтись в какой-нибудь священной процессии, как мы видим тихую шеренгу девушек, выстроившихся на фризе Парфенона, но все развлечения города были для нее закрыты. Из школы и гимназии, из Одеона и Академии, с общественных собраний и частных банкетов женщин ревностно не пускали. Сомнительно, что им разрешалось даже входить в театр Диониса, а их торговый квартал, где они покупали румяна и белый свинец, находился в самой отдаленной и труднодоступной части города.

Вся структура социальной жизни была устроена так, чтобы устраивать мужчин и исключать женщин. Правда, божеством-покровителем государства была женщина, Афина, но богиня была лишена женских качеств. Она стала идеальной Афиной, концепцией, настолько далекой от антропоморфной божественности, какой когда-либо обладала любая раса.

Этапы, на которых женщины были низведены до такого состояния неполноценности, в общей неясности ранней афинской истории совершенно неизвестны; но можно не сомневаться, что все положение было обусловлено ионийским влиянием. Правовой статус женщин, особенно в отношении собственности, похоже, был изменен определенным постановлением в конце шестого века до нашей эры, и в "Стойких девах" Эсхила есть следы конфликта принципов, на которых основывалось это изменение. Отныне в глазах афинского закона женщина была всего лишь придатком любого имущества, которое ей довелось унаследовать, и ближайший родственник мужского пола должен был взять на себя заботу о ее личности - *damnosa hereditas*, компенсацией за которую служили материальные преимущества ее имущества.

Кроме того, женщины в Афинах выходили замуж слишком рано, средний возраст составлял около пятнадцати лет, и результатом таких ранних браков было то, что к тому времени, когда женщина достигала благоразумия и могла стать интеллектуальной спутницей своего мужа, ее красота слишком часто исчезала, а сама она изнашивалась, превращаясь в преждевременную старуху. Для девочек не считалось необходимым образование, и на протяжении всего детства их держали в постоянном уединении. Они рассматривались только как потенциальные носительницы детей, и до брака, очевидно, применялись самые крайние меры предосторожности, известные современной евгенике. Но даже в качестве матерей они были не слишком эффективны, поскольку их телосложение страдало от узости их жизни, и в большинстве семей можно было встретить мокрую кормилицу - Титте. Как бретонские и нормандские девушки переезжают в Париж, так и те афинские семьи, которые могли позволить себе такие расходы, нанимали крепких женщин из Спарты, чтобы те заняли место матери. Алкивиад, например, был вскормлен лакедемонской кормилицей и не был совсем чужаком, когда, изгнанный из Афин, нашел убежище в Пелопоннесе. Не в Афинах, а в Спарте или на островах, где девушки боролись и бегали с юношами, Пайонис нашел модель для своей "Победы" с ее летящими ногами, глубокой грудью и крепкими, округлыми конечностями; а у Аристофана, когда Лисистрата собирает женщин Греции, афиняне едва ли могут сдержать полузавистливое восхищение пышной энергией спартанской Лампетто.

В Афинах ограничение женщин одной функцией означало, что даже эта функция выполнялась плохо, и на протяжении всего великого периода афинская раса медленно сокращалась в численности.

Только в одном отношении между полами в Афинах было мало различий - в одежде. Не было различий по полу, как не было различий по рангу. В аттической трагедии хор из генералов, рыбаков и цветочниц был одет одинаково. В Азии оба пола носили шаровары (θύλακοι, "мешки"), к которым греки относились с забавным презрением. В Афинах ни один из полов их

не носил. Существовали некоторые незначительные различия в форме, материале и цвете, но, говоря в целом, правильно сказать, что афинская дама или афинский джентльмен были одеты неформально, когда у них было одно одеяло, задрапированное вокруг их лица. Полное платье состояло из другого одеяла поверх первого, а искусство одевания заключалось в подходящей булавке и правильном расположении складок.

Но когда женщина покидала дом мужа и отправлялась за границу, она должна была надеть символ своего рабства - "кредемнон". Это изделие было своего рода яшмаком - вуалью, которую натягивали на лицо, чтобы защитить женщину от взглядов посторонних мужчин, не являющихся ее законными владельцами. Она придавала ее обладательнице белые щеки одалиски и отгораживала ее от свободы внешнего мира. Он, как и наш чепец и фартук, был знаком рабства, и освободиться от него можно было только став рабыней, ибо только рабыня могла ходить за границей с открытым лицом.

Именно это имеет в виду Еврипид, когда заставляет пленницу Андромаху рыдать: "И меня, даже меня, вытащили из моей царской башни на морской берег, не имея на голове ничего, кроме отвратительного рабства" (And. 109.).

Так и Гекуба в "Троянских женщинах", рабыня, босая и безголовая, приседает на землю, чтобы скрыться от мужских взглядов, и кричит: "Веди меня к моему ложу из соломы и к камням, которые теперь скроют мое лицо". (Троянские женщины, 508.) Рабство в древние времена было тяжелой участью, но для многих афинянок оно не представляло особого ужаса. Жена уже была собственностью мужа, а рабыни и женщины обычно объединялись в одну группу.

Однако афинянин, при всех своих недостатках, был истинным ценителем свободы и не заботился о рабах. Ни жена, ни девушки-флейтистки, чьи прелести мог купить любой желающий, не могли по-настоящему удовлетворить его, странную смесь чувственности и интеллекта. Единственными женщинами, чьей компании он желал, были те, кого называли, наполовину в шутку, наполовину всерьез, хетайраи, "близкие спутницы" - тем же словом называли политические ассоциации, которые составляли самую тесную связь между человеком и человеком.

Хетайры были иностранками и стояли вне закона: они не были афинскими гражданами и не имели никаких привилегий, но, с другой стороны, их никто не ограничивал. Часто высокообразованные, они принимали участие во всех мужских интересах: были собственными любовницами, свободно участвовали в политической жизни Афин и во многих случаях оказывали большое влияние даже на государственные дела. К личной привлекательности они добавляли социальный шарм и долгое обучение искусству наслаждения, и контраст между ними и афинскими женами можно проиллюстрировать, если сравнить жизнь актрисы Французской комедии с жизнью обитательницы турецкого гарема. Французская актриса и японская гейша являются ближайшими современными параллелями греческой гетеры, и все трое обязаны своим существованием как класс практически одинаковым социальным условиям, высокому уровню культуры и интеллекта, низкому уровню сексуальной морали.

Таковы были условия афинской жизни, и мы найдем их отражение в литературе. Великие лирические поэты, Симонид, Пиндар, Вакхилид, занимаются почти исключительно мужчинами; один только Эсхил, в этом, как и в большинстве других вещей, являющийся полной противоположностью типичного афинянина, рассматривает женщин как существ, обладающих разумом и душой. Резко контрастирует с трагиком Геродот, и сравнение их взглядов вполне возможно, поскольку, хотя историк значительно моложе, значительная

часть его материала относится к более раннему периоду, а в социальных вопросах, в частности, он часто представляет идеи первых лет V века.

Геродот, великий путешественник и обаятельная личность, остается истинным ионийцем. В его рассказах часто присутствует милезийский колорит - например, в истории о Рампсините и разбойнике, и не будет несправедливо сказать, что в своих исследованиях жизни древних племен и фольклора он особенно интересуется такими дикарскими обычаями, которые ставят женщин на низшее место. В качестве примера можно привести рассказ о туземных расах Ливии в последних главах четвертой книги "Истории".

Но величие его главной темы, борьбы между Афинами и Персией, подняло историка от этих сомнительных интересов, и в последних пяти книгах его труда женщины как класс мало обесцениваются. Правда, женщины почти не фигурируют в повествовании, а замечание Ксеркса об Артемисии: "Мои мужчины стали женщинами, а мои женщины - мужчинами" - соответствует представлениям афинянина, как и римлянина, который с трудом мог представить себе царицу. Вряд ли она так же уместна в устах перса, чья собственная мать, Атосса, в то время исполняла обязанности регентши. Но это мелочь, а если говорить в целом, то в последней части "Истории" мало что может оскорбить.

Геродот действительно одушевлен пылким патриотизмом и искренней любовью к свободе. "Изономия", - говорит он, и многие английские любители скачек согласятся с ним, - "само звучание этого слова превосходно". Но следует помнить, что его патриотизм касается только мужчин, а равенство перед законом - это равенство, от которого женщины были отстранены; ведь даже Платон делает изномию между мужчинами и женщинами последней и почти невероятной стадией демократической свободы.

Таким образом, только в ранних книгах проявляется более низкая манера поведения, и одного примера достаточно, чтобы доказать разницу между ионийским духом, который привел к порабощению женщин, и духом просвещения, который восстал против этого порабощения.

Мы возьмем историю Ио, рассказанную Эсхилом и Геродотом, ибо древние легенды Греции, сюжеты для истории и драмы, имели одно большое преимущество: их основные очертания были безличны и известны всем; детали, трактовка и интерпретация могли быть изменены для выражения личной мысли художника. Ио, дочь Инаха, царя Аргоса, была возлюблена Зевсом: из-за ревности Геры она превратилась в корову, после долгих странствий вновь обрела смертный облик и нашла покой в Египте, где стала матерью Эпафа, первого царя этой страны. Такова легенда, а вот версия Геродота:

Персы рассказывают, что однажды некие финикийцы привезли в Аргос груз товаров. Женщины города, среди которых была и Ио, спустились на берег моря, чтобы поторговаться. Финикийцы схватили женщин и увезли их в Египет. По мнению персов, насильно уводить женщин - это поступок нечестивца; беспокоиться об их отмщении - поступок глупца; не обращать на них внимания, когда их уводят, - поступок мудреца; ведь ясно, что, если бы они сами этого не желали, их не стали бы насиловать. Таков персидский рассказ, но в отношении Ио финикийцы не согласны. Они говорят, что не применяли никакого насилия, увозя ее в Египет, но что она вступила в интригу с их капитаном, когда тот был в Аргосе. Когда она

узнала, что может стать матерью, то испугалась своих родителей и, чтобы скрыть свою тайну, по собственной воле отправилась с ними в Египет".

Вся поэзия и романтика этой истории исчезли: реализм восторжествовал. Ио - женщина; при лучшем толковании ее поведения она тщеславна и неосмотрительна; она показывается незнакомым мужчинам и увлекается ими, хотя, как не без труда, хотя и не очень логично, добавляет история, это должно было произойти с ее собственного согласия. В худшем варианте она просто распутница. Она позволяет морскому капитану соблазнить себя, а затем покидает свой дом, родителей и родную землю.

Послушайте теперь Эсхила в прекрасной версии мистера Э. Р. Бевана:

В покоях, где я жила, девственницей скрытая,
Чужие лица по ночам посещали, зазывая
С нежным предложением: "О, прекраснейшая в судьбе,
Самая счастливая из всех дев, о дева!
О, зачем так долго дева, когда ждешь тебя
Наивысший брак? Он, Владыка Небес,
Раскаленный добела, пронзен желанием тебя,
Да, и вместе с тобою пройдет по тропинкам
Любовных наслаждений. Поэтому не отходи от тебя,
О дитя, ложе Всевышнего; но сделай вот что,
Иди туда, где луг глубокий, поле
Лерны, где живут домашние стада,
Место стад отца твоего - иди туда,
Чтоб взор Зевса облегчил желание".
Подобными мечтами царский мрак для меня
Был вечно чреват, несчастный я: пока, оседлав,

Я собрался с духом, чтобы открыть отцу
Видения и сны ночные. И он
В Пифо, да, и даже в Додону,
Посылал посольство за посольством, спрашивая.
Что ему нужно сделать или какое слово сказать,
Чтоб угодить тем, кто нами правит. И они приходили,
Принося с собой бремя дрогнувших губ,

Приговоры, слепые, темные слоги. Наконец

К Махусу ясное слово пришло.

Повелевая ясно и говоря, что он должен выгнать меня

Из дома, из земли, в скитанья.

На свободе, отдельная вещь, вплоть до последних

В земных пределах.

Сюжет один и тот же, но трактовка разная, и эти два отрывка иллюстрируют разницу между романтическим идеализмом и реалистическим обесцениванием.

Но Ио в "Прометее" - лишь одна из галереи героинь Эсхила, ибо в его творчестве женщины занимают главное место. Драматург расходится со своей эпохой, и его горячий патриотизм - едва ли не единственное связующее звено между ним и его собратьями. Эсхил - мистик, он верил в дельфийское вдохновение и интересовался религиозными спекуляциями. Его современники были материалистами, подозревали дельфийскую политику и рассматривали религию просто как церемонию. Эсхил был консерватором в политике, но либералом в мыслях; Афины уже становились крайней демократией. Наконец, Эсхил основывает свой театр на женщинах и делает их главными действующими лицами драмы, в то время как обычная женщина его времени была полностью отстранена от активных жизненных дел.

Но он - бессознательный феминист, и та определенная цель, которую мы находим у Еврипида, в его пьесах полностью отсутствует. Однако упрекать его, как это делают некоторые критики, в пренебрежении женскими интересами - значит проявлять странную неоцененность. Из семи трагедий, которые сохранила для нас византийская традиция, четыре, если бы их темой занимался современный драматург, можно было бы назвать пьесами с феминистскими проблемами, а в трех других женские персонажи обеспечивают большую часть драматического интереса, даже если первая идея сюжета может показаться, что они отнесены на второй план действия.

Из утраченных пьес многие, насколько мы можем судить по их названиям и скудным фрагментам, обладают той же особенностью. Самая известная, "Ниоба", имеет центральной фигурой скорбящую мать, такую же, как Гекуба Еврипида в первой сцене "Троянских женщин", и представлена, возможно, примерно так же, поскольку Эсхил, как и большинство афинских женщин, прекрасно знал драматическую ценность молчания, а пафос ситуации Ниобы не нуждается в длинных речах. Так что, если бы мы владели "Каллисто", легендой о деве, превращенной в медведя, "Пенелопой", "Ифигенией" или "Орейтией", любимой афинской историей о девушке, бродящей берегу моря и унесенной свирепым богом в его северные чертоги, мы бы еще ярче, чем сейчас, оценили романтическую сторону искусства трагика. В этой связи показателен тот факт, что из шестидесяти странных названий утраченных пьес, дошедших до нас, почти половина - женские имена. Более того, в семнадцати из этих пьес название взято из хора, а в эсхиловском театре хор обычно является центральной фигурой в драматическом действии. Такие названия, как "Дочери Солнца", "Кормилицы Диониса", "Дочери Нерее" и "Вакханки", предполагают, во всяком случае, романтические пьесы с сильным женским интересом; другие, такие как "Женщины спальни", "Водоносы" и "Женщины Этны", вполне могут быть примерами реалистического отношения к жизни женщин, пример которого мы имеем в "Кормилице" "Носильщиц". Аргументы, основанные только на названиях утраченных пьес, очевидно, не имеют большой ценности, за исключением той степени, в которой они усиливают определенные доказательства,

которые дают существующие трагедии, но изучение оставшихся семи пьес покажет, что первый и величайший из афинских драматургов был глубоко впечатлен потенциалом добра и зла женского ума.

VI.- Эсхил и Софокл

Из семи сохранившихся пьес Эсхила три - "Семь против Фив", "Персы" и "Прометей" - посвящены битвам, раздорам между людьми и богами. Можно было бы предположить, что женщины здесь играют незначительную роль, но на самом деле в двух из трех произведений хор, посредник между поэтом и зрителями, состоит из женщин, а в третьем женщина - главный персонаж.

"Семь против Фив" - это патриотическая драма, "наполненная духом войны", как описывает ее сам поэт, а также полная речей. Мужские персонажи говорят; то небольшое, что есть в пьесе, приходится на долю женщин из хора. Например, их первая песня, когда они призывают богов спасти их от бедствий войны, вероятно, сопровождалась более энергичными движениями, чем все остальные в трагедии. Несимпатичный мужчина Этеокл, правда, обращается к ним как к "невыносимым созданиям" и "отвратительным животным" и говорит: "Со своей стороны, я никогда не хочу делить свой дом с женщинами и брать их свои беды и радости"; но его высказывания строго соответствуют его неприятному характеру, и поэт инстинктивно полагается на женские персонажи в качестве главного драматического интереса. Так, в "Персах", пьесе-хронике, состоящей в основном из хоровых од и речей гонцов, царица-мать, Атосса, занимает первое место в действии, и психологический контраст заключается в ее женской силе и мужской слабости Ксеркса. В "Прометее", конечно, большинство персонажей - боги и полубоги - мужчины, но они не имеют большого драматического значения. В том, что касается их самих, пьеса представляет собой хороший пример того, что Метерлинк называет "статичной драмой". Персонажи стоят на месте и *разговаривают*. Действие находится в руках женских персонажей - жалкой фигуры странствующей коровы-служанки Ио и контрастной группы хора русалок, дочерей моря. Эти последние, пожалуй, самые очаровательные из всех творений поэта, и аромат, возвещающий об их приближении, когда, отбросив скромность, они решаются предстать перед мужчиной, разносится по всей пьесе. Сочувствующие, но не лишенные веселья, любознательные, но стойкие в час опасности, они такие же героини, как и сама Наусикаа.

Таким образом, в этих трех пьесах женский интерес как бы пробивает себе дорогу в сюжет, который в своей первой форме не предлагал женщинам никакого места. "Семеро против Фив", "фрагмент из таблицы Гомера", отличается от эпоса главным образом женским элементом, привнесенным хором; "Персы", посвященные тем же событиям, что описаны Геродотом, отличаются от него тем, что в них большое внимание уделяется женскому персонажу, Атоссе; Прометей, повествующий о конфликте между свирепым молодым богом и филантропичным старым демиургом, опирается в своем драматическом интересе в основном на эпизоды с Нереидами и Ио; эпизоды, которые, строго говоря, не имеют никакого отношения к основному сюжету.

Феминизм, присущий сознанию поэта, находит полное выражение в остальных четырех пьесах. Например, "Уступчивые женщины", хотя она и кажется нам архаичной, посвящена социальной проблеме и вопросу права, который горячо обсуждался во времена поэта и в конце концов, несмотря на его выступления, был решен против женщин. Вопрос звучит так:

"Должна ли женщина быть вынуждена выйти замуж за человека, который ей не нравится, и передать ему управление своим имуществом только потому, что он является ее ближайшим родственником? Эсхил отвечает отрицательно; афинский закон *решил утвердительно*.

Персонажи пьесы - почти все женщины, пятьдесят дочерей Даная, сопровождаемые своим старым отцом, которые бежали из Египта в Грецию, чтобы спастись от насилия своих двоюродных братьев, сыновей Эгипта, которые хотят жениться на них силой. Это лирическая драма, и вся тяжесть действия и музыки ложится на плечи женщин. Агония толпы девушек, беспомощно склонившихся перед алтарем, изображена в самой пленительной мелодии; они рассматриваются не как отдельные личности, а как представительницы женского пола в целом; их участь - участь всего женского рода, и проблема представлена как универсальная. Смуглые дочери Юга, они призывают на помощь своего бога - бога, который когда-то находил наслаждение в объятиях их прародительницы Ио; и в пьесе их молитва услышана. Царь Аргоса защищает и дает им приют, а египетский глашатай, который должен был вернуть их обратно, презрительно отвергается. Из трех мужских персонажей наиболее интересен Данай, а его советы дочерям применимы к женщинам вообще в древние времена:

Дети, вы должны быть благоразумны: пусть в ваших речах не будет дерзости: скромное лицо и спокойный взгляд: никаких распутных взглядов. Не будьте прямолинейны в речи и многословны: люди здесь очень склонны обижаться. И помните о покорности - вы нуждающиеся иностранные беглецы, а слабым не подобает быть смелыми в речах".

И в заключительных словах он намекает на некоторые трудности женской жизни:

Я прошу вас, не позорьте меня, вы, чей юный расцвет так привлекателен для мужчин. Спелый нежный плод нелегко уберечь; мужчины подобны животным, они стремятся только к разрушению. Твои сады прекрасны, сама владицица любви возвещает об их росистой свежести, и когда дева приходит в изысканной прелести, каждый мужчина, проходя мимо, становится жертвой желания и бросает быстрый взгляд, чтобы завоевать ее фантазию..... Соблюдайте же этот наказ вашего отца и цените целомудрие больше, чем саму жизнь".

В "Уступчивых женщинах" представлен один конкретный этап подчинения женщин, рассмотренный безлично, и почти не затрагивается великий вопрос о том, в какой степени сила может быть правильно встречена силой. В легенде дочери Даная спасаются от рабства, убив своих мужей в брачную ночь, но об этом Эсхил в этой пьесе ничего не рассказывает.

Однако эта проблема слишком важна, чтобы ускользнуть от его внимания, и она составляет центральный мотив величайшей пьесы мировой литературы - "Агамемнона". Оправдано ли убийство женщиной своего мужа? Этот вопрос был особенно интересен в Афинах, как и в любом обществе, где женщин держат в рабстве, ведь тиран всегда ходит в страхе перед ножом убийцы. Еврипид с язвительной иронией раскрывает этот тайный страх: "Если женщинам разрешат проливать мужскую кровь, - заставляет он Ореста плакать, - то нам, мужчинам, лучше сразу покончить с собой; если дело только в желании убивать, то мы можем быть уверены, что все женщины уже обладают им". В "Агамемноне" эта проблема решается; в продолжении ставится второй вопрос: "Вправе ли сын убить свою мать, чтобы отомстить за смерть отца?".

Но трилогия "Орестея", помимо того что она посвящена феминистским проблемам, представляет собой живую галерею женских типов: Клитемнестра и Кассандра, Электра и Кормилица, хор дев в "Хоэфоре" и хор фурий в "Эвменидах". В "Агамемноне" резко

противопоставлены две женщины: Клитемнестра - царица, не желающая подчиняться мужской власти; Кассандра - жертва, predetermined судьбой терпеть капризы хозяина и переходить от вероломного любовника Аполлона к жестокому хозяину Агамемнону. Никто не может читать пьесу и сочувствовать убитому царю. Его убивают со всеми ужасающими обстоятельствами; вернувшись домой после многолетнего отсутствия на чужбине, где он сражался за свою страну, он находит в своем доме не верную жену, а тайного врага; она скрывает свою ненависть, заманивает его в баню и там собственными руками убивает его.

И все же драматург, да и его читатели, находят жену, а не мужа сочувствующим персонажем. Отчасти дело в невыносимой черствости и жестокой гордыне Агамемнона, который пожертвовал жизнью дочери, чтобы помочь в своих политических планах, а теперь везет с собой из Трои наложницу, которую заставил разделить с ним ложе. Но есть также ощущение, что Клитемнестра на самом деле лучший мужчина в этой паре: она от природы рождена править, и ее подчинение мужчине противоречит законам природы. Конечно, в пьесе она занимает первое место, а Кассандра, роль вокально самая важная из всех, идет следом. Мужчины - Агамемнон, дозорный, герольд, Эгисф и беспомощный хор престарелых советников - всего лишь пенаты для "мужеподобной" царицы. Контраст между решительной женщиной и нерешительными мужчинами в заключительных сценах почти комичен, и пьеса заканчивается ее триумфом. В продолжении, "Носителях пира", основное действие снова происходит в руках женщин - Электры и ее подруг, девиц из хора. Орест, правда, совершает убийство, но между братом и сестрой есть разница: Электра действует по собственной инициативе и является женщиной столь же волевой, как и сама Клитемнестра; Орест же действует, повинаясь лишь чужому влиянию. Электра не чувствует угрызений совести; Орест, едва убив мать, терзается воображаемыми ужасами. Среди персонажей второй пьесы, безусловно, наиболее интересна старая Кормилица. Она явно выписана из жизни и является одной из самых ярких фигур греческой драмы: ее добрый нрав и привязанность к своей бывшей подопечной контрастируют с яростной горечью Электры, и она вносит единственный оттенок юмора, который скрашивает скорбную музыку этой пьесы.

Последней идет "Эвмениды", в которой с почти постыдной откровенностью обсуждаются физические проблемы взаимоотношений. "Кто ближе к ребенку - мать, которая его зачинает, или отец, который его рождает? И снова: "Разве убийство мужа, который не является кровным родственником, не менее отвратительно, чем убийство матери, которая произвела тебя на свет? Вот некоторые из вопросов, которые поднимаются, но на которые нет ответа, поскольку окончательное примирение удовлетворяет скорее религиозное, чем практическое чувство. Сюжет можно изложить кратко:

Группа женщин преследует мужчину по всей земле; преследует неустанно, пока он не умрет от усталости. Всякий раз, когда погоня ослабевает, другая женщина - или, скорее, ее дух - возобновляет преследование. Мужчина тщетно взывает о помощи к мужчинам, и наконец третья женщина с помощью искусной дипломатии убеждает мстителей - по крайней мере, некоторых из них - согласиться на примирение.

Таков эсхилевский театр; но, как мы уже говорили, Эсхил - одинокий дух в Афинах. Общий взгляд на женщин представлен следующим поколением - Периклом, Софоклом и Фукидидом, величайшим государственным деятелем, драматургом и историком своего времени. Последний из них особенно значим. Вы можете прочесть его "Историю" от начала до конца - и если вы изучаете историю, то не найдете в мире другой такой ценной книги, - но о половине человеческой расы вы не узнаете ни слова. Даже в приветственных речах, когда солдат призывают сражаться за свои владения, женщины стоят лишь на втором месте после детей. В остальной части "Истории" они практически не упоминаются.

Для Фукидида женщины, даже такие, как Аспазия, почти не существовали. Политика была для него серьезным делом, война - великой игрой жизни, и ни в одной из них женщины не принимали участия. Вероятно, он согласился бы со своим героем Периклом: "Высшая слава женщины - не опускаться ниже уровня тех природных сил, которыми она обладает: та женщина лучше всех, о которой меньше всего говорят мужчины, хвалят ли ее или порицают".

В своем безразличии историк точно следует примеру государственного деятеля. Перикл, о любовнице которого, Аспазии, мы слышим так много, а о жене, матери его сыновей, так мало, похоже, никогда не задумывался о той роли, которую природа отвела женщине в создании и управлении государством. В его время Афины столкнулись с войной, которая за один год лишила их многих храбрейших сыновей. Им были устроены государственные похороны, на которых, как рассказывает Фукидид: "Присутствовать мог любой, кто пожелает, чужестранец или гражданин: даже женщины были там, чтобы оплакать своих родственников у могилы". В конце церемонии Перикл произнес ту погребальную речь в честь Афин, отголоски которой можно найти во всей современной греческой литературе. Большая часть речи решительно посвящена славе этих героических смертей и величию принесенных жертв, но в конце оратор снисходит к человеческим чувствам и обращается к стоящим перед ним мужчинам с благородными словами утешения, называя их последовательно отцами, сыновьями и братьями погибших. Затем следует последнее холодное предложение, обращенное не к матерям, а к вдовам в его аудитории: "Несколько слов совета", - называет их Перикл, и это скорее язык порицания, чем сочувствия.

Незнание женщин делало даже самые великие умы Афин невосприимчивыми к истинному положению женщин, а в случае с Фукидидом есть еще одна причина. Когда историк пришел к написанию своего труда, он был слишком горько разочарован, чтобы беспокоиться о чем-либо, кроме своей главной темы - неспособности Афин сохранить периклеанскую систему. В мире, где, казалось, правит слепая случайность, а самые высокие политические идеалы остаются нереализованными, социальное положение женщин вполне могло показаться ему мелочью.

Но свидетельство Фукидида в основном негативное: мы получаем более четкие свидетельства от Софокла. Софокл - типичный афинянин, разносторонний и вкрадчивый, *"евтрапелос, эвколос"*. Актер, поэт, священник и полководец, он был одним из самых популярных людей своего времени среди *мужчин*. О его семейной жизни мы имеем не столь блестящую картину. Его жена - одна из многих безымянных женщин, жен великих людей. Его дети, по-видимому, не относились к отцу с такой же привязанностью, как окружающие, а в старости пытались лишить его контроля над собственностью. Что касается женщин и более мягких привязанностей жизни, то за пределами его собственного творчества мы имеем анекдот в "Республике" Платона. Поэта в старости спросили, как он относится к любви: "Тише, тише, - ответил он, - я сбежал и, право, рад. Я чувствую себя как раб, сбежавший от безумного хозяина".

Таково было чувство, которое породили условия жизни в Афинах. Женщина и женская любовь были необходимой слабостью: счастлив тот, кто смог вырваться на свободу, и, если верить рассказам Афиня, Софокл, спасаясь от женщин, тоже попал в ионийскую ловушку. В его пьесах женщины вообще ничтожны; по крайней мере, единственные женщины, которых ему удастся сделать реалистичными, - это рабыни, ангелы-служители, такие как Деянира и Текмесса, кротко внимающие словам своего господина, "часто вбиваемым им в уши": "Женщина, для женщин молчание - лучшая одежда".

Текмесса, хоть и обладает прекрасным характером и намного превосходит Аякса по моральной силе, не имеет самостоятельного существования в отрыве от своего господина и повелителя. Деянира, покинутая своим неверным мужем, и не помышляет об обиде: она лишь хочет вернуть своего господина и готова пойти на любые средства, лишь бы вновь обрести его общество. И очевидно, что эти две дамы, которые заставили бы современную женщину впасть в отчаяние, являются для Софокла идеалами женского совершенства.

Из других пьес в "Œdipus Tyrannus" есть только один женский персонаж - Иокаста, мать, выданная замуж за собственного сына, - ужасная фигура, которую почти невозможно удачно драматизировать. В пьесе она играет лишь незначительную роль, и ее молчаливый уход - самый эффектный штрих; но здесь интересно сравнить Софокла с Еврипидом, которому в "Финикийских женщинах" удалось сделать Иокасту реальной и самой патетической фигурой. В "Дипе при Колонусе" есть две девушки, Антигона и Исмена, но они бесполы и драматически важны только как типы девичьей преданности. В "Филокете", как и в двух "Œdipus", есть мужской хор, и только в греческих трагедиях, если не считать "Резуса", нет женских персонажей. Кроме того, независимо от причины, это самая скучная пьеса, которой мы располагаем.

Остаются "Электра" и "Антигона", и первая из них - яркий пример того, насколько важен для драматурга выбор темы. И Эсхил, и Еврипид оставили нам пьесы, посвященные одной и той же истории, и сравнение этих трех трагедий выявит существенные различия между тремя поэтами. Драматург должен разделять - по крайней мере, воображать - мысли своих персонажей, а такие женщины, как Клитемнестра и Электра, настолько выходят за рамки опыта и сочувствия Софокла, что он совершенно не в состоянии сделать их живыми. Как и все, что написал Софокл, "Электра" полна литературных достижений. Эпический метод, например, самым изобретательным образом приспособлен к театру, а яркое повествование о гонках на колесницах, в которых Орест должен встретить свою смерть, составляет центр пьесы, но в ней нет подлинного сцепления с драматической ситуацией: это литература, а не жизнь.

В "Антигоне", напротив, поэт имеет дело с темой, полностью соответствующей его темпераменту, - конфликтом между законом и личностью, причем независимо от пола, и пьеса представляет собой великолепный образец его искусства.

Здесь, конечно, центральной фигурой является женщина или, по крайней мере, девушка, но интерес не зависит от ее пола, поскольку эпизод с Хемоном практически не используется в драматическом плане. Не ее пол, а ее социальное положение влияет на проблему пьесы, достаточно жизненную саму по себе, без всякого полового интереса: "Насколько оправданно для человека ставить свою совесть против закона государства?".

Антигона - девушка-сирота, рожденная вне законного брака, рабыня без хозяина; и венцом иронии является противопоставление ее одинокой фигуры величию рукотворного закона. Современному читателю она кажется очень жалкой, а афинская аудитория, несомненно, сочувствовала бы ей как бунтарю, если не как женщине. В греческом языке нет слова "приказывать", а единственное слово "подчиняться" означает буквально "позволять себя убедить", так что отказ от военной службы по соображениям совести был не редкостью. Но Софокл был генералом и по опыту знал, как ведут себя афинские солдаты, и нет уверенности, что он оценивает своеволие своей героини в столь благоприятном свете; ведь, как мы видим из других его пьес, он был в основном на стороне закона. Он был скорее наблюдателем, прекрасно владеющим языком, чем оригинальным мыслителем или критиком установленного порядка; и это любопытный поворот судьбы для поэта, который отнюдь не

обладал близким или сочувственным знанием женского характера, что "Антигона", единственная пьеса, где женщина играет важную роль, должна быть, безусловно, самым великим из его произведений.

Названия и фрагменты его утраченных пьес подтверждают впечатление, производимое сохранившимися трагедиями. У нас есть около сотни названий утраченных пьес, и едва ли пятая часть из них названа в честь женщин. Более того, рассмотрение названий тех пьес, которые носят имя одной женщины, покажет, что большинство из них, вероятно, были скорее антифеминистскими, чем феминистскими. Елена, Эрифила, Пандора, Прокрис, Тиро: Елена, покинувшая мужа и дом; Эрифила, продавшая мужа за золото; Пандора, воплощенная причина бед среди мужчин; Прокрис, купленная любовником; Тиро, соблазненная вторым любовником: легенды об этих дамах были сложены, чтобы угодить афинской публике. Коварные и непостоянные создания, они наглядно показывают, как необходимо тщательно следить за женщинами, и можно предположить, что Софокл, обращаясь с этим сюжетом, не разочаровал ожидания своей публики.

Только в пяти пьесах название взято из хора: "Спартанские женщины", "Лемнийские женщины", "Водоносы", "Женщины Скироса" и "Пленницы"; и очень маловероятно, учитывая названия, что хоть одна из этих пяти пьес была написана с большой симпатией к женским идеалам. Спартанские и "лемнийские" женщины были в Афинах почти пословицей, обозначающей "неженственных" женщин; "водонос" был синонимом сплетницы. О двух других у нас есть немного точных сведений. Филострат рассказывает, что женщины Скироса рассказывали не очень приятную историю о том, как молодой Ахилл, переодетый девушкой, попал в царский гарем и стал там отцом Неоптолема от молодой принцессы Дейдамеи. О "Пленницах" известно, что сюжет у нее тот же, что и у "Троянских женщин" Еврипида, но происшествия трактовались с юмором. Не исключено, что и в наши дни автор может счесть беды женщин на войне подходящей темой для шутки; но дело продвинулось так далеко, что вряд ли стоит считать его безупречным гением или возводить его в ранг высшего продукта нашей цивилизации.

VII.- Эврипид

Вся греческая литература обладает одним особым качеством. Как с самого начала обнаружило племя схолиастов и переводчиков, она поддается интерпретации; и Еврипид больше, чем большинство авторов, пострадал от своих интерпретаторов. Древнее мнение о том, что Еврипид был женоненавистником, до сих пор иногда сохраняется, и это заблуждение не совсем наша вина. Отчасти в этом виноват сам Еврипид, ведь любимое оружие поэта - ирония, а ирония - обоюдоострый меч, который может быть обращен против тех, кто осмеливается его использовать. Еврипид не говорит прямо и откровенно: "Вы, мужчины, считаете себя от природы выше женщин: храбрее, правдивее, бескорыстнее: на самом деле это превосходство - плод вашего воображения". Ни поэт, ни его зрители не обратили бы внимания на такую жестокую откровенность. Еврипид излагает факты жизни, немного злонамеренно их подстраивая, и оставляет суждение другим. Он слишком хороший художник, как, впрочем, и Эсхил с Софоклом, чтобы делать всех своих женщин ангелами, а всех мужчин - наоборот. Многие из его женщин имеют очень очевидные недостатки, так что если вы придете на его спектакль с твердым и удобным убеждением в превосходстве

мужчины и сможете закрыть глаза на более чем половину действия, вы, вероятно, найдете в том, что останется, убедительное доказательство женской слабости.

Но зачастую наша убежденность в женоненавистничестве Еврипида имеет совсем другой источник: нашу извечную привычку воспринимать шутку всерьез. Аристофан, который, вероятно, знал Еврипида - человека и его пьесы - лучше всех на свете, представляет его как женоненавистника, которому угрожает женская месть. Мы делаем вывод, что Еврипид действительно недолюбливал женщин.

Зрители на представлении аттической комедии ожидали прямо противоположного. Допускалось, считалось правильным в случае с комическим поэтом, чтобы он переворачивал факты с ног на голову. Сократ, например, всегда признавал себя неспособным ничему научить и считал безнравственной практикой брать плату за обучение. Поэтому в "Облаках" он представлен как содержатель школы и преподаватель по найму. Еврипид - поборник женского равноправия, поэтому в "Облаках" Аристофана он представлен как женоненавистник.

Подобные случаи встречаются и в нашей общественной жизни. Интеллигентный иностранец, если бы он читал нашу литературу во время всеобщих выборов и серьезно относился к предвыборным плакатам, составил бы весьма неверное представление о том, как оценивает большинство его соотечественников премьер-министра. Извращение фактов даже у нас считается юмором в политике, и именно так мы должны относиться к Аристофану. Однако ученые-классики всегда были серьезным сословием, и, признавая грубость Аристофана, они часто не видят его юмора. Ирония Еврипида и юмор Аристофана чужды пуританскому духу, когда они поняты, и чтобы оценить первую, необходимо внимательно изучить все пьесы. Еврипид был, прежде всего, драматургом, и его главное дело - пьеса. Но за драматургом стоит поэт и идеалист, человек, вовсе не склонный смотреть на жизнь с философской отстраненностью, но чувствующий так глубоко и горько, как никто и никогда, основы несправедливости, на которых слишком часто воспитывалось человеческое общество.

Еврипид отстаивал дело женской свободы против декадентов Ионии, как отстаивал дело религиозной свободы против реакционеров из Дельф. Он понимал, что лучший способ защиты - это нападение на другую сторону: успешная оборона невозможна, если, во всяком случае, вы не готовы к агрессии. Открытая воинственность в его случае была невозможна, ведь драматический поэт якобы был слугой государства, а большинство, но далеко не все, его соотечественников поддерживали доктрины непогрешимости дельфийского бога и афинского человека, так что он вынужден действовать методом, прямо противоположным методу женоненавистников. Он не трудится над своими аргументами: он не рисует тяжелой кистью. Если вы хотите пренебречь этой точкой зрения, вы можете сделать это, и все равно найдете много интересного - его дар яркого повествования, легкую музыку его стиха и его непревзойденное чувство драматического эффекта. Но у каждого драматурга, сознательно или бессознательно, есть какая-то основа для размышлений, какая-то критика жизни, которая проявляется более или менее отчетливо через драматическое действие его пьес. У Еврипида эта критика направлена главным образом на проверку трех предположений, актуальных в его время: что Бог открывает людям свои цели, что война оказывает облагораживающее воздействие на нацию и на отдельных людей, что женщины по природе своей ниже мужчин.

Первые две из этих догм нас сейчас не касаются. Что касается реальной природы идей Еврипида в отношении третьей, то мы получим наиболее ясное представление, если

рассмотрим сначала персонажей его театра, затем общий корпус его пьес и, наконец, те четыре драмы, которые особенно касаются отношений между мужчинами и женщинами.

Представителей обоих полов можно разделить, согласно греческой моде, на шесть классов: Старик, мужчина, юноша, старуха, женщина, молодая женщина; и надо сразу же признать, что Еврипид, как и большинство греков, совершенно лишен какого-либо почтения к возрасту. Его старики склонны быть дотардами и относятся к ним с шутливым презрением. Амфитрион в "Геракле" - это тип: он живет в мире иллюзий, видит видения и сны, но когда требуется серьезный совет или энергичное действие, он бесполезен. Кадм и Тейресий в "Вакхах" - персонажи того же рода. Они задуманы как юмористы, и сцена, в которой два старика, покачивая седыми головами, готовятся танцевать и петь, - чистый бурлеск. В своих религиозных взглядах Кадм согласен с Амфитрионом: он готов принять чудесное, если оно приносит пользу, и почти не утруждает себя притворством. Что касается божественности нового бога Диониса, то его мнение таково: "Этот парень, так или иначе, сын моей дочери, и мой долг как главы семьи - сделать так, чтобы он был великим богом". Кадм и Амфитрион, по крайней мере, частично обманывают себя; Эгей - всего лишь задница. Старый джентльмен, верящий, что его мужественность можно вернуть с помощью магического искусства, - ребенок в руках Медеи, и сцена между ними аристофанична в своей откровенности.

Вообще говоря, старики у Еврипида - импотенты: когда им позволяют действовать, их энергия - например, Тиндарея и старого слуги в "Ионе" - озорна. Только в одном случае старики играют достойную роль: когда они противостоят бесцеремонному насилию какого-нибудь взрослого мужчины, нападающего на женщин и детей. Иногда, как в случае с Пелеем и Иолаем, они добиваются успеха, иногда терпят неудачу, но в любом случае их существенная слабость служит подспорьем для самонадеянной силы их противника.

Переходя ко второму классу, взрослым мужчинам, мы получаем три основных типа: подлец, болтун и проstack. Ясон и Адмет - подлые люди: подлые, эгоистичные и трусливые: они способны попросить женщину спасти их жизнь, рискуя своей собственной, но не способны на благодарность. Тем не менее они красивы, составляют хорошую компанию и совершенно не осознают своих недостатков. Менелай - худший тип, который особенно не нравится поэту. К подлости он добавляет пороки жестокости и вероломства и является рабом страстей. В "Оресте" он холодно вероломен, в "Андромахе" вероломен и жесток, в других пьесах, где он появляется, просто презренен. Далее следуют бледнолицые: Агамемнон и Геракл, Лик и Эврисфей. Первые двое - обычные чувственные люди: достаточно храбрые и способные на великие поступки, но неверные, лживые и самовлюбленные: они кажутся сильными, и они сильны телом, но у них нет силы духа. Лик и Эврисфей - люди низшего типа, простые забияки, зависящие только от силы, и Еврипид не пытается сделать их интересными. Наконец, есть и простофили: Ксут, Тоас и Феоклимен - легкая добыча для умных женщин - жрицы, Ифигении, Елены, которые используют их по своему усмотрению. Это мужчины, которые с возрастом станут такими, как Эгей и Амфитрион. И ими почти исчерпывается список во втором классе. Остаются только Тесей, патриотическая абстракция, мужской аналог Афины; Креон, "царь" - это имя дается более чем одному человеку, скорее чиновнику, чем живому персонажу; и несколько человек второго плана: глашатай Талтибий и крестьянин-земледелец в "Электре". Эти двое занимают весьма подчиненное положение, но они во всех отношениях более мужественны, более великодушны, более любвеобильны, чем великие люди, которым они служат. Если не считать их, то во всем театре Еврипида нет ни одного взрослого мужчины, к которому можно было бы отнести с симпатией.

Когда мы переходим к молодым людям, мы оказываемся в более светлом мире. Еврипид, по сути, поэт юности, и его молодые герои всегда вызывают симпатию. Героический мальчик

Менекей и добрый юноша Ион - фигуры, нарисованные нежной рукой. Но вскоре на них надвигаются тени тюремного дома, и легкая черствость, заметная даже в Ионе, усиливается в Ахилле и еще больше в Ипполите. Чем старше человек, тем менее привлекательным он становится. Ахилл и Ипполит очень похожи на школьника наших дней; во многих сферах поведения они вполне надежны: правдивы, самоотверженны и мужественны, но им жестоко мешает влияние среды, которая исключает влияние женщины в самый впечатлительный период жизни мужчины. Ипполит - своего рода ханжа, и в его уста, в известной речи, Еврипид вкладывает весь запас инвектив против женщин. Эти слова - не собственные взгляды юноши: он слишком молод, чтобы иметь большой опыт общения с женщинами, хороший или плохой: это литература, взгляды других мужчин, выраженные в книгах и бессознательно усвоенные молодым поколением.

Ипполит - аскет и преувеличивает: Ахилл - более мужественный персонаж. Его первые порывы великодушны, но он не претворяет их в жизнь, так как слишком подвержен влиянию чужого мнения: "хорошая форма" - вот его жизненный ориентир. Кроме того, ему присуще юношеское тщеславие. Бесчисленные девушки расставляют ловушки, чтобы поймать меня в мужа", - говорит он; и ему глубоко обидно, что с ним не советуются: "Я бы согласился на ее смерть, если бы меня спросили, но меня не спросили; так что я помогу вам". Это лучший защитник, которого Клитемнестра может найти для спасения своей дочери.

Остальные пять персонажей, неженатые, но уже взрослые мужчины, менее интересны. Пенфей - типичный "самообольститель": своенравный, жестокий и нетерпимый. То, что он оказался прав в своем конкретном случае, не делает его более симпатичным и не меняет справедливости его судьбы. Его образ мыслей ошибочен. Жестокие репрессии - не тот способ борьбы с делом, в котором женщины - главные сторонницы и которое поддерживается их энтузиазмом. Другие пары, Орест и Пилад, Этеокл и Полиникс, не требуют особого внимания. На всех четверых лежит проклятие Каина: они извлекают меч и падают от меча. Они прежде всего убийцы и интересны в первую очередь криминологу.

Вот и все о людях Еврипида. Давайте теперь противопоставим их однообразию типажей - назовите это поэтом или полем, как вам будет угодно, - бесконечное разнообразие его женщин: Федра, Андромаха, Гермiona, Крюса, Мегара, Елена, Алкестида, Клитемнестра, Медея. Здесь есть все оттенки поведения и почти все формы супружеских осложнений, если помнить, что ни одна из этих жен не влюблена в своего мужа и что романтическая привязанность между мужем и женой невозможна. Все они - когда у них есть дети - сначала матери, а потом жены; бездетная женщина - Гермiona и, по-видимому, Крюса - озлоблена своим положением, и ее поведение тоже ненормально: она стремится взять жизнь, потому что не дала ее.

Поэт старается показать невозможность супружеской любви в греческих условиях. Федра замужем за стариком, который много лет назад соблазнил ее сестру. Андромаху насильно взял в жены сын человека, убившего ее первого мужа. Гермiona по политическим причинам вынуждена отказаться от своего кузена-любовника и выйти замуж за незнакомца. Медея, бросив все ради мужа, оказывается покинутой им. Крюса была соблазнена еще в детстве и, как "pis aller", вышла замуж за пожилого человека. Мегара брошена своим бродячим мужем: она и ее дети находятся на грани убийства чужаком, когда Геракл возвращается и убивает их сам. Елена бежит от своего повелителя; у Клитемнестры нет достаточно плохих слов, чтобы использовать свои.

Ни одна из этих женщин не безупречна - единственным безупречным персонажем является Алкестида, а ведь она должна быть святой; их вспыльчивость так же сложна, как и в реальной

жизни; но, какими бы неправильными или ошибочными ни были некоторые из их поступков, ни одна из них не вызывает сочувствия. Так и со старухами. Они иногда злобны, но никогда не вызывают презрения. Их худшие поступки продиктованы материнской любовью. Приемная мать Фетры - озорная и безнравственная старуха, но ее единственное желание - удовлетворить своего приемного ребенка. Гекуба безжалостно мстит фракийскому царю, но она - мать, мстящая за убитого сына. Это излюбленный мотив Еврипида: пафос старой матери, ее сыновья убиты, дочери изнасилованы, внуки проданы в рабство. Гекуба в "Троянских женщинах", Иокаста в "Финикийских женщинах", хор старух в "Супплиантах" - все они представляют оборотную сторону пышности и славы войны. Мужчины торжествуют, а женщины страдают. Метод реалистичен: в этих неопрятных, жалких, старых фигурах мало романтики в низком смысле этого слова, и все же они дают поэту некоторые из его самых пронзительных пассажей.

Но особенно удаются Еврипиду образы юных девушек, девственных мучениц - этот тип не вымер, - стремящихся и готовых пожертвовать собой ради своих родственников-мужчин. Ифигения, Поликсена и Макария - тонкие вариации одного персонажа, и на фигуру первой поэт тратит все свое мастерство. Во время жертвоприношения в Аулисе она - сентиментальная девушка, настолько полная робкой скромности, что сама мысль о замужестве приводит ее в стыд. Я спрятала свое лицо, - говорит она, - в мягкой пелене, не взяла на руки младшего брата и не поцеловала сестру в губы - мне было стыдно перед ними. Нет, я отложила для себя много нежных объятий, которые я подарю им, когда вернусь замужней женщиной". Аргументы, которыми она оправдывает свою жертву перед матерью, достаточно скудны: туманные разговоры о чести, патриотизме и ничтожности женщин - "Лучше пусть живет один мужчина, чем десять тысяч женщин"; но сердце ее право.

Для Ифигении и брак, и жертвоприношение оказываются заблуждением. Она никогда не возвращается домой; ее лишают радости материнства, и она проводит долгие годы одинокой девственности среди чужих людей и в чужой стране. Когда мы видим ее снова, это уже горькая женщина, более рассудительная, чем простая девушка, но бесконечно менее милая. Все ее мысли заняты местью: Менелаю, Елене, человечеству. Она без особой неохоты выполняет свою ужасную задачу по принесению человеческих жертв: "вытирает слезу, сочувствуя родственной крови", когда в ее руки попадают греческие жертвы, но убивает их все равно. Лишь к одному человеку она все еще питает некоторую привязанность - своему брату Оресту, которого она оставила дома младенцем, и на нем она сосредоточивает свое расстроенное материнство.

Последняя стадия этого озлобления против жизни проявляется в характере сестры Ифигении Электры - "незамужней", какой она предстает перед нами в "Оресте" и пьесе, носящей ее имя.

Одиночество и страдания Электры, ее долгая задумчивость, жажда мести сделали ее безумной: у нее снова есть только одно здоровое чувство - любовь к брату. Она - страшная, но реальная фигура. Огонь и нож: убийство, предательство, поджог: она готова на все. Ее характер - закономерный итог долгих лет травм и оскорблений: отказа в правах и подчинения. Она горда духом и не желает покоряться, но ее гордость не может изменить ситуацию. В конце концов напряжение безнадежного бунтарства оказывается слишком велико, и она сходит с ума.

Они действительно представляют собой мрачную картину, эти незамужние женщины, ведь Еврипид не уклоняется от темной стороны женского бунта. Как с горечью говорит Медея, "даже плохой муж лучше, чем никакого", и для незамужней девушки есть только две

альтернативы: добровольное самопожертвование, как в случае с Макарией, когда она уходит из жизни, или безнадежная борьба с сильными мира сего, как в случае с Электрой.

Теперь мы рассмотрели всех персонажей еврипидовского театра, кроме одного, самого важного из всех - постоянного героя трагедии, хора.

Хор - идеальный зритель, посредник между публикой и актерами, толкователь мыслей самого поэта. Можно ожидать, что поэт, который в душе был феминистом, обычно будет иметь женский хор, в то время как поэт, не испытывающий симпатии к женщинам, предпочтет мужской хор. В дошедших до нас пьесах именно так и происходит. Любопытно, что большинство принятых представлений о греческой драме: хор старших, статные движения, достоинство трагедии и т. д. и т. п. - взяты из театра Софокла, самого академичного из трех драматургов: они никогда не были бы выведены из обихода Эсхила или Еврипида.

В семи пьесах Эсхила хор пять раз состоит из женщин и дважды - из мужчин. В обоих случаях это старики, и слабость их старости необходима для драматического действия. У Софокла пропорция в точности обратная. Хор пять раз состоит из мужчин и дважды из женщин. Более того, ни пол, ни возраст хора в "Дипе Тиране", "Дипе Колонусе" или "Антигоне" определяются не драматическим действием. В последней пьесе, действительно, большинству читателей покажется, что женский хор был бы более уместен; хор у Софокла - это старики, потому что старик - идеальный персонаж поэта.

Из семнадцати пьес Еврипида только в трех случаях - "Геракл", "Гераклиды" и "Альцестис" - хор состоит из мужчин. В первых двух случаях, как и у Эсхила, неэффективность стариков в условиях реальной опасности является частью сюжета; хор усиливает впечатление, производимое Иолаем и Амфитрионом. В "Алкестисе" то, что хор - мужчины, является частью общей иронии пьесы.

В остальных четырнадцати пьесах хор состоит из женщин, и именно в уста этих женщин Еврипид вкладывает всю самую интимную часть своего произведения. Иногда это сцены домашней жизни, как в "Гекубе", где женщина описывает свою последнюю ночь в Трое.

В полночь наступила разруха. Ужин закончился, и на глаза мужчин начал наваливаться сладкий сон. Все песни были спеты: мой господин покончил с жертвенным пиром и весельем и лежал в моей беседке, держа копье на колышке, ибо ему больше не нужно было сторожить толпу корабельщиков, ступивших на нашу илийскую землю, в Троию. Что же касается меня, то мне оставалось привести в порядок одну прядку волос под туго завязанным капюшоном, и я вглядывался в бесконечные отражения своего золотого зеркала, прежде чем броситься на подушки своего ложа. Но вот по городу пронесся крик, и в Трое раздалось ликование: "Сыны греков, когда же, когда же вы разграбите сторожевую башню Илиона и вернетесь наконец домой?" Тогда я сошла с моего дорогого дивана, на мне был только мой платок, как у дорийской девы, и присела у святилища Артемиды. Но горе мне, не нашла я там помощи. Своего человека, своего товарища по постели, я увидел убитым на моих глазах; и тогда меня потащили на берег моря, и я в муках упал в обморок".

Иногда это яркое описание жизни на природе, как, например, изображение умывальника, где женщины из более скромного сословия могли встретиться и насладиться отдыхом, "этим приятным злом", и посплетничать вместе. Там есть скала, с которой, как говорят люди, капает вода со дна океана, и она посылает с утеса вечный поток, чтобы мы ловили его в свои кувшины. Там я встретил подругу, которая стирала в речной воде куски свежеевыкрашенной

ткани и раскладывала их под теплым солнцем на плоских камнях. Из ее уст впервые дошла до меня эта новость о моей госпоже".

Представлены все настроения женского ума: то грусть...

"Диссонирует музыка жизни женщины: жалкая беспомощность - вот ее удел, точно злой сосед по дому. Есть беда рожденья, беда женской слабости" (Ипполит).

или -

'Цензура - это женское начало. Если женщины получают небольшое основание для скандала, они вскоре добавляют еще больше. Женщины получают своеобразное удовольствие, когда неискренне говорят друг о друге" (Финикия).

Теперь триумфально.

'Дети, обещание детей, которые будут,

Дети, чтобы помочь их печали, чтобы сделать более сладким их удовольствие,

Поговорить с их врагом!

Лучше, говорю, чем золото, чем дворец гордый,

Дайте мне детей дома, верных наследников моей крови.

Пусть скупец умоляет бездетную сторону:

Я не желаю ничего подобного. Богатство отвергнуто,

Дети даны, я благословляю их и привержен лучшему благу" (перевод Иона Верралла).

или -

Странное и удивительное явление для женщин - дети, которых они рожают в муках. Человечество любит детей" (Финикия.).

Все вопросы секса рассматриваются и оцениваются с глубочайшим смыслом.

Мужская любовь, когда она чрезмерна, не является ни прекрасной, ни, более того, достойной похвалы. Но все же секс - вещь божественная и благодатная, если он не выходит за рамки. Умеренный нрав - вот о чем я молю: отворотись от гнева и беспрестанных препирательств, которые толкают мужа в объятия другой женщины" (Медея).

Иногда вопрос ставится шире, как в трудном хоре "Ифигении в Аулисе".

Мужчины и женщины сделаны по-разному, и пути у них тоже разные. Но что действительно хорошо, в этом нет сомнений. Различные методы воспитания и образования оказывают огромное влияние на представления о совершенстве. Смиренная скромность - это форма мудрости; и все же удивительно хорошо пользоваться собственным суждением и самостоятельно видеть свой долг. Тогда жизнь будет почетной, а ваш организм не будет стареть. Стремиться к совершенству - великое дело. Для нас, женщин, это тайные поиски

секретных путей любви; для мужчин же - приведенное в порядок государство и толпа людей, благодаря которым город растет и процветает".

Но тема, на которой Еврипид настаивает больше всего, - это скандал в литературе, несправедливые представления о женщине, которые были созданы и поддерживаются извращенностью писателей. Достаточно привести две цитаты. Одна - из "Иона".

"Вы, скандальные мастера лиры,

что все еще трубят о похоти

Неудачливых женщин не устают,

Ее разврат всегда, а теперь будьте справедливы.

Как ее вера превосходная

Рядом с похотью Лосела!

Увидьте это и измените свою музыку. Идите

Другим путем, чем когда-то бежали вы,

Вы, лирические пасквилянты, идите, и досаждайте

Неверных найдя, старшего пола" (перевод Иона Верралла).

Еще одна цитата из "Медеи":

"Это мужчины теперь хитры в советах и не выполняют своих обещаний богам; скандал обернется и честь придет в жизнь женщины. Настанет время уважения к женщине. Больше не будет язвительного злословия в адрес женщин, и только женщин. Угаснет музыка древних бардов, вечно твердивших о женском коварстве. Фибус - проводник мелодии, и в моем сердце он никогда не настраивал дивную музыку своей лиры. Иначе я бы вскоре вознес песню, которая остановила бы выводок певцов-мужчин. Долгие годы могут рассказать много историй, как о мужчинах, так и о женщинах".

Последнее предложение представляет собой аргументированное суждение Еврипида о проблемах феминизма. Женщины отличаются от мужчин, но не являются неполноценными: все аргументы, которые используются для доказательства женской слабости, могут быть с тем же успехом использованы и против мужчин.

Итак, мы можем оставить персонажей и перейти к отдельным пьесам.

Из всех полных драм, которыми мы сейчас располагаем, "Резус", вероятно, подделка, "Циклоп" - комическая пьеса, "Елена" - бурлеск в трагическом ключе. Из оставшихся шестнадцати пьес две, "Уступчивые женщины" и "Дети Геракла", - политические, написанные с целью прославить Афины как защитницу угнетенных национальностей, и их интерес в основном политический. Но ничто из написанного Еврипидом не лишено ярких штрихов феминизма. Например, в "Детях Геракла" есть героиня, которая в нескольких словах раскрывает положение женщины в афинской жизни: "Для женщины лучше всего молчание и благоразумие, и молчать в дверях". Так говорит дева Макария, прежде чем согласиться на добровольную смерть. У нее горький опыт жизни, и она готова умереть, потому что существование не сулит ей приятных перспектив.

"Бесприданница, - говорит она, - кто возьмет меня жену? Кто заведет от меня детей? Для меня лучше умереть". Ее единственное патетическое желание - умереть, но не по принуждению, а как добровольная жертва, - *благородно* уйти из жизни (это слово встречается у Еврипида так же часто, как и в "Хедде Габлер" Ибсена), покинуть благородное рабство женского удела. Она умоляет Иолая нанести смертельный удар и прикрыть ее мертвое тело. Но Иолай, мужественный старик, не может заставить себя видеть ее смерть, и ее последняя просьба - хотя бы умереть не среди мужчин, а в объятиях женщин. Вот ее последние слова: "За мой народ я умираю. Вот мое сокровище в смерти: его я беру вместо детей и девственного цветения, если, конечно, оно существует внизу. Я молюсь, чтобы там *ничего не было*: если мы, смертные, которые должны умереть, найдем дело жизни и в той земле, я не знаю, куда обратиться. Смерть считается самым надежным снадобьем против боли".

Похожий случай составляет самую яркую сцену "Умиленных женщин". Здесь уже не юная девушка, а замужняя женщина Эвадна по собственной воле идет на смерть. Но мотив у нее тот же: "Ради благородной славы я умираю, - плачет она, - чтобы превзойти всех женщин в великодушном мужестве". Ее муж умер, она бездетна и отказывается жить вдовой. Ее отец очень хочет, чтобы она ухаживала за ним в старости, но она со странной извращенностью предпочитает смерть, и старик остается оплакивать ее. Моя дочь умерла, - плачет он, - та, что прижимала мое лицо к своим губам и держала мою голову в своих объятиях. Ничто так не радует, как дочь, когда отец стареет. Жизнь сына - вещь более важная, но сыновья не так приятны, когда нам нужны нежные ласки".

Основной интерес "Уступчивых женщин" тот же, что и у трех других пьес: "Финикийских женщин", "Троянских женщин" и "Гекубы". В них речь идет о войне, но война, если смотреть на нее с женской стороны, - предмет неискупимых и бесполезных страданий. Вся "слава завоевания" исчезает: женщины и дети расплачиваются за мужские амбиции и гордость. Троянские женщины" - самая плачевная и самая действенная из всей серии. Написанный по древнейшей формуле трагедии, хор является главным действующим лицом. Гекуба, Кассандра и Андромаха - лишь частные представители тех страданий, которые переживают все женщины в пьесе. Два мужских персонажа - похотливый лицемер Менелай и честный слуга Талтибий - представляют весьма скромный интерес.

Пьеса - это накопление горя за горем, но кульминацией становится убийство маленького ребенка Астианакса, политическое преступление, не вдохновленное ни одним из человеческих чувств ненависти и мести, но холодно рассчитанное мужчинами ради будущей выгоды. Именно женщины, мать и бабушка ребенка, должны страдать, чтобы мужчины могли спать спокойно. Как с горечью говорит Андромаха, она всегда выполняла весь женский долг.

"Те вещи, которые придуманы как добродетельные занятия для женщин, над ними я трудилась всегда в доме Гектора. Начнем с того, что - следует ли порицать женщин за это или нет, я не могу сказать, но, во всяком случае, это занятие само по себе приносит женщине дурную славу, если она не остается постоянно в дверях. Поэтому я отбросила желание выходить в свет и осталась дома. Более того, я никогда не допускала в нашем доме тех фантастических разговоров, которые так нравятся некоторым женщинам: Я считала свой собственный здравый смысл лучшим учителем в домашних делах, и мне хватало самого себя. Тихий язык и спокойное лицо - вот что я делала своему господину".

И вот теперь ее ждет награда: она становится наложницей в доме убийцы своего мужа, и ей говорят, что одна ночь в объятиях ее нового господина заставит ее забыть прошлое. Что же

касается ее младенца, "милый мальчик, прижавшийся к матери, твоя кожа так сладка и душиста", то его отрывают от матери и бросают на смерть.

Но с Андромахой обращаются не хуже, чем с другими женщинами. Гекубу отдают Одиссею в рабство, чтобы она подметала пол и молола ежедневно кукурузу. Девственная Поликсена отведена для заклания над могилой Ахилла, ибо мало того, что живые мужчины делают женщин своей добычей, так еще и мертвый герой требует дань в виде девичьей жизни. Кассандра жила весталкой, посвятив себя служению богу, и она тоже получила свою награду. Великий царь соизволил взять ее к себе на ложе, и в сцене, исполненной мрачной иронии, несчастная девушка поет свой собственный брачный гимн. Здесь есть вся музыка гимнического хора, но вместо радостной процессии юношей и девиц перед нами одна одинокая фигура - незамужняя невеста.

В "Гекубе" речь идет о тех же событиях, что и в "Троянских женщинах", и в том же духе. Жертвоприношение Поликсы завершено, и Гекуба мстит одному из убийц своих детей, фракийскому царю Полиместору. Завлеченный в шатер пленных женщин, он видит, как убивают его собственных детей, а затем ослепляется. Сцена, когда он выходит на сцену с залитыми кровью глазами, достигает предела ужаса, но Еврипид не забывает нарисовать феминистскую мораль.

Если кто-нибудь, - говорит царь, - в прошлом говорил плохо о женщинах, говорит сейчас или будет говорить когда-нибудь, я оборву все его слова - ни море, ни суша не порождают такую расу, как женщины: только тот, кому приходится иметь с ними дело время от времени, знает, на что они способны".

Несчастная жертва одинокой женщины забывает о своей логике и возлагает вину за индивида на пол. Если бы агрессором был мужчина, его мысли были бы другими, и поэтому хор говорит ему.

Не будьте слишком яростны против нас и не привлекайте женское начало к своим бедам. Нет нужды винить все женское начало".

Особая нота реалистического ужаса, которой отмечены заключительные сцены "Гекубы", появляется и в другой группе из четырех пьес - "Ифигения в Тавриде", "Геракл", "Орест" и "Электра". Первые три были исчерпывающе изучены доктором Верраллом, и сейчас достаточно сказать, что методы критики, которые Фукидид и Еврипид используют в отношении Троянской войны, здесь применяются к другим сказаниям о далеком и героическом прошлом. Оба писателя - историк и драматург - знают, что человеческая природа не меняется, и безжалостно сдирают с себя очарование древней легенды. Если такое случалось, значит, *так оно* и было, говорит Еврипид; и вот перед нами полубезумная, полугероическая фигура Геракла, зловещий Орест, всегда готовый обнажить кинжал, смехотворный, но жалкий фригийский евнух, заикающийся и дрожащий от панического страха, и самая ужасная из всех - бесполой женщина Электра. В каждой пьесе есть своя сцена ужаса, но кульминация, пожалуй, наступает, когда Электра берет в обе руки голову убитого Эгисфа и изливает всю свою горечь в глухие уши.

"Ипполит" звучит совершенно иначе и, пожалуй, является самой известной из всех пьес. Она была адаптирована Сенекой и Расином, использована в качестве материала Овидием и переложена в романтическую драму профессором Мюрреем. Но, несмотря на все это, положение и мотивы Фетры часто понимают неправильно. Ипполит - ее естественный враг и

враг ее детей. Внебрачный сын Тесея, если бы его отец умер, наверняка сместил бы законных, но младших детей жены с отцовского трона и сам захватил бы власть. Фетра, молодая женщина, вышедшая замуж за старого мужа, одержима физическим желанием к молодому человеку, но она борется со своей страстью *ради детей*. Когда она наконец отказывается от борьбы, то обеспечивает безопасность своих детей, добываясь смерти или изгнания Ипполита. Она знает Тесея и понимает, что он будет горько возмущен любым посягательством на его собственность и накажет его со всей возможной суровостью. Обвинение ложное, но только так можно защитить будущее ее детей.

Две последние пьесы, "Вакхиды" и "Ифигения в Аулисе", написанные в преклонном возрасте и в изгнании в Македонии, по-прежнему посвящены двойной проблеме - жертвоприношению богу и жертвоприношению человеку; они построены по тем же принципам.

В Вакхе люди бывают трех видов. Адепт - самозванец, который занялся религией как ремеслом; старики Кадм и Тейресий, которые "религиозны" по социальным и семейным причинам; наконец, молодой Пенфей, который откровенно "нерелигиозен" и плохо кончает.

Верят только женщины: их обманывает адепт, и большая часть их веры - заблуждение, но для них это реальное духовное благо. Ритуал Вакха был единственным шансом в жизни греческой женщины вырваться из удушающего уединения гарема. Хотя бы на несколько дней она становилась свободным существом, которому разрешалось свободно бродить по горам. Тирс бога заменял ей общество хозяина: небо было ее крышей, трава - ее постелью: она могла отложить в сторону винный пресс и мукомольную мельницу и жить молоком и медом. Экстаз такого побега никогда не находил более интенсивного выражения, чем в повествовательных речах и хорических песнях Вакхов.

В "Ифигении в Аулисе" мужчины снова представлены тремя типами, каждый из которых является рамой для идеализма Ифигении и практического чувства Клитемнестры. Менелай - самый жалкий: раб желания, готовый на любое преступление ради удовлетворения своих страстей. Агамемнон - обычный мужчина средних лет, боящийся своей жены и любящий свою семью, но способный обмануть одну и погубить другую. Ахилл - юноша из правящих классов, воспитанный в презрении к женщинам и считающий, что каждая девушка стремится стать его женой. Мужчины ссорятся и строят заговоры в своих корыстных целях, но их планы раскрывает острый ум Клитемнестры и делает бесполезными бескорыстная преданность Ифигении.

VIII.- Эврипид. Четыре феминистские пьесы

Три главных интереса ума Еврипида - реалистический, пацифистский и феминистский - если воспользоваться нашим уродливым жаргоном - можно найти во всем его театре; но есть четыре пьесы, которые особенно озабочены отношениями между женщинами и мужчинами, - "Алкестида", "Медея", "Иона" и "Андромаха". Это не очень приятные пьесы: действительно, для любителя сентиментального идеализма они были бы особенно неприятны, если бы они были полностью поняты. Не стоит рекомендовать их и женщинам. Отношения между полами - дело тонкое, и человеческая природа, во всяком случае мужская, обычно ничуть не хуже от сдержанной замкнутости и нежного обращения. Но в этих пьесах Еврипид использует нож хирурга. Они предназначены для мужской аудитории, ставшей черствой в силу времени и

привычек, и обращение с ней безжалостно. Их следует рассматривать как болезненную, но необходимую операцию, которая нужна, чтобы избавить пациента от какой-то давно загноившейся язвы, и драматург заслуживает благодарности, которую мы выражаем умелому хирургу.

Особые недостатки мужского характера, которые Еврипид рассматривает в четырех пьесах, таковы - подлость, трусость, эгоизм и вероломство. Заметим, что это не те недостатки, которые особенно характерны для правящего класса. Человек не обвиняется в надменности, гордыне или жестокости: его слабости менее "мужественны". Именно его положение естественного властелина творения ставится под сомнение и подвергается испытанию драматическим действием.

Если Ясон, Адмет, Аполлон и Менелай - *невозможные* персонажи, то Еврипид полностью проваливает свой урок: если их действия, хотя и возможны, но неправдоподобны, то он опять-таки терпит неудачу в художественном смысле. Кто-то может подумать, что никто не может быть таким подлым, как Ясон, таким трусливым и эгоистичным, как Аполлон и Адмет, таким вероломным, как Менелай; но если мы применим проверку опытом, жестокие факты жизни оправдают поэта. Ни одна из этих четырех пьес не является "трагедией" в том смысле, в котором мы употребляем это слово. Они являются настолько хорошими примерами "высокой комедии", насколько это вообще возможно; "Ион" и "Андромаха", возможно, немного мелодраматичны, "Альцестис" и "Медея" местами почти фарсовы; но все они в конечном итоге зависят от тонкого исследования психологии и социальных отношений.

Вполне вероятно, что изначально они не были написаны для публичного представления в большом театре Диониса. Это интимные исследования человечества, и их вполне можно избавить от официального хора, пролога и эпилога, которые не зависят от драматического действия пьесы. Остается только собственное учение Еврипида, изложенное настолько ясно, насколько позволяет иронический дух. Частота переводов не должна ослеплять нас тем фактом, что в сущности Еврипид не поддается переводу. Он - один из величайших мастеров иронии, и ничто не способно так исчезнуть в переводе или вызвать путаницу в английском сознании.

Все четыре пьесы посвящены проблемам материнства и детей, особенно детей мужского пола. В трех из них дети-актеры необходимы и играют важную роль в действии: четвертая пьеса, "Ион", имеет своим героем мальчика, только что вышедшего из "неловкого возраста" отрочества.

Между "Ионом" и "Андромахой" есть любопытное сходство сюжета. Вероятно, в условиях вырождения расы, царившего в Афинах в V веке, этот случай был нередким. В обеих пьесах муж имеет бездетную жену, но сына от незаконного союза. На одного мужчину приходится две женщины, и в каждом случае на заднем плане присутствует еще один мужчина: Аполлон, соблазнивший Крюса, и Орест, ставший любовником Гермiony. Мужья, Ксуф и Пирр, являются наименее важными фигурами в действии; более того, Пирр вообще не появляется лично. Они представлены как бесцветные персонажи; люди с положением и личной храбростью, опасные, возможно, когда они пробуждаются, но в целом незначительные. Их молодые жены, Гермiona и Крюса, относятся к ним со смесью презрительного страха и ревливой привязанности.

Интерес сосредоточен на женщинах, и пьесы представляют собой исследования женской ревности - "Почему у моего мужа должен быть ребенок, а я бездетна?" - и материнской любви.

Еврипид хорошо знает, что материнство - естественная сфера женщины: бездетная женщина для него - ненормальная, и ведет она себя ненормально и антисоциально. Обе жены объясняют свою бесплодность, вероятно, естественный результат их прошлой истории, сверхъестественными причинами. Гермiona считает, что ее околдовала чужеземная наложница Андромаха: Крюса - что она навлекла на себя гнев бога. Гермiona предлагает снять заклятие, убив ведьму; Крюса отправляется в Дельфы, чтобы умиловить божество и попросить его помощи.

Обе женщины в своей ревливой ненависти стремятся убить бастарда своего мужа. Гермiona прибегает к помощи отца, и ей почти удается убить мальчика Молосса. Крюса использует в качестве агента старого раба своего отца и почти отравляет мальчика Иона. Ни в том, ни в другом случае преступление не совершено, ведь пьесы не являются "трагедиями"; но преступный замысел присутствует. Женщины пострадали в прошлом, они бездетны. Они озлоблены против жизни и готовы воздать злом за зло. С другой стороны, незамужние матери в обеих пьесах готовы пожертвовать собой ради своих детей. Андромаха отдает свою жизнь, чтобы спасти сына: "Что за удовольствие мне в жизни?" - кричит она, - "В нем все мои надежды: позорно было бы мне не умереть за дитя, которое я родила". Дети - это жизнь: те, кто по невежеству пренебрегает ими, может быть, испытывают меньше боли, чем мы, но они несчастны в своем счастье".

В "Ионе" Пифия соглашается на еще более тяжелую жертву: она отдает своего ребенка другой женщине, спасает его тем самым от вины за убийство и делает принцем Афин. Андромаха и жрица в прошлом пострадали, но их спасают дети: материнство, а не брак - святое состояние.

Но в обеих пьесах феминистский интерес осложнен другими мотивами, политическими и религиозными. В "Андромахе" в лице Менелая совершается горькая атака на спартанскую систему. "Ты мужчина?" - кричит старый Пелей, - "Ты мерзкий сын мерзких родителей. Как ты можешь претендовать на то, чтобы тебя причисляли к людям? Это был прекрасный человек, фригиец, который лишил тебя жены. Ты оставил свой очаг и дом без замка, без слуги, чтобы охранять, как будто у тебя была добродетельная жена в дверях, она, которая была худшей из всех женщин. Да даже если бы она захотела, ни одна из ваших спартанских девушек не смогла бы быть добродетельной. Они покидают кров дома и ходят с юношами; ноги их обнажены, платья открыты; они бегают и борются, как мужчины. Все это кажется отвратительным. Мы не должны удивляться, что ваша система образования не производит добродетельных женщин".

В "Ионе" система Дельф и оракулов подвергается нападкам, и через всю пьесу проходит жилка горькой иронии. Метод поэта настолько ироничен, что, если серьезно отнестись к прологу и ограничиться лишь содержащимися в нем утверждениями, можно получить несколько неверное представление о цели пьесы. Например, доктор Вэй, который с наибольшей ясностью излагает традиционную интерпретацию, приводит следующее краткое изложение действия.

В те дни, когда Эрехтей правил Афинами, Аполлон совершил насилие над юной дочерью царя Крюсой. И она, родив сына, от страха и стыда оставила его в пещере, где бог смирил ее. Но Аполлон позаботился о нем и велел принести младенца в Дельфы, в свой храм. Там ребенок был вскормлен и служил во дворах божьего дома. Со временем Эрехтей умер, не

оставив ни сына, ни дочери, кроме Крюса, и на Афины обрушились злые дни, и она тяжело переживала войну. Тогда Ксутий, вождь ахейцев, сражался за нее и одержал победу над ее эвбейскими врагами, а в награду за победу получил в жены принцессу Крюсу и стал царем-соправителем в Афинах. Но у этих двоих не рождалось детей, и тогда, по прошествии многих лет, они отправились в Дельфы, чтобы узнать у оракула Аполлона, как быть с ребенком. И там бог распорядился так, что потерянное было найдено, и царский дом Афин получил наследника. Однако из-за слепой поспешности смертных и их маловерия сын едва не был убит матерью, а мать - сыном".

Это краткое изложение довольно точно отражает высказывания божественного Гермеса; но Еврипид не хуже нас знает, что боги не ходят по земле и что дети не переносятся по воздуху чудесным образом. Пролог удовлетворяет условностям: сама пьеса реалистична, а один из главных персонажей - женщина, о которой пролог ничего не рассказывает. Реальный сюжет, в отличие от идеалистической версии, таков: факты излагаются грубо, а не передаются тонкими намеками и недосказанностью, как в греческом языке.

Молодая афинская девушка Крюса, блуждающая однажды одна в поле, подвергается нападению жестокого сатира. Он затаскивает ее в пещеру, насилует, а затем убегает. Она теряет сознание, а когда приходит в себя, ей кажется, что ее обидчик, который исчез так же внезапно, как и появился, был существом из другого мира: она видела его при свете солнца; он - бог солнца Аполлон. Она никому не рассказывает о своем приключении, скрывает свое состояние и, когда приходит ее время, в одиночестве отправляется в ту же пещеру. Ребенок рождается, девушка-мать заворачивает его в кусок ткани и вместе с золотым браслетом кладет в плетеную корзину. Затем его оставляют, и о его судьбе мы больше ничего не слышим.

Примерно в это же время в Дельфах, в один из периодов беспорядочных половых связей, разрешенных и поощряемых храмовым ритуалом, одна из дельфийских женщин становится матерью от бродячего солдата удачи по имени Ксутус. Последний покидает Дельфы, не зная о своем отцовстве, а женщина вскоре после этого становится жрицей храма. Ее ребенок, Ион, якобы подкидыш, воспитывается в стенах храма и считает жрицу своей приемной матерью. Тем временем солдат Ксутус добирается до Афин и женится на Крюсе. У них нет детей, и они приходят в Дельфы, чтобы спросить совета у оракула. Жрица признает Ксуту отцом своего сына и так устраивает дела, оставаясь незамеченной, что после разговора с мальчиком он признает его своим ребенком, ставшим результатом прежней поспешной связи.

Но хотя у Ксуты теперь есть сын, Крюса по-прежнему остается бездетной женой. В страстном гневе она раскрывает свою давно скрываемую тайну, обличает бога как виновника ее гибели и с помощью рабыни пытается отравить Иона. Замысел проваливается, Ион преследует ее как убийцу и готов предать смерти. И тут снова вмешивается жрица. Она выслушала историю Крюса, в некоторых деталях не похожую на ее собственную, хотя и более печальную, и решила помочь товарищу по несчастью. Она уже отдала своего сына отцу и теперь придумывает вторую хитрость, чтобы Крюса поверила, что Ион - ее ребенок. В ее распоряжении оказывается детская плетеная колыбель, кусок ткани, похожий на тот, в который был завернут мертвый ребенок, и браслет самой Крюсы, использованный в заговоре с отравлением. С помощью хитроумной уловки она заставляет все три браслета казаться опознавательными знаками ребенка Крюсы. Крюса с радостью, Ион с некоторыми мучительными сомнениями принимают новые отношения, и так заканчивается пьеса.

Ион и Андромаха изобилуют происшествиями: Медея и Алкестида больше зависят от психологического интереса. Это "одночастные" пьесы - сильная женщина Медея и слабый мужчина Адмет - и у них много точек сходства. В "Медее" мать убивает своих детей, чтобы спасти собственную гордость: в "Алкестиде" мать соглашается на смерть, чтобы спасти положение своих детей. Алкестида - святая: Медея - для некоторых людей - дьявол.

Медея, безусловно, не является приятным персонажем. Она слишком долго мучилась от чувства несправедливости, чтобы быть приятной в своих мыслях или поведении. "Ты постоянно злоупотребляешь властью, - говорит ей Ясон, - и поэтому тебя придется изгнать". Она выражает женский бунт в его самой горькой форме. "Из всего, что дышит, - плачет она, - и имеет разум, мы, женщины, самые несчастные; мы всего лишь *вещь, которая существует*. Для начала мы должны перекупить друг друга, чтобы купить себе господина и стать хозяином своего тела. Это рискованное дело - мы можем получить плута или честного человека. Уйти от мужа не приносит женщине чести, и мы не можем отказать лордам. Когда женщина выходит на новые пути и новые пастбища, она должна быть пророком, ибо дома ее никогда не учили, как лучше использовать мужчину, который теперь делит с ней ложе. Если мы правильно выполняем свою работу, а наш господин держится рядом с нами и не брыкается под ярмом, то жизнь наша завидна. Если нет - лучше быть мертвым. Мужчина, если ему надоела компания домочадцев, выходит на улицу и избавляет свое сердце от досады; но мы, женщины, вынуждены вечно смотреть в одну душу".

Эта изоляция была худшей чертой в жизни греческой женщины: для умной женщины она была душераздирающей, а Медея несравненно умнее любого мужчины в пьесе. Сцены, в которых она заставляет двух стариков, "царя" Креона и "царя" Эгея, делать не то, что хотят они, а то, что хочет она, - шедевры сатирического юмора. С мужем ее хитрость подводит: она слишком зла, чтобы рассуждать: она шипит от презрения и пенится от отвращения. Джейсон сохраняет хладнокровие и пока что одерживает верх в споре.

Ты, конечно, умная женщина, - говорит он, - но ты всего лишь женщина. Я очень красивый мужчина: ты влюбилась в меня, и это было вполне естественно".

Ясон во многом похож на Адмета. Оба они любят внешнюю привлекательность и очень дорожат мнением мужчин. Оба с некоторым акцентом говорят, что семья с двумя детьми вполне достаточна. Оба придерживаются одинакового мнения о женщинах; и вот как Джейсон заключает: "Мужчины должны иметь возможность получать детей из другого источника: женский пол не должен существовать, и тогда у человечества не будет проблем".

Такие рассуждения, естественно, не нравятся ни хору, ни Медее. Комментарий хора таков: "Ты сделал все, что мог, но все же, как бы удивительно тебе это ни казалось, я думаю, что ты поступаешь несправедливо, предавая женщину, которая разделила с тобой ложе". Медея дает волю своему гневу: она презрительно отказывается от денежной помощи, которую, по словам Ясона, "готова оказать безропотно", и в конце концов презрительно отвергает его: "Прочь от тебя. Ты тоскуешь по новой девушке, к которой вломился, все время, пока задерживаешься у ее дома. Иди и играй с ней в жениха".

Но уже в следующей сцене Медея овладевает своим нравом и притворяется покорной. "Мы всего лишь женщины, - говорит она, - всего лишь женщины. Ты не должна брать узор на зло и отвечать глупостью на глупость". Я уступаю: Я признаю, что была не права". Ясон отвечает покровительственно и дружелюбно: "Я одобряю ваше нынешнее отношение и, более того, не осуждаю ваше прошлое поведение: этого следовало ожидать: женщина - вещь

переменчивая". Он соглашается попросить свою новую жену об отмене изгнания детей. "Конечно, попрошу, и мне кажется, что я смогу ее убедить". Да, конечно, убедишь, - говорит Медея, - если она одна из нас: все женщины одинаковы. Но я еще раз помогу тебе и в этом предприятии". И как в прошлом она дала ему противоядие против огнедышащих быков, так теперь она дает ему огненное одеяние, которое должно погубить юную невесту.

Затем наступает решающая сцена пьесы: Медея убивает своих детей, и мы сталкиваемся с проблемой - когда убийство является убийством?

Мать, убивающая своего ребенка, представляется нам ужасной фигурой, и смертная казнь применяется к покинутой девушке-матери: отца не наказывают, возможно, потому, что никакое наказание не может быть адекватным. Греческие законы и обычаи пошли дальше и в другом направлении. Отцу было позволено решать, следует ли воспитывать ребенка, которого принесла его жена. Убийство ребенка таким образом, если оно совершалось отцом, не считалось преступлением, а обнажение детей после рождения было обычным и ни в коем случае не считалось предосудительным действием. Платон, правда, считает это подходящей темой для шутки в "Теэтете" (стр. 161). "Считаешь ли ты, - говорит Сократ, - что во всех случаях правильно воспитывать собственного ребенка? Не рассердишься ли ты, если мы отнимем у тебя этот аргумент, как отняли бы ребенка у молодой матери с первым ребенком?" "О, нет, - отвечает другой. Теэтет не будет возражать: с ним совсем не трудно найти общий язык".

Мать, которая возражала, считалась сложным человеком, но возражала она или нет, решал отец - как мы видим в пьесе Теренция "Самомучитель". Там жена говорит мужу: "Ты ведь помнишь, когда я была беременна, ты категорически заявил мне, что если ребенок будет девочкой, ты откажешься его воспитывать". Ребенок оказался девочкой, и от него без лишних вопросов избавились. Дети мужского пола были более ценными, и, если только обстоятельства их рождения не были исключительными, как в случае с Парисом и Эдипом, их не часто выставляли на всеобщее обозрение.

Есть еще один момент: то, что отличает убийство от убийства, - это вопрос риска. Вы убиваете, но не убиваете, когда рискуете собственной жизнью. Солдат - не убийца, а в спорте охотник на лис - человек иного типа, чем стрелок по голубям. Афинские женщины не были амазонками, но сражались они не менее опасно. "О нас говорят, - плачет Медея, - что мы живем вдали от опасности, в то время как мужчины сражаются копьем, как герои. Но люди - глупцы. Лучше я трижды встану в боевую линию щитов, чем рожу одного ребенка". Мать уже рисковала своей жизнью, рожая ребенка; разве не более оправдано, чем отец, прервать жизнь ребенка, если такова будет ее воля? Кроме того, дети - это залог брака, ценные бумаги, которые даются для заключения деловых соглашений. Правильно ли, что сторона, сознательно нарушившая договор, должна сохранять право собственности на ценные бумаги?

Таковы, на мой взгляд, вопросы, которые хотел задать Еврипид. На них нельзя ответить, сказав, что для матери убивать своих детей - противоестественное преступление, ибо для отца это столь же противоестественно и преступно, и все же древние отцы убивали своих детей без угрызений совести и без вины.

Итак, "Медея" реалистична и не более того: "Алкестис", первая по времени пьеса Еврипида, представляет собой смешение стилей и требует более полного рассмотрения.

В "Алкестисе" нет злодеев, как нет и героев. Есть один героический персонаж, но ее героизм настолько обычен, что обычно остается незамеченным. Трое мужчин - Адмет, Ферес и Геракл

- в той или иной степени руководствуются самым сильным из мужских побуждений - самосохранением. Алкестис лишена здравого смысла, ею движет страсть, самая сильная из всех женских страстей и та, что ближе всего к божественной, - материнская страсть самопожертвования. Подарив жизнь однажды, она готова отдать ее снова.

Принято считать - и даже Верралл молчаливо допускает это, - что Алкестис "влюблена в Адмета", а Адмет "влюблен в Алкестис". Привязанность, которая, к счастью для нас, обычно должна существовать между мужем и женой, считается само собой разумеющейся в совершенно иных условиях времени Еврипида.

Как мы уже убедились, это кардинальная ошибка. Взаимная привязанность и уважение *не* царили в обычном афинском доме. Муж и жена были обычно равнодушны друг к другу, и даже это равнодушие было улучшением по сравнению с ионийскими отношениями, когда муж и жена часто были естественными врагами.

То, что жена должна отдать свою жизнь из любви к мужу, - положение вещей, настолько приятное для естественного человека, что, пожалуй, неудивительно, что язык пьесы никогда не подвергался слишком пристальному изучению.

Мотив Алкестиды - не любовь к мужу, а любовь к детям. Еврипид, вслед за Эсхилом, знал, что материнская любовь гораздо сильнее супружеской, даже если последняя существует. На мать и детей он тратит все ресурсы своего непревзойденного пафоса, а муж становится объектом его самой горькой иронии. Именно потому, что Алкестиды не хочет, чтобы ее дети остались без *отца*, она соглашается на смерть.

Положение вдовы - как, впрочем, и подразумевается в нашем языке формой этого слова - несомненно хуже, чем положение вдовца. В древности сиротой был ребенок без отца, а положение сына вождя, чей отец умер в детстве, было особенно незавидным. Оно описано в двух самых патетических отрывках греческой литературы: Андромахой в двадцать второй книге "Илиады" и Текмессой в самой еврипидовской из всех пьес Софокла - "Аякс". При старом родоплеменном строе власть вождя во многом зависела от личного превосходства, поэтому такие старики, как Лаэрт и Ферес, считали целесообразным уйти в отставку в пользу своего взрослого сына. Такой маленький мальчик, как Эвмел, не смог бы сохранить положение своего отца, а смерть отца, вероятно, означала бы для него большую опасность. Все это во времена Еврипида было обыденностью и не нуждалось в акцентировании внимания. Он предпочитает рассматривать обратную картину - горе детей, оставшихся без матери, и особенно девочки, оставшейся без матери; ведь пафос жертвоприношения отчасти заключается именно в этом. Именно ради мальчика и его будущего положения в жизни, а не столько ради девочки, умирает мать.

Теперь рассмотрим саму пьесу. Адмету, вождю Фере, его знахарь сказал, что жизнь его очень плоха, что, действительно, он не может надеяться прожить долго - три месяца, возможно; шесть месяцев, скажем, самое большее. Но он был щедрым благодетелем для профессии и, в частности, оказал некоторые исключительные услуги архи-врачу, самому Аполлону. В связи с этим в его случае предусмотрено особое положение. Если ему удастся уговорить кого-то из своей семьи передать ему свою жизненную силу, то операция может быть осуществима. Проблема в том, чтобы найти такого человека или женщину - ведь его семья очень мала. Адмет обращается к своему отцу и матери, но оба, даже мать, отказываются, ибо, как мы увидим, Адмет не отличается особой отзывчивостью и не способен пробудить дух самопожертвования даже в материнском сердце. В конце концов он обращается к своей молодой жене, матери двух его маленьких детей, и она соглашается.

С этого момента начинается действие пьесы. Адмет верит в то, что ему говорят; Алкестида верит в то, что ей говорят: заканчивается шестой месяц, и она предназначена для смерти. Появляется Смерть, и бурлескный диалог Смерти и Доктора, Танатоса и Аполлона, образует пролог, в котором архиврач, способный излечить все болезни, кроме одной, сталкивается с самим этим Единственным. Но пролог и вступление хора не должны нас задерживать. Первые интимные подробности об Алкестиде сообщает служанка в своей длинной речи, обращенной к хору, и можно заметить, что в картине домашнего очага, которую она рисует для них, центральным пунктом является брачное ложе. Уже дважды Алкистис рисковала своей жизнью на этом ложе, и теперь предстоит принести еще одну жертву. Бездетная женщина могла бы отказаться. Муж требует от нее жизни, и она должна отдать ее ради детей, которых родила на этом ложе. Именно о своих детях думает Алкестида, за них она молится: у нее нет прощения от имени мужа. Во всем повествовании муж вообще почти не появляется. Хор *мужчин замечает* это упущение и спрашивает о нем, и вот какой ответ они получают:

"О, да, он плачет, держа в объятиях любимую женщину, свою сожительницу. Он умоляет ее не покидать его: *он хочет того, чего не может иметь*".

Затем хор разражается плачем, который прерывается появлением Алкестиды и ее мужа у дома. Следующая сцена - крайний пример того сочетания пафоса и иронии, от которого Еврипид никогда не уклоняется. На причитания Алкестиды, выраженные в чистейшей лирике, Адмет отвечает через равные промежутки времени ямбическими двустушиями, в которых стиль и мысль жестоко обыграны.

Тогда Алкестида, которая стояла, поддерживаемая своими женщинами, опускается на землю и с последним криком *к своим детям*, трижды повторенным, кажется, теряет сознание. Адмет от имени *детей* умоляет ее не оставлять его: "Это для меня хуже всякой смерти: от тебя мы все зависим - жить или умереть". Алкестида делает последнее усилие и впервые обращается к мужу по имени, но в последующей патетической речи ее последние слова обращены к детям, и видно, что она ужасно боится, что Адмет снова женится и сделает их мачехами. Сам Адмет не решается дать обещание, и кто-то из хора отвечает умирающей жене.

С Альцестисом исчезает весь пафос пьесы. Остальное - ирония, реалистическая критика истории воскрешения и нас почти не касается. Но сцена между Фересом и Адметом, в которой старый отец - мать предусмотрительно опущена из действия - приходит выразить свое сочувствие, является прекрасной иллюстрацией проницательности Еврипида в отношении слабости мужского характера.

"Это пара, отец и сын: посмотрите на обычного чувственного мужчину", - как бы говорит он. Доктор Верралл тратит немало времени и сил на то, чтобы показать, что Адмет не герой, и, несомненно, он не героичен ни для нас, ни для Еврипида. Но из этого не следует, что афинская аудитория разделяла бы наши или мастера частные взгляды. Мы бессознательно находимся под влиянием многовековой романтической литературы, в которой отношения полов идеализировались. Афиняне относились к женщинам так же, как люди низшего сорта до сих пор относятся к животным. Для нас Адмет кажется почти невыносимо эгоистичным и бессердечным: вероятно, многие афиняне так и не поняли, что его поведение достойно осуждения.

Так и сегодня вегетарианцу очень трудно доказать обычному человеку, что лишать себя жизни ради удовлетворения аппетита - это неоправданный эгоизм. Я всегда ел мясо", - скажет такой человек; "И всегда буду есть, как и мой отец. Животные были созданы для использования". Афинянин мог бы сказать то же самое о своей жене.

Но в самой пьесе никто не пребывает в заблуждении относительно Адмета. Служанка, слуга, хор, сама Алкестида: все знают его таким, какой он есть, - эгоистичным трусом. Он, конечно, очень религиозен и очень гостеприимен, то есть полон нелепых суеверий и очень любит, чтобы в доме были посторонние люди, отвлекающие его от самого себя. Геракл-хищник и Аполлон-соблазнитель ценят его как прекрасного спутника, но его собственные домочадцы не разделяют их мнения. Они слишком хорошо знают, и об этом постоянно говорится в пьесе, что он "глуп" в еврипидовском смысле этого слова, раб страстей, которые не в силах контролировать. И мы можем оставить его: в его образе Еврипид взрывает заблуждение, что во всех случаях и при всех обстоятельствах человек - высшее животное.

Но чудо "Алкестиды" вот в чем: несмотря на иронию и жестокую сатиру, несмотря на ожесточенную критику двух доктрин - существования сверхъестественного и превосходства человека, в ней остается столько других интересных нитей - реализма и романтики, пафоса и юмора, - что хорошо настроенный читатель может закрыть глаза на неприятное, и обычно так и делает. Чтобы раскрыть весь смысл пьес Еврипида, необходим двойной перевод: один вариант, написанный в прозе реалистом со вкусом к иронии, другой - лирическим поэтом. Ни одна из версий не будет удовлетворительной в отдельности, ибо дух Еврипида соединяет в себе обе: ни одна из них не будет окончательной, ибо переводы быстро стареют, а Еврипид вечно молод.

IX.- Сократический кружок

Софокл - почти последний представитель более раннего и счастливого периода Афинской империи, ее золотого века, как казалось впоследствии, когда самодовольному воображению гражданина-мужчины казалось, что все вещи работают вместе в направлении прогресса и свободы. Прогресс действительно был, а для мужчин - свобода мысли, ведь интеллектуальная атмосфера Афин середины V века до н. э. с ее сочетанием ясных знаний и бодрящих рассуждений никогда не была превзойдена. Но как общество Афины уже содержали в себе семена упадка и разрушения. Богатство ее интеллектуальных достижений едва скрывало нищету ее общественной морали, и только благодаря тому, что афиняне решительно закрывали глаза на деградацию своих женщин и несчастья своих рабов, они какое-то время сохраняли легкую иллюзию, что в лучшем из всех возможных городов все было к лучшему.

Затем последовал шок Пелопоннесской войны, и жестоко обнажились слабости, присущие свободному государству, которое отказывает в политической свободе более чем половине своего населения. Почти тридцать лет, с небольшими передышками, продолжалась борьба, в то время как Афины пытались навязать неохотному миру культуру, интеллектуально превосходящую, но морально уступающую культуре многих других греческих народов: и в конце концов они потерпели поражение и пали.

После пятого века политическое значение Афин исчезает; их интеллектуальное превосходство сохраняется за небольшой группой людей, которые под суровым военным руководством увидели недостатки их социальной системы и решительно взялись за критику и реформы. Благородство войны, благородство рождения, благородство пола - вот некоторые из предвзятых вопросов, которые решился оспаривать сократовский кружок, и их споры, как мы их запечатлели в литературе конца V - начала IV веков, составляют, возможно, самое ценное наследие, которое оставил нам греческий ум. Но, как и многое в греческой

мысли, их идеи требуют интерпретации для современного читателя. Некоторые из величайших представителей круга, например, Сократ и Антистен, известны нам только в трудах других людей, и нам приходится отделять идеи мастера от идей его учеников. Платон и Ксенофонт были увлечены метафизикой и военным делом, и социальные проблемы составляют лишь часть их интересов. Еврипид и Аристофан были вынуждены подчиниться условностям аттической трагедии и комедии, и мы всегда должны сбрасывать со счетов влияние сцены; Еврипид часто менее, а Аристофан более серьезен, чем это соответствует нашим представлениям о трагическом и комическом писателе. Наконец, для всех, кроме Ксенофонта, ирония была излюбленным оружием нападения, ирония, так ловко завуалированная, что делала возможной самую жестокую критику и до сих пор часто проходит незамеченной.

Но даже в этом случае критики не были популярны, а их реформы не были приняты: Сократ был предан смерти; Платон нашел убежище в политической безвестности; Еврипид, как и Эсхил, провел большую часть своей жизни вдали от Афин; Ксенофонт поселился в Пелопоннесе: при жизни они боролись с упрямым большинством, а когда их не стало, социальная организация афинской жизни осталась, по-видимому, неизменной. Но их учение продолжало жить после них, и в вопросах феминизма оно приобрело почти дополнительную ценность благодаря общей враждебности их соотечественников.

В критике проблем, которые мы называем феминизмом, Еврипид и Сократ были инициативными силами, и внимательное изучение пьес первого необходимо любому, кто хочет понять положение женщины в афинской жизни. Но пьесы Еврипида проливают определенный свет и на положение самого Сократа. Сократ и Еврипид, как мы знаем, были близкими друзьями: "кто из них двоих собрал палки, а кто сделал охапку", - так гласит древняя поговорка, "никто не может сказать", и во многих моментах семейных отношений у них был одинаковый опыт. Мать Еврипида, Клито, "зеленщица", и жена Сократа, Ксантиппа, "ругательница", - две редкие женщины в афинской истории, о которых мы знаем даже имена. Оба мужчины были любителями женщин в благородном смысле этого слова, и позднейшие женоненавистники мстили себе тем, что увеличивали их супружеские прегрешения. В случае с Еврипидом нет никаких реальных доказательств, подтверждающих эти скандалы, и даже если Ксантиппа была женщиной сильного нрава, оба мужчины были достаточно удовлетворены семейным положением, чтобы взять еще одну жену в дополнение к своей первой помощнице, когда специальный закон, ставший необходимым из-за потери мужских жизней в большой войне, дал официальную санкцию на такой шаг. Оба одинаково осуждали женоненавистничество своего времени и знали, что мужчина, который привык плохо думать о женщинах, скорее всего, не имеет веских причин хорошо думать о себе. Оба применяли к женщинам, как и к мужчинам, великие доктрины свободы, равенства, братства.

Еврипид видел в женщине равную, а не рабыню мужчины, Сократ считал ее своим естественным другом, а не естественным врагом. В сократических книгах Ксенофонта - "Записках", "Экономике" и "Симпозиуме" - мы получаем наилучшую информацию о взглядах мастера на женщин, поскольку сам Сократ был слишком осторожен, чтобы когда-либо посвятить себя письменному слову, и, возможно, самым характерным из этих эпизодов является визит к прекрасной Гетере, единственной верной из всех возлюбленных Алкивиада, описанный в "Записках".

В Афинах жила прекрасная дама по имени Феодота, которая имела обыкновение дарить свое общество любому, кто мог ее завоевать. Один из компании упомянул о ней Сократу, заметив,

что красота этой дамы превосходит все описания. "Художники, - сказал он, - приходят к ней в дом, чтобы написать ее портрет, и она демонстрирует им все свое совершенство!" "Что ж, - сказал Сократ, - очевидно, мы тоже должны пойти и увидеть ее. Невозможно по слухам понять то, что превосходит описание". Тогда его собеседник сказал: "Тогда быстро за мной".

И они сразу же отправились к Теодоте и застали ее дома, позирующей художнику. Когда художник закончил, "Друзья, - сказал Сократ, - должны ли мы быть более благодарны Феодоте за то, что она показала нам свою красоту, или она нам за то, что мы пришли посмотреть на нее? Я полагаю, что если этот показ будет выгоден ей, то она должна быть благодарна нам. Но если это мы собираемся получить прибыль от зрелища, то мы должны быть благодарны ей". "Очень справедливо сказано", - сказал один из них, и Сократ продолжил: "Госпожа сейчас получает выгоду от похвалы, которую она получает от нас, а когда мы распространим эту историю за границей, она получит еще большее преимущество. Что же касается нас самих, то мы начинаем испытывать желание прикоснуться к тому, что только что видели: уходя, мы будем чувствовать себя умными, а уйдя, будем по-прежнему тосковать по ней. Так что мы можем с полным основанием сказать, что это мы слуги, а она принимает нашу службу". Тогда Феодота: "Ну, если это так, то мне следовало бы поблагодарить тебя за то, что ты пришел ко мне". После этого Сократ заметил, что сама госпожа была дорого одета, а платье ее матери (ведь мать находилась в комнате) и общий вид отнюдь не были скромными. Присутствовало также несколько красивых девиц, не проявлявших никаких признаков небрежности в одежде, и во всех отношениях хозяйство было роскошно устроено.

Скажи мне, Теодота, - сказал он, - есть ли у тебя своя земля?

Нет", - ответила она.

Тогда, я полагаю, ваше хозяйство приносит вам хороший доход.

"Нет, у меня нет дома".

'Have you a factory, then?'

Нет, фабрики тоже нет.

'How then do you get what you need?'

'Когда я нахожу друга, и он любезно помогает мне, тогда я получаю средства к существованию'.

Клянусь нашей госпожой, это прекрасная вещь. Стадо друзей гораздо лучше, чем стадо овец, или коз, или волов. Но вы полагаетесь на случай, если друзья полетят к вам, как мухи, или используете какое-то механическое приспособление?

"Как я могу найти какое-либо устройство в этом вопросе?

Конечно, для вас это было бы гораздо уместнее, чем для пауков. Вы знаете, как они охотятся, чтобы прокормиться. Они плетут паутину, я полагаю, и все, что попадает им на пути, они берут себе в пищу".

Значит, вы советуете мне сплести охотничью сеть?

Нет, нет. Вы не должны думать, что поймать это благородное животное, возлюбленную, - такое простое дело. Разве вы не заметили, что даже для ловли такого скромного существа, как заяц, люди используют множество приспособлений? Зная, что зайцы питаются ночью, они снабжают себя ночными собаками и используют их в погоне. Кроме того, когда эти существа убегают на рассвете, они натаскивают других собак, чтобы те вынюхивали их и определяли, какой дорогой они идут от места кормежки к своим формам. Опять же, они быстроноги, поэтому могут убежать в открытом беге, и для того, чтобы ловить их по следу, предусмотрен третий класс собак. И наконец, поскольку некоторые из них убегают даже от собак, люди расставляют сети на бегах, чтобы они попадали в ячейки и были пойманы".

"Но какое приспособление я должен использовать в охоте на влюбленных?"

"Конечно, человека, который заменит собаку; человека, способного выследить и обнаружить для вас богатых любителей; способного также найти способ заманить их в ваши сети".

'Nets, forsooth! Какие у меня сети?"

"Одна у тебя, конечно, есть, тесно охватывающая и хорошо сконструированная - твое тело. А внутри тела находится сердце, которое учит тебя очаровывать взглядом и радовать словами. Оно велит вам с улыбкой встречать верных друзей и отгораживаться от навязчивых галантов; когда ваш возлюбленный болен, заботливо ухаживать за ним; когда он процветает, разделять его радость; в общем, отдать всю свою душу преданному любовнику. Я уверена, что вы прекрасно знаете, как любить. Для любви нужно не только нежное сердце, но и мягкие руки. Я также уверен, что вы убеждаете своих возлюбленных в своей привязанности не простыми фразами, а поступками любви".

"Нет, нет, я не использую никаких искусственных средств".

Если вы подходите к мужчине естественным и правильным образом, это имеет огромное значение. Вы не сможете поймать или удержать любовника силой. Он - существо, которое можно поймать и удержать только добротой и удовольствием".

"Это правда.

Тогда вы должны просить своих доброжелателей только о тех услугах, которые не потребуют от них больших затрат, и отвечать им тем же. Тем самым вы обеспечите себе их горячую и постоянную любовь, и они станут вашими благодетелями. Вы очаруете их больше всего, если никогда не будете сдаваться, кроме тех случаев, когда они резко настроены. Вы заметили, что самое изысканное блюдо, поданное до того, как человек захочет его отведать, может показаться ему невкусным, а если он уже насытился, то оно даже вызывает чувство тошноты. Вызовите чувство голода, прежде чем подавать пиршество; тогда даже скромная пища покажется сладкой".

"Как я могу вызвать это чувство голода у своих друзей?"

Во-первых, никогда не подавайте им еду, когда они уже насытились. Даже не предлагайте. Подождите, пока чувство насыщения полностью исчезнет и они снова начнут остро чувствовать себя. Даже тогда поначалу пусть ваши предложения будут лишь самыми скромными. Делайте вид, что не хотите уступать. Улетайте от них - и снова улетайте, пока они не почувствуют укол голода. Это и есть ваш момент. Дар тот же, что и тогда, когда человек его не желал; но дивно изменилась его ценность".

Феодота: "Почему бы тебе не присоединиться ко мне на охоте и не помочь мне поймать влюбленных?"

"Конечно, - сказал он, - если ты сможешь уговорить меня прийти".

'Nay, how can I do that?'

'Вы должны сами посмотреть и найти способ, если я вам нужен'.

Тогда приходи ко мне почаще".

Тогда Сократ, подшучивая над своим равнодушием к делам, ответил:

"Мне нелегко взять отпуск. Я всегда занят своими личными и общественными делами. Кроме того, у меня есть подруги, которые ни днем, ни ночью не позволяют мне покинуть их. Они всегда хотят, чтобы я учил их любовным чарам и заклинаниям".

"Что, вы и это знаете?"

"А в чем еще причина того, что Аполлодор и Антистен никогда не покидают меня? Почему Цебес и Симмий проделали весь путь из Фив, чтобы остаться со мной? Можете быть уверены, что без любовных чар, заклинаний и волшебных колес этого не добиться".

Тогда одолжи мне свое колесо, чтобы я мог применить его на тебе.

Нет, я не хочу, чтобы меня притягивали к тебе. Я хочу, чтобы ты пришел ко мне".

Хорошо, я приду. Но будьте уверены и будьте дома".

Я буду у вас дома, если только со мной не будет какой-нибудь дамы, которая дороже вас".

Это знаменательный случай, очаровательно рассказанный Ксенофонтом, но не совсем очаровательный сам по себе, хотя шутливая ирония Сократа может скрыть от невнимательного читателя все мрачные стороны этой картины. Но сам Сократ вполне симпатичен. В отношении философа нет ничего скрытного, ничего покровительственного. Он ведет себя с Теодотой так, как вел бы себя с каждым. Он восхищается ее красотой и, подобно Голдсмиту, признает, что красивая женщина - благодетельница человечества. Но хотя он знает силу ее положения, он понимает и ее слабость, и в его восхищении есть оттенок жалости.

Подобная оценка женщин проявляется во многих отрывках "Симпозиума", например, когда Сократ говорит: "Женщинам не нужны духи: они сами по себе благоухают". Есть и такой сократовский парадокс - после выступления танцовщицы:

"Это одно доказательство из многих, что природа женщины ни в чем не уступает мужской: у нее нет недостатка ни в рассудке, ни в физической силе".

Он продолжает свои аргументы, советуя друзьям *учить* своих жен; и он обращается к самому слабому месту в жизни женщин - невежеству, в котором их держали. Не бойтесь, - говорит он, - научите ее всему, что вы хотели бы, чтобы знала ваша спутница".

Тогда Антисфен задает уместный вопрос: "Если ты так думаешь, Сократ, то почему бы тебе не попробовать обучить Ксантиппу, которая, как я полагаю, является самой трудной из всех жен, настоящих, прошлых и будущих? На это он получает следующий ответ:

"Я заметил, - говорит Сократ, - что люди, желающие стать хорошими наездниками, берут энергичную лошадь, а не прирученное, послушное животное. Они думают, что если смогут справиться с пылким конем, то и с обычной лошадью у них не возникнет трудностей. Мой случай аналогичен. Я хотел быть гражданином мира и общаться со всеми людьми. Поэтому я взял ее. Я совершенно уверен, что если я выдержу ее, то не буду испытывать трудностей и в обычной компании".

Таким образом, Сократ извлекает пользу даже из сварливой жены. Его представления о счастливом браке и наилучших средствах обеспечения этого счастья изложены Ксенофонтom в "Ἐκονομικός". Исхомах, собеседник Сократа, - это сам Ксенофонт, и весь отрывок следует сравнить с теми восхитительными историями о супружеском счастье - рассказом о Пантее и жене Тиграна, - которые историк приводит в "Воспитании Кира". Диалог начинается с того, что Сократ спрашивает Исомаха, как он получил свое прозвище "честного господина" - конечно же, не тем, что сидел дома!

"Нет, - отвечает Исхомах, - я не провожу дни напролет дома: моя жена вполне способна вести хозяйство без моей помощи".

"А, вот это я и хочу узнать. Ты сам научил свою жену быть такой, какой должна быть жена? Или, когда вы забрали ее от родителей, она обладала достаточными знаниями, чтобы выполнять свою часть работы по дому?"

"Обладала знаниями, когда я взял ее? Ей не было и пятнадцати лет, и до тех пор она жила под тщательным наблюдением, чтобы видеть и слышать, и спрашивать как можно меньше. Все, что она знала, - это как брать шерсть и делать из нее платье. Все, что она видела, - это как прядильщицы выполняют свои ежедневные задания. Что касается контроля над аппетитом, то она, несомненно, получила хорошее образование, а это, я думаю, очень важно".

Далее Исомах подробно описывает свою систему воспитания. Она начинается с того, что муж и жена вместе приносят жертву и молятся о том, чтобы удача помогла им в обучении и познании того, что лучше для обоих. Затем, как только жена "приручена к руке и не слишком напугана, чтобы принимать участие в разговоре", муж объясняет, что теперь они вместе, в настоящее время в доме, а в будущем в любых детях, которые могут у них родиться. Каждый из них внес свою долю в общий фонд, и теперь они должны вместе защищать свои общие интересы. Жена согласна на это, но сомневается в своих силах. "Все зависит от тебя, - говорит она, - мое дело, как говорила мама, быть скромной и сдержанной". Тогда муж объясняет истинные функции мужчины и женщины и их различия. Мужчина в большей степени, чем женщина, способен переносить жару и холод, преодолевать пути и маршруты. Бог предназначил ему работу на открытом воздухе. Женщина менее способна переносить усталость; она более ласкова, более робка. Бог навязал ей работу в помещении. Наконец, мужчинам и женщинам в равной степени Бог дарует память, внимательность и самообладание. Обычай согласуется с божественным предписанием. Для женщины сидеть дома тихо, а не бродить по окрестностям, не позор: для мужчины оставаться дома - позорно. Жена подобна пчелиной королеве, от которой зависит вся работа улья; а хорошая хозяйка вскоре завоевывает преданную любовь всех своих слуг. Так продолжается разговор, и этой прекрасной фразой заканчивается первый супружеский урок:

"Но самой сладкой радостью для тебя будет показать себя моей начальницей и сделать меня своей служанкой; тогда тебе не придется бояться, что с годами ты потеряешь свое почетное место в доме; ты будешь уверена, что, хотя ты уже не молода, твоя честь будет расти, так как ты станешь лучшей супругой для меня и детей и лучшей хранительницей домашнего очага; ведь не красота, а добродетель способствует росту доброго имени".

Но Исомах не ограничивает свое учение словами. Он рассказывает Сократу, как однажды попросил жену найти какую-то домашнюю вещь, которую она не смогла найти, и как сильно она покраснела от своего беспечного невежества. Тогда он дает ей практический урок ведения домашнего хозяйства, проводя ее по дому и объясняя назначение различных комнат и утвари, попутно рассуждая о красоте порядка - "ведь красота, подобная каденции сладкой музыки, обитает даже в кастрюлях и сковородках, расставленных в аккуратном порядке". Его жена извлекает пользу из этого урока, и отныне все находится на своих местах.

Он добросовестно разбирается и с самой простительной из женских слабостей - желанием угодить, которое заставляет некоторых дам пытаться улучшить природу. Поэтому, когда однажды он застаёт свою жену с пудрой и румянами на щеках и в туфлях на высоком каблуке, он начинает так:

Дорогая жена, будешь ли ты считать меня хорошим партнером в нашем деле, если я стану демонстрировать нереальное богатство, фальшивые деньги и фиктивные пурпуры, покрытые золотом?

"Нет, конечно, нет", - отвечает она.

А что касается моего тела, то разве я буду вам более симпатична, если помажусь пигментами и накрашу глаза?

Нет, я бы предпочел смотреть в твои глаза и видеть их сияющими здоровьем".

Поверь мне, дорогая жена, мне не лучше этот белый порошок и красная краска, чем твой природный оттенок".

Так что с того дня молодая жена отказалась от косметики и по совету мужа занялась здоровым спортом; физическая подготовка, которую он рекомендует, - это "замешивать тесто и раскатывать тесто, вытряхивать покрывала и заправлять кровати".

Последний анекдот мы должны закончить. Сократ спрашивает своего друга, обладает ли он, кроме практической мудрости, еще и ораторским и судебным искусством.

Конечно, есть, - отвечает Исомах. Я постоянно слушаю и обсуждаю дела в своем доме. Да, и до сегодняшнего дня я был на одной стороне, и мне пришлось предстать перед судом, чтобы узнать, какое наказание я должен понести и какой штраф заплатить".

"И как же ты справляешься?" - спрашивает Сократ.

"Когда на моей стороне преимущество правды, достаточно хорошо; но когда со мной нет правды, я никогда не могу заставить худшее дело казаться лучшим".

'And how is that? Who is the judge?

'Моя жена'.

Дом Исхомаха, по крайней мере, не кукольный домик. Его жена так же далека от смиренной труженицы, с которой был знаком простой афинянин, как и от накрашенной одалиски, которая для ионийца была идеалом совершенной женщины.

Х.- Аристофан

Творчество Аристофана является продолжением творчества Еврипида и часто вдохновлено гораздо более серьезными целями, чем принято считать. Аристофан - не просто вульгарный шут, и большая часть его непристойностей - пустой парад, вызванный условиями аттической сцены, которую сам Аристофан в ходе своей карьеры сделал устаревшей. Он был членом сократического кружка (знаменитый "Симпозиум" заканчивается тем, что Сократ объясняет Агатону и Аристофану природу трагедии и комедии и объясняет существенное сходство их функций), и в ранней юности он попал под чары великого трагика. Из всех его комедий едва ли найдется хоть одна, которая по языку, музыке и драматической технике не раскрывала бы интимную гармонию, существующую между этими двумя людьми. Аристофан и Еврипид, как и наш Шелли, были рождены быть лирическими поэтами, и оба они обладают божественным даром мелодии. Но их интересовало так много других вещей, политика, феминизм, социальные реформы, что искусство для них часто отходило на второй план. Как люди они несравненно больше, чем такие эгоцентричные поэты, как Софокл; как художники они не ставят перед собой цели и не достигают его академического совершенства. Их методы удивительно похожи, и именно потому, что Аристофан так хорошо знает Еврипида и находится в такой тесной связи с ним, постоянное пародирование еврипидовского стиля в комедиях никогда не надоедает.

Пародия, грубый юмор, даже непристойность - вот те качества, которые обязательно должен был демонстрировать комический поэт в Афинах, и Аристофан, выбрав средство выражения, вынужден подчиняться ограничениям комической сцены. Более того, очевидно, что он получает максимальное удовольствие от своего юмора. Остроумие Еврипида сдержанно и иронично, в нем есть что-то от горечи старости; Аристофан в большинстве своих пьес обладает буйством юношеского духа и переполненным запасом фантастических выдумок.

Но драматург, даже комический, каким бы фантастическим и изобретательным ни был его юмор, должен иметь какую-то основу для серьезной цели, и эту основу Аристофан во многом берет у Еврипида. Его три главные темы те же, что и у трагика: Во-первых, война - это проклятие, она полезна, возможно, для политиков и солдат, но приносит бедствия реальным рабочим; во-вторых, вера в богов, воплощенных в смертном облике, абсурдна - такая вера непременно приведет к фарсовым ситуациям, которые при реалистическом подходе станут прекрасным материалом для комического поэта; в-третьих, женщины не менее способны, интеллектуально и морально, чем мужчины - их опыт ведения домашнего хозяйства особенно подходит для ведения дел государства, а феминистская администрация может решить многие проблемы, которые оказались слишком сложными для мужчин. Первая из этих тем появляется в сюжетах "Ахарнийцев", "Мира" и "Рыцарей"; вторая - в "Птицах", "Лягушках" и "Плуте"; феминистские пьесы - "Женщины на празднике", "Лисистрата" и "Женщины в собрании".

Очевидно, что трактовка этих тем в трагедии и комедии будет разной, но исходная точка зрения во многом совпадает. Что касается оскорблений в адрес Еврипида, а их немало в комедиях, то это всего лишь часть комической игры, и глупо воспринимать ее всерьез. Аристофан, Еврипид, Платон и Сократ были близкими друзьями, такими же близкими друг другу, как наши ведущие политики, и говорить о том, что Аристофан "нападает" на Еврипида и Сократа, значит неверно понимать ситуацию.

Не стоит думать, что все члены сократического кружка думали одинаково по всем вопросам, и даже в том, что касается феминизма, между Еврипидом и Аристофаном есть некоторые различия. Комический поэт скорее интересуется женским делом, чем посвящает себя ему, и

во многих своих пьесах он определенно колеблется между грубым реализмом фаллического бога и новыми идеями феминистской доктрины. Часто в его театре женщины занимают столь же незначительное место, как и в реальной жизни его времени. Например, в "Осах" семья Филоклеона состоит из взрослого сына и прислуживающих ему рабов: о жене или дочери ничего не говорится. В "Рыцарях" у "Демоса" - Джона Булла - нет миссис Булл, которая могла бы составить ему компанию: его домашние дела находятся в руках рабов. В "Облаках" дана яркая картина дома Сократа: описаны дом, мебель, ученики, но ничего о Ксантиппе. Так и в "Ахарнях" и "Мире" мы имеем бытовые сцены, но ни одна женщина не принимает участия в действии: женщины есть, но они - лица неважные. Тригей, перед тем как отправиться в свое авантюрное путешествие, ласково прощается со своими маленькими детьми, но для жены у него нет никакого послания. Мегарианец продает двух своих дочерей за горсть лука-порея и меру соли, а затем молится всем святым, чтобы ему повезло получить такую же хорошую цену за свою мать и жену.

Реалист, изображая жизнь Афин в V веке, вынужден был отводить женщинам незначительную роль, но даже в этой группе пьес Аристофан делает одно исключение, исключение, возможно, подтверждающее правило, ибо даже при гаремной системе властная женщина иногда выходит на первый план, и Харун аль-Рашид идет в страхе перед Зобеидой. В "Облаках" Стрепсиад женат и отнюдь не независим от своей супруги: дама упоминается, хотя и не принимает никакого участия в пьесе, и причины такого различия весьма поучительны. Сам Стрепсиад - человек низшего социального положения, не обладающий ни силой воли, ни интеллектом; его жена - женщина состоятельная, дочь знатного рода и сама обладает решительным характером. Используя все эти преимущества, она как раз и способна противостоять слабому и глупому мужу и настоять хотя бы на компромиссе, когда их мнения расходятся.

Но отсутствие женских персонажей можно и перехвалить, ведь условия представления на Ленейском празднике противоречили женским интересам, и хотя сюжет многих комедий мало связан с женщинами, в них постоянно проскальзывают феминистские симпатии автора. Среди всех эпизодов в "Птицах" нет ни одного столь свежего юмора, как арест Ирис, девушки-посланницы богов, и даже посреди ожесточенных политических перепалок рыцарей наступает восхитительная интермедия, когда дамы-триремы собираются на совет; Старая старуха Науфанта выступает перед собранием первой и рассказывает о делах правительства, а за ней следует застенчивая юная девушка, которая "никогда не приближалась к мужчинам" и намерена сохранить свою независимость: "Не дай бог, ни один мужчина не станет моим господином".¹ Действительно, учитывая состояние Афин и необходимость для комического поэта соответствовать вкусам своей аудитории, удивительно, что не менее трех из оставшихся одиннадцати пьес - "Лисистрата", "Женщины на празднике" и "Женщины в собрании" - связаны с феминистским движением и написаны в открытую в защиту женского дела.

The Women at the Festival-Thesmophoriazusæ - самая легкая из трех пьес, на самом деле это блестяще написанное феминистское "ревью". Еврипид выступает в роли "сравнения" и в разных обликах участвует в большинстве инцидентов. Он узнал, что женщины, собравшиеся на свой праздник, на который не допускаются мужчины, хотят предать его смерти, во-первых, за то, что он драматург, а во-вторых, как клеветника на женский род. Чтобы спастись, он обращается к своим друзьям (сцена представляет собой пародию на "Алкестиду"), и в первую очередь к своему коллеге-драматургу Агатону. Но Агатон, чья музыка затем подвергается бурлескному осмеянию, слишком похож на женщину, чтобы быть полезным. Он - еще один представитель внутреннего сократовского круга, но в шутку ему

приписывают самые постыдные поступки: его внешность столь же двусмысленна, как и его мораль, и все, что он может сделать для Еврипида, - это одолжить ему несколько предметов женского платья для маскировки. Поэтому Еврипид вынужден прибегнуть к помощи своего тестя, Мнесилоха, шута пьесы, и следует одна из тех сцен раздевания, с которыми мы знакомы на современной сцене. Старый джентльмен раздевается, бреется и облачается в женские одежды, то есть меняет свое грубое белое покрывало на более тонкое желтое, завязывает на груди корсет, надевает сетку для волос и чепец. Теперь он, судя по всему, женщина и отправляется на праздник Фесмофора, чтобы узнать подробности предложения женщин.

Женщины собираются и в изощренном бурлеске общественного собрания рассказывают о своих претензиях к Еврипиду. Именно из-за поэта мужчины стали такими подозрительными: они повсюду чуют любовника, шпионят за женами, запирают шкафы в магазинах. Старики, которые раньше брали молодых жен, теперь остаются неженатыми, потому что поэт сказал им: "Когда старик женится на молодой жене, госпожа становится господином". Наконец, своими атеистическими доктринами Еврипид погубил многих честных цветочниц, ибо теперь мужчины не приносят гирлянды богам. Тогда Месилох встает на защиту. Я ненавижу этого человека так же, как и ты, - говорит он, - но неразумно раздражаться на него за то, что он говорит об одной-двух наших слабостях - у нас их десять тысяч, о которых он никогда не упоминал". Затем он начинает подробно рассказывать о некоторых недостатках, которые Еврипид опустил; но его останавливает разгневанная аудитория. "Нет ничего хуже женщины, которая от природы бесстыдна", - говорит хор, - *"если только это не женщина"*.

Начинается ожесточенная дискуссия, пока их споры не прерывает появление Клисфена, одного из тех женоподобных мужчин, которые так неприятно знакомы в Афинах, и он сообщает собравшимся, что среди них есть настоящий мужчина. Подозрение сразу же падает на Мнесилоха; по очевидным уликам он оказывается мужского пола, и его хватают женщины. Он делает галантную попытку бежать, схватив ребенка с коленей женщины и удерживая его в качестве выкупа (пародия на "Телефа" Еврипида); но когда он расстегивает на ребенке повязку, это оказывается не ребенок, а кожаная шкура, полная вина, которую дама принесла, чтобы лично освежиться во время процесса. Тогда он решает обратиться за помощью к Еврипиду, и пародия на Паламеда завершает первую часть пьесы.

Интермеццо между двумя актами представляет собой шутовское изложение дела женщин в строго еврипидовском духе:

Каждый из них [поет хор] оскорбляет женское племя: мы - все, что плохо. *Зачем же вы женитесь на нас?* Почему вы держите нас дома, как будто мы что-то очень, очень ценное? Почему, если мы выглядываем из окна, каждый мужчина стремится разглядеть наше лицо? На самом деле женщины лучше мужчин, а не хуже; они менее жадны, менее бесчестны, менее вульгарны; наконец, только они являются *матерями* героев.

Второй акт представляет собой серию попыток Еврипида спасти своего защитника. В первом эпизоде трагик появляется под видом Менелая своей Елены. Старый Месилох - прекрасная, но хрупкая царица, и сцена *должна* смениться на Египет. Но женщины отказываются отпустить своего пленника, и в конце концов его передают полицейскому из северной части страны, неграмотному джентльмену с очень сильным акцентом. На нем Еврипид пробует эффект другой трагедии. Переодетый Персеем, он настаивает на том, что Месилох - это плененная дева Андромеда и что он пришел освободить ее. Но полицейский оказывается непреклонным. Тогда Еврипид разыгрывает свою последнюю карту. Помня о том, что все полицейские питают *слабость* к слабому полу, он переодевается в старуху и входит, ведя за

руку молодую и привлекательную женщину. Полицейский сразу же смягчается, а когда пухленькая девушка с флейтой садится к нему на колено, он капитулирует, пробормотав: "Какой славный тоонг: это настоящий аттический хооней!". Последний остаток профессиональной осторожности заставляет его спросить у старухи ее имя. Еврипид, вынужденный выбирать имя, выбирает удачное, и говорит: "Артемизия", которое полицейский заносит в свой блокнот как "Артамуксия", а затем, передав старухе свою пленницу, удаляется в дом вместе со своей юной знакомой. Другая пара спешит скрыться, и пьеса заканчивается отчаянным криком полицейского: "Артамуксия, Артамуксия, где ты?".

Лисистрата, "разрушительница армий", - гораздо более сильная пьеса, а ее героиня - шедевр драматической характеристики. С самого начала действия, когда она стоит в темноте, ожидая созванных ею женщин, и хмурится от нетерпения - "хотя хмурый взгляд портит ее внешность", как говорит ее спутник, - и до самого конца, когда, достигнув своей цели, она может сказать: "Пусть мужчина стоит за женщину, а женщина за мужчину". Удачи всем, и молитесь Богу, чтобы мы больше не совершали подобных ошибок", - она настоящая живая женщина. Если бы Аристофан не написал ничего другого, "Лисистрата" показывает, что он понимал женский ум почти так же хорошо, как сам Еврипид: гораздо лучше, чем большинство авторов-женщин, за исключением разве что несравненной Джейн, с Эммой которой афинская дама в мастерстве и независимости имеет близкое сходство. Сюжет пьесы прост. Под предводительством Лисистраты афинские женщины заключают союз с женщинами Спарты, Беотии, Коринфа и других греческих государств (ведь солидарность женщин - одна из ключевых тем пьесы), чтобы остановить войну. Для этого они предпринимают как активные, так и пассивные меры: связывают себя клятвой не вступать больше в связь со своими мужьями до заключения мира (женщины сначала возражают, но под руководством атлетически сложенного спартанца наконец соглашаются), а также захватывают Акрополь с казной. Старики, оставшиеся дома, и чиновники, поскольку большинство мужчин на войне, пытаются применить силу; но Лисистрата собрала и обучила своих женщин. В очень яркой сцене мужчины нападают, но Лисистрата кричит: "Наверх, стража, и на них!", и силы мужского правопорядка, представленные скифскими полицейскими, обращены в позорное бегство. Затем мужчины считают целесообразным предложить дружескую встречу, и "разговор" Лисистраты с главным комиссаром - самая поучительная часть пьесы.

"Почему вы захватили казну?" - спрашивает он. Лисистрата объясняет, что все войны зависят от финансовых соображений и что женщины хотят прекратить поставки. Его аргумент, что женщины не обладают административными навыками или финансовыми знаниями, опровергается простыми фактами домашнего управления. "Это не одно и то же, - говорит комиссар, - это военный фонд". Тогда Лисистрата заявляет, что война должна быть прекращена - сейчас, немедленно.

В нашей уединенной скромности мы достаточно долго терпели то, что вы, мужчины, делали. Вы не позволяли нам говорить, но мы были недовольны вами. *Мы* знали, что происходит, хотя и не выходили из дома. Снова и снова нам говорили о какой-то новой большой ошибке, которую вы совершили. С болью в сердце мы улыбались и спрашивали: "Что вы сделали сегодня для мира?" "Но что вам до этого?" - отвечал наш человек. "Попридержи язык". Тогда я так и сделала (говорит Лисистрата), но сейчас не собираюсь. Я уже достаточно давно слышу эту фразу: "Мужчины должны следить за военными тревогами". Вот моя версия этой мелодии: "Женщины должны следить за военными тревогами"; и если вы прислушаетесь к

моему совету, то военные тревоги вас больше не побеспокоят. Все, что вам нужно делать, - это держать язык за зубами, как мы делали раньше.

В этот момент комиссар врывается с яростью: "Ты, проклятый багаж, я держу язык за зубами! Да на вас теперь вуаль, чтобы скрыть ваше лицо. Пусть лучше я умру". Но его гнев не приносит ему пользы.

"Если тебе так трудно, - говорит Лисистрата, - возьми мою вуаль, - и она надевает ее ему на голову, - а теперь держи язык за зубами; кроме того, вот моя корзина с шерстью, чтобы ты мог есть бобы и чесать шерсть, ибо теперь "женщины, женщины никогда не будут рабынями". И вот сцена заканчивается триумфальным хором.

Между первым и вторым актом проходит небольшой промежуток времени, и когда мы снова видим Лисистрату, ей с трудом удается удержать своих женщин вместе и подальше от их мужей. "Вы тоскуете по своим мужчинам, - говорит она, - а не кажется ли вам, что они тоскуют по вам? Я уверена, что ночи для них очень тяжелы. Потерпите, милые подруги, потерпите еще немного". Ее доводы оказываются успешными, и вскоре приходит первый мужчина с ребенком на руках, готовый подчиниться любым условиям. Но пока мир не заключен, договориться не удастся, и бедный муж уходит неудовлетворенным. Наконец, перед Лисистратой предстает совместная депутация спартанцев и афинян. Ей, как женщине, а значит, по ее словам, человеку здравомыслящему, не составляет труда договориться с ними об условиях мира, устраивающих обе стороны, и пьеса заканчивается танцем "ожерелья", мужчины и женщины танцуют рука об руку.

Но этот краткий обзор не дает представления о всех приемах сценического мастерства, которыми изобилует "Лисистрата". Это в высшей степени актерская пьеса, и она по-прежнему может заполнить театр. Язык ее, конечно, груб, а героиня совершенно лишена скромной сдержанности, но взгляд на французскую адаптацию М. Доннэ из Академии, особенно на введенные в нее дополнительные эпизоды, докажет, что грубость - не самая худшая вещь на свете, и что тихий язык не всегда означает добродетельный ум.

Собрание женщин, Ecclesiazusæ, гораздо менее энергично. Написанная на двадцать лет позже "Лисистраты", она демонстрирует явные признаки старости и упадка сил. Еврипид и Сократ ушли из жизни, сократический кружок распался. Трагедия мертва, а комедия умирает, ибо Аристофан утратил большую часть того "vis comica", которое было его самым замечательным достоянием. Влияние Платона заменяется влиянием Еврипида, и пьеса представляет собой пародию на феминистские теории в том виде, в каком они развиваются в "Республике".

Построение, однако, плохое: действие останавливается и меняется на середине пьесы; первая часть достаточно эффективна, но она была бы более эффективной, если бы мы не помнили "Лисистрату", темы которой она повторяет с меньшей энергией.

В начале пьесы Праксагора в темноте ждет появления вызванных ею женщин. Они решили переодеться мужчинами и прийти на собрание, созванное на утро. Там они должны предложить и провести резолюцию о том, что государство должно быть передано в управление женщинам. Вскоре они начинают собираться; их мужья благополучно ложатся в постели и спят, так как жены приняли меры, чтобы они провели спокойную ночь. Палки, плащи, туфли и накладные бороды приготовлены и подогнаны, но прежде чем они отправятся собирать собрание, Праксагора предлагает провести репетицию своих аргументов. Дамы, сосредоточившие свое внимание на том, чтобы *выглядеть* как мужчины,

оказываются не очень искусными в мужском стиле речи, и Праксагоре приходится самой подсказать им образец выступления.

Все идет не так [говорит она], потому что мы выбираем правительство на неверных принципах. Это правительство классов, и каждый учитывает свои личные интересы. Государственные деньги расходуются на частные нужды. Женское правительство изменило бы все это, поскольку женщины, имея опыт управления домом, знают, как добиться полной отдачи от денег. Во-вторых, женщины консервативны и никогда не согласятся ни на какие насильственные изменения в финансах или тарифах; они прирожденные экономисты, и надуманные крики о справедливой торговле не произведут на них никакого эффекта. В-третьих, в качестве военных министров они наверняка добьются успеха; их опыт в организации питания обеспечит солдатам хорошее питание, и они не станут излишне рисковать жизнью собственных сыновей. И наконец, женщины настолько привыкли к хитрости, что обмануть их будет очень трудно. *Поэтому* без лишних разговоров и расспросов о том, на что способны женщины, лучше всего доверить им управление страной.

К концу речи женщины выучили свои роли, и, получив последнее наставление - тыкать локтями в лицо любому полицейскому, который попытается помешать, - все отправились на собрание. Затем появляется Блепир, пожилой муж Праксагоры, и пьеса начинает портиться, ведь это один из самых ловких штрихов в "Лисистрате", когда мужья большей частью находятся вдали от дома и поэтому не могут принимать участия в действии. Блепир и его соседи обнаружили, что их жены исчезли вместе с плащами и туфлями. Пока они стоят в сомнении, до них доходят странные новости. Собрание, созванное этим утром для рассмотрения жизненно важного вопроса о государственной реформе, уже закончилось; на нем присутствовало так много народу и оно было так пунктуально, что многие мужчины пришли слишком поздно, чтобы проголосовать или получить плату за участие. Единогласно была принята резолюция о том, что портные должны давать одежду, а пекари - хлеб, причем всем бесплатно; кроме того, правительство должно находиться в руках женщин. За это изменение политики в первую очередь ответственен симпатичный молодой человек, который произнес весьма эффектную речь. Он указал на то, что женщины умеют хранить секреты гораздо лучше мужчин, что они привыкли доверять друг другу и никогда не пойдут на заговор против правительства; кроме того, все, кроме женского правительства, уже было испробовано без особого успеха, и этот эксперимент стоит того, чтобы его провести. Блепирус и его друзья соглашались *со свершившимся фактом*, а когда Праксагора возвращается, она узнает от мужа, что женщины теперь у власти. Социалистическое государство сразу же начинает обретать форму. Праксагора устанавливает общность имущества - земля, пища, рабы теперь принадлежат государству - каждый владеет всем. Женщины входят в общность имущества, но во избежание споров менее благополучные женщины и мужчины должны иметь право первого выбора партнера, и такие союзы носят исключительно временный характер. Суды, игорные салоны и ночные клубы будут немедленно закрыты, так как эти элементы цивилизации несовместимы ни с социализмом, ни с феминизмом. Трудность работы устраняется удобным институтом рабства, и наступает режим всеобщего счастья и пиршества.

Такова первая часть пьесы. Во второй части, которая очень слаба, делается попытка показать, как работает новый строй. Праксагора исчезает, а персонажи становятся просто механическими фигурами. Мужчина А, мужчина Б, молодой человек, молодая женщина, три старухи. Сцены грубы и неинтересны, а прозаичность диалогов не скрашивается ни одним из ярких штрихов юмора, характерных для ранних пьес поэта. Наконец, эта часть, как и первая, заканчивается банкетом, устроенным государством и открытым для всех.

Ecclesiastusæ явно вдохновлена платоновскими теориями коммунизма и феминизма в том виде, в каком они представлены сейчас в "Республике" и "Законах". Еще одним примером связи между комедиографом и философом является аристофановская история о происхождении секса в "Симпозиуме" Платона. Эта история - платоновский миф с некоторыми отличиями - является настолько хорошим образцом как юмора Аристофана, так и той веселой моды, в которой греки предвосхитили современную науку, что жаль, что ее длина не позволяет ее процитировать.

В древние времена [согласно Аристофану] существовало не два, а три пола, дети солнца, земли и луны. Люди были круглой формы, с четырьмя ногами и руками, двумя лицами, умели и ходить, и кататься. В гордыне своей силы они восстали против неба, и Зевс разрубил их на две части. Аполлону было приказано залечить эти места, но две половинки тосковали одна по другой, и тогда бог из жалости развернул их тела, и люди стали такими, какими мы видим их сейчас.

Существует множество других деталей, но самым ярким моментом в этой истории является признание изначальной идентичности полов. Мужчина и женщина - не отдельные и противоположные, а дополняющие друг друга половинки одного организма, в который когда-то входили оба; они - единое целое, и именно поэтому мужчины и женщины стремятся друг к другу. Насколько эта сказка является изобретением Аристофана, насколько Платона, решить невозможно, но учение о тождестве половых признаков является общим достоянием всего сократовского кружка и составляет столь же явную основу серьезной философии Платона, как и юмористической апологии Аристофана.

XI.- Платон

Платон отличается от большинства представителей сократического круга тем, что он, прежде всего, мечтатель и теоретик. Он, по сути, мужской гений (с ним мы ничего не слышим о жене и детях), и ему не хватает той хватки реальности, которой инстинктивно обладает прирожденный феминист Еврипид. Он смотрел на состояние общества в своем родном городе со смесью неприязни и презрения, и видел, что главной причиной этого состояния было безразличие к женщинам и детям, которым гордился простой афинянин. В своем феминизме и реформах образования Платон испытывает глубокое влияние спартанского учения, но основная структура - это его собственная работа, основанная не на реальном опыте, а на идеальной теории. В этом идеализме кроется как сила, так и слабость его феминистской доктрины. Он не позволяет себе поддаться влиянию, как после него Аристотель, фактического состояния неполноценности, до которого были низведены афинские женщины; но, создавая общество, которое должно быть противоположно вырождающимся Афинам его времени, он склонен пренебречь некоторыми непобедимыми фактами человеческой природы.

Феминистские доктрины Платона наиболее четко изложены в пятой книге "Республики" и шестой, седьмой и восьмой книгах "Законов". Эти произведения доступны английскому читателю (или, скорее, доступна их грубая суть, поскольку мы никогда не сможем воспроизвести тонкую музыку прозы Платона, а его тонкая ирония испаряется в английском

языке) в переводе Джоуэтта и в превосходной версии "Республики" Дэвиса и Вогана. Но, возможно, будет удобно дать краткое резюме его аргументов.

В пятой книге "Республики" обсуждается идеальное государство и устанавливается правило κοινὰ τὰ τῶν φίλων ("среди друзей все является общей собственностью"). Более того, оно было применено к женам и детям, поскольку Платон поначалу с трудом избавился от заблуждения, что жена для мужчины - такая же собственность, как собака или стол. Затем рассматривается организация коммунистического *режима* в деталях, но единогласно решается, что вопрос об общности женщин имеет жизненно важное значение и должен быть объяснен сразу же. Философ, соответственно, с некоторой притворной неохотой начинает с молитвы Немезиде - "Я на скользкой дороге, и боюсь, чтобы, потеряв опору, не утащить за собой моих друзей " - и таким образом приближается к своей теме:

"Цель нашей теории, как я полагаю, заключалась в том, чтобы сделать наших мужчин, как бы, опекунами стада?

'Да.'

Давайте продолжим в том же духе и дадим соответствующие правила для размножения вида и воспитания потомства; и понаблюдаем, находим ли мы их подходящими или нет".

'How do you mean?'

'Таким образом. Считаем ли мы, что самки сторожевых псов должны охранять стадо вместе с самцами, охотиться вместе с ними и выполнять все остальные обязанности; или же самки должны сидеть дома, потому что они не в состоянии выводить и воспитывать детенышей, в то время как самцы должны работать и нести все заботы о стаде?

"Мы ожидаем, что они будут участвовать во всем, что нужно сделать; только мы относимся к самкам как к более слабым, а к самцам как к более сильным".

Можно ли использовать животных для той же работы, если не давать им такого же обучения и воспитания?

"Нет".

Если мы хотим использовать женщин на тех же работах, что и мужчин, мы должны давать им те же инструкции?

'Да'.

"Мужчинам мы даем музыку и гимнастику".

'Да.'

Тогда мы должны обучить женщин тем же двум искусствам, дать им, кроме того, военное образование и обращаться с ними так же, как с мужчинами".

Профессиональному юмористу предлагается воздержаться от очевидных шуток, вызванных идеей о женщинах, раздетых для упражнений, или старухах, занимающихся легкой атлетикой, и помнить, что все эти вещи - чисто дело обычая. На самом деле вопрос заключается в том, такова ли природа человеческой женщины, чтобы позволить ей участвовать во всех видах деятельности мужчины, или же она полностью неравноценна ни в одном, или равна в некоторых, но не в других; и, если это так, то к какому классу относится военная служба. Женщины, конечно, отличаются от мужчин, но нас не должно вводить в

заблуждение слово "отличаются". Лысый мужчина отличается от длинноволосого, но он может быть одинаково хорош как сапожник, так и государственный деятель. Так и женщины отличаются от мужчин в той роли, которую они играют в размножении вида; но это отличие не влияет на вопрос о том, должны ли мужчины и женщины заниматься одним и тем же делом. Аргумент о приспособленности полов к различным занятиям обсуждается, и в итоге мы приходим к такому выводу:

"Я прихожу к выводу, мой друг, что ни одно из занятий, составляющих устройство государства, не принадлежит ни женщине как женщине, ни мужчине как мужчине; но природные дарования можно найти то тут, то там у обоих полов в равной степени; и, насколько это касается ее природы, женщина может заниматься всеми занятиями так же, как и мужчина: хотя во всех них женщина слабее мужчины".

"Именно так.

"Так должны ли мы, в таком случае, приписывать все добродетели мужчинам и ни одной - женщинам?

"Как мы можем?

"Напротив, мы будем считать, что одна женщина может иметь талант к медицине, а другая - не иметь его; что одна может быть музыкальной, а другая - нет?

'Несомненно'.

"И не скажем ли мы также, что одна женщина может иметь способности к гимнастическим упражнениям и к войне, а другая быть невоинственной и не иметь вкуса к гимнастике?

'I think we shall.'

Опять же, разве не может быть в одном любовь к знаниям, а в другом - отвращение к ним? И не может ли один быть одухотворенным, а другой бездуховным?

'Снова верно.'

Если это так, то одни женщины подходят, а другие не подходят для должности опекунов. Ибо разве не эти качества были выбраны нами в случае с мужчинами, чтобы обозначить их пригодность для этой должности?

'Да, были.'

Значит, в том, что касается опеки над государством, между природой мужчины и женщины нет никакой разницы, а есть только различные степени слабости и силы?

"По-видимому, нет".

"Тогда мы должны отобрать надлежащим образом подготовленных женщин, чтобы они разделяли жизнь и служебный труд надлежащим образом подготовленных мужчин; поскольку мы находим, что они компетентны для этой работы и имеют родственную природу с мужчинами".

Платону кажется практичным и желательным, чтобы мужчины и женщины имели одинаковое воспитание и одинаковые обязанности; не все мужчины и все женщины, поскольку государство Платона - аристократическое, и он в основном принимает законы для своего опекаемого класса, но, по крайней мере, лучшие мужчины и лучшие женщины. Поэтому он не отказывается от абсолютного сходства воспитания:

Тогда жены наших опекунов должны раздеваться для своих упражнений, поскольку они будут надевать добродетель вместо одежды, и должны нести свою часть в войне и других обязанностях, связанных с опекой государства, и не должны заниматься никакими другими занятиями: хотя из этих задач более легкие части должны быть отданы женщинам, а не мужчинам, в виду слабости их пола. Что же касается человека, который смеется над идеей раздетых женщин, проходящих через гимнастические упражнения, как над средством реализации самого совершенного, то его насмешка - это всего лишь "недозревший плод, сорванный с дерева мудрости", и он, судя по всему, не знает, над чем смеется и что делает: ведь есть и всегда будет самой прекрасной максимой, что полезное - благородно, а вредное - низко.

Таким образом, первая волна дискуссии успешно преодолена: вторая, более опасная, - это предложение о том, что жены и дети должны быть общими. Компания отказывается признать без обсуждения, что это желательно или практически осуществимо, и использует двойную линию аргументации. Если мужчины и женщины получают образование и живут вместе, человеческая природа вскоре приведет к еще более тесным союзам. Любой неправильный союз был бы преступлением против государства, а для науки первостепенное значение имеет то, чтобы лучшие граждане имели наибольшее количество детей. Поэтому браки и рождение детей должны быть предметом государственного регулирования, а любое возможное недовольство должно быть предотвращено с помощью тщательно продуманной системы притворства. Детали фиксируются:

"Как только дети родятся, их примут назначенные для этой цели чиновники, будь то мужчины или женщины, или и те и другие, ибо я предполагаю, что государственные должности также будут занимать совместно и мужчины, и женщины".

'Так и будет'.

"Что ж, эти офицеры, полагаю, будут брать детей хороших родителей и помещать их в общие ясли под присмотром определенных нянек, живущих отдельно в определенном квартале города; в то время как дети от плохих родителей и все несовершеннолетние дети, рожденные другими, будут скрыты, как и подобает, в каком-то таинственном и неизвестном месте".

"Да, если порода опекунов должна быть чистой".

"И разве не эти же офицеры должны будут руководить воспитанием детей, приводя матерей в ясли, когда их груди полны, но принимая все меры, чтобы ни одна мать не знала своего собственного ребенка, и предоставляя других женщин, у которых есть молоко, если у матерей его недостаточно; и разве они не должны позаботиться об ограничении времени, в течение которого матери должны сосать детей, поручая задачу сидеть ночью и другие неприятности, связанные с младенчеством, нянькам и сиделкам?"

"Вы делаете вынашивание ребенка очень легким делом для жен опекунов".

"Да, и так и должно быть".

Второй аргумент можно изложить кратко. В идеальном государстве не будет такого понятия, как частная собственность: у человека не будет собственного дома и собак, *следовательно* (ибо наш философ, похоже, опять вряд ли понимает, что аналогия между домом и женой не совсем точная), у него не будет собственной жены и детей. Завершается все возвращением к первоначальной теме равенства возможностей в таких выражениях:

"Значит, вы признаете принцип, согласно которому женщины должны быть поставлены на одну ступень с мужчинами, согласно нашему описанию, в образовании, в рождении детей и в присмотре за другими гражданами, и что независимо от того, остаются ли они дома или отправляются в поле, они должны разделять обязанности по опеке с мужчинами, и участвовать с ними в погоне, как собаки, и иметь с ними все общее, насколько это вообще возможно, и что, поступая так, они будут следовать наиболее желательным курсом и не нарушать естественных отношений, которые должны управлять взаимным общением полов?"

"Я согласен со всем этим", - ответил он.

"Тогда не остается ли нам, - продолжил я, - определить, может ли это сообщество существовать среди людей, как и среди других животных, и каковы условия его возможности?"

Вы опередили меня в моем предположении, которое я собирался высказать".

Что касается их военных действий, я полагаю, легко понять, как они будут вестись.

"Как?" - спросил он.

"Оба пола выйдут на поле боя вместе, и они также возьмут с собой тех своих детей, которые достаточно сильны, чтобы, как и дети всех других ремесленников, они могли быть зрителями тех занятий, которыми, когда вырастут, будут заниматься сами: и они потребуют от них, кроме того, чтобы они смотрели, чтобы они были слугами и помощниками во всех обязанностях войны, и чтобы они ждали своих отцов и матерей".

Заметим, что Платон не уклоняется от вопроса о военной службе для женщин. Если мужчина не хочет или не может защищать свою страну, он, конечно, не имеет права на права гражданина, равно как и женщина. Можно с полным основанием утверждать, что для получения права голоса необходимо не имущество и не пол, а доказательство того, что человек прошел период обучения, необходимый для того, чтобы стать защитником отечества. Качеств, необходимых солдату, три: храбрость, сила и умение. Никто из знакомых с женщинами не сомневается, что они обладают первым: в пассивном мужестве, которое в первую очередь необходимо современному солдату, возможно, женщины имеют небольшое преимущество перед мужчинами, и они обычно быстрее восстанавливаются после ранений. Сила, которая требуется в современной войне, - это, прежде всего, выносливость: способность переносить непогоду, недостаток пищи, отсутствие сна и комфорта; способность к марш-броскам. Никто из тех, кто знаком с бродягами и бродяжками наших английских дорог, не скажет, что женщины не способны переносить все эти тяготы так же хорошо, как мужчины. Женщина-бродяга ничуть не менее вынослива и крепка, чем ее спутник-мужчина. Наконец, умение обращаться с оружием и метко стрелять - это почти полностью вопрос тренировки: природные качества, твердая рука и острый глаз, которые помогают такой тренировке, отнюдь не являются преимущественно мужскими характеристиками.

Платон, со своей стороны, очень настойчив в этом вопросе и неоднократно возвращается к нему в "Законах". Государство должно содержать школы, где военное искусство во всех его

проявлениях должно преподаваться как мужчинам, так и женщинам. Гимнастика и верховая езда подходят как для женщин, так и для мужчин. Мальчики и девочки вместе должны научиться пользоваться луком, копьем и пращей, и в каждой хорошо организованной общине по крайней мере один день в месяц должен быть отведен для военных упражнений, в которых должны принимать участие мужчины, женщины и дети. Женское образование должно включать в себя определенную военную подготовку: девочки будут учиться пользоваться оружием и легко передвигаться в доспехах; взрослая женщина будет изучать эволюции и тактику. Наконец, на всех общественных праздниках и состязаниях незамужние девушки должны соревноваться с юношами в беге и в состязаниях в доспехах.

Пожалуй, именно в этом вопросе военной подготовки Платон отличается от современных настроений: большинство других его идеалов женского образования находятся в процессе реализации, даже тот, который позволял образованной женщине самой стать учителем и встать в один ряд с коллегами-мужчинами. Во внутреннем кругу Академии, первого известного нам университетского колледжа, мужчины и женщины встречались на равных, разделяли обязанности и привилегии. Имена двух таких женщин (ни одна из них, заметим, не была афинячкой) записаны для нас Дикеархом, а Ластинея из Мантинеи и Аксиотия из Флиуса, "которые даже носили мужское одеяние", протягивают руки через века миссис Брайант и мисс Буск.

Платон, несмотря на свой идеализм, зачастую очень практичен, и в вопросе брака его доктрина наиболее обоснована.

Простой закон брака заключается в следующем: Мужчина *должен* жениться до тридцати пяти лет; в противном случае он будет оштрафован и лишится всех своих привилегий. Люди бессмертны, потому что оставляют после себя детей, и лишать себя бессмертия - это нечестие. Тот, кто подчиняется закону, должен быть свободен и не платить штрафа; но ослушник должен платить ежегодный штраф, чтобы он не думал, что его безбрачие принесет ему облегчение или выгоду: кроме того, он не должен участвовать ни в каких почестях, которые государство оказывает пожилым людям.

Брак должен рассматриваться как обязанность, и "каждый мужчина должен следовать не за тем браком, который наиболее приятен ему самому, а за тем, который наиболее выгоден государству". Этого нельзя достичь с помощью определенных правил, но мы должны "постараться очаровать дух людей, чтобы они поверили", что их дети важнее их самих, и что нрав ребенка будет зависеть от счастливого сочетания его родителей.

Платон понимает, что дети - это жизненно важный интерес государства, и его забота о них распространяется на период до рождения. Муж и жена должны думать о том, как произвести на свет для государства самые лучшие и прекрасные образцы детей, на которые они способны. Если всему этому уделяется должное внимание, успех несомненен; евгеническая система должна находиться под четким контролем комитета женщин, который будет собираться каждый день и проводить третью часть дня, следя за тем, чтобы предписания по идеальным родам выполнялись должным образом. Их забота должна распространяться и на будущих матерей, поскольку период жизни ребенка до рождения является не менее решающим, и молодую жену необходимо тщательно опекать, удерживать от чрезмерных удовольствий или боли и поощрять в ней привычки к мягкости, доброжелательности и доброте.

Затем следует правильное управление младенцами, и Платон очень убежден в важности постоянного движения для маленького ребенка, который в греческом доме часто был тесно перевязан пеленками и предоставлен самому себе. Он предвосхищает Аристиппа, который,

считая удовольствие главной целью жизни, нашел лучшее определение удовольствия как "мягкого движения", и готов сделать свое идеальное состояние для младенцев по крайней мере приятным.

Первый принцип в отношении тела и души маленьких детей заключается в том, что кормление и движение днем и ночью полезны для них всех, и что чем они младше, тем больше они в этом нуждаются. Младенцы должны жить, если это возможно, так, как будто их постоянно качает на море. Упражнения и движение в первые годы жизни очень способствуют формированию в душе части добродетели: добродетель ребенка - жизнерадостность, а хороший уход делает ребенка кротким и жизнерадостным.

Этот первый период продлится до трех лет, когда ребенок начнет находить свои собственные естественные способы развлечения в компании с другими детьми: с трех до шести лет мальчики и девочки должны жить и играть вместе: после шести они должныделиться и начать получать образование.

О совместном воспитании, которое можно считать лучшим практическим решением для излечения полового беснования, Платон говорит довольно неуверенно. Его общая теория предполагает идентичность обучения и свободное общение мальчиков и девочек, юношей и девушек, в спорте и работе. Но его беспокоит убежденность в природной порочности мальчиков по сравнению с девочками:

Из всех животных мальчик самый неуправляемый, так как в нем еще не отрегулирован источник разума; он самый коварный, остроумный и непокорный из всех существ; поэтому его нужно связывать многими уздечками.

Дальнейшая трудность, заключающаяся в том, что постоянное дружеское общение между молодыми мужчинами и женщинами может привести к нежелательным результатам, подробно обсуждается в "Законах", с. 835, и там же делается весьма разумный вывод, что здоровое общественное мнение будет первым результатом этих естественных условий товарищества, и что общее настроение будет самым сильным сдерживающим фактором для неоправданной свободы. На важности примера в воспитании и морали справедливо настаивают:

Лучший способ обучения молодых - это одновременное обучение себя: не поучать их, а постоянно выполнять свои собственные поучения на практике.

Наконец, образование имеет огромное значение для страны:

Министр образования - самый важный государственный чиновник; из всех назначений его назначение самое значительное; он будет править в соответствии с законом, должен быть пятидесяти лет и иметь собственных детей, как мальчиков, так и девочек, по предпочтению, во всяком случае, тех или других.

Таковы некоторые основные положения учения Платона, но при внимательном прочтении "Республики" и "Законов" можно обнаружить множество других вопросов и множество побочных моментов, связанных с главным тезисом. Платону не мешает быть строго последовательным, и, подобно Еврипиду, он не стесняется иногда играть роль откровенного друга и указывать на то, что, по его мнению, является естественными слабостями женского пола. Иногда он прав, иногда ошибается. "Женщины, - говорит он, - слишком склонны к тайне и скрытности; они привыкли красться в темных местах и сопротивляться тому, чтобы их вытаскивали на свет".

Здесь Платон, кажется, попал в самую точку. Если и есть какое-то качество - назовите его добродетелью или пороком, как вам будет угодно, - которое присуще исключительно женщине, а не мужчине, так это скрытность. Являясь результатом многих веков самоподавления, она придает женскому уму некий отягчающий шарм и обычно не приносит особого вреда. Но это, пожалуй, главная причина сравнительной неудачи женщин в литературе. Искренность в писательстве - вот спасительная благодать, и если книга не откровенна, ее не стоит писать. Немногие женщины-авторы похожи на Сафо, Джейн Остин или мадам Колетт в современной французской литературе, которые, хотя и не похожи друг на друга по обстоятельствам своей жизни, все же делают серьезную попытку правды. Большинство женщин терпят неудачу в откровенности по отношению к себе и своим читателям. Джордж Элиот, Уида, Жорж Санд (возьмем еще одно типичное и сильно отличающееся друг от друга трио) скрывают свои факты так же, как и имена. Как страусы, они прячут свои лица под облаком слов.

XII.- Аттические ораторы

Перейти от идеального государства Платона к реальному состоянию жизни женщины в Афинах четвертого века, как оно предстает перед нами на страницах ораторов, - все равно что попасть с ветреного склона холма в темную, закрытую комнату. Мы видим, как работает система гарема, со всей ее атмосферой тайны и подозрительности. За женщинами тщательно следят, поскольку предполагается, что они будут неверны своим мужьям, если смогут: они живут уединенно в женском квартале дома - гинеконисе - и для любого постороннего мужчины войти в их комнаты считается серьезным нарушением. У Демосфена, например, мы видим, что Андротиону вменяется в вину, как доказательство невыносимой наглости, то, что в качестве сборщика налогов он пробрался в женские апартаменты и заставил хозяина дома спрятаться под кроватью, выставив его таким образом на позор перед своей женской половиной. То, что жена должна публично появляться вместе с мужем на званом обеде и принимать участие в мужских удовольствиях, также является преступлением против морали. Известно, что Неэра сидела за ужином вместе с мужем и его друзьями, и этот факт, подтвержденный свидетелями, воспринимается как очевидное доказательство того, что она была женщиной с дурным характером. Сестра Никодима, утверждает Исей, не могла быть в законном браке, поскольку ее часто видели на развлечениях с человеком, которого она называла своим мужем, а "замужние жены не ходят на ужин со своими мужьями и не ожидают участия в празднествах".

Доктрина, согласно которой жена является собственностью мужа, применяется в полной мере, и любое преступление против этой собственности наказывается по всей строгости закона. Мужу, обнаружившему в своем гареме другого мужчину, разрешается предать его смерти. В Афинах не существует притворства о "святости брака": преступление и наказание одинаковы независимо от того, с кем интригует хозяин - с женой или с наложницей: каждая из них в равной степени является собственностью хозяина и должна быть защищена любой ценой. Заниматься любовью с женщиной, принадлежащей другому мужчине, - более ужасное преступление, чем предлагать ей насилие; ведь преступление рассматривается исключительно со стороны владельца, и женщина, добровольно отдавшаяся другому, оскорбляет *любовь* своего законного хозяина еще сильнее, чем если бы ее взяли силой.

Любовника предают смерти, а насильник платит штраф: точка зрения во многом совпадает с той, что существовала в английском праве, где женоизбиватель считался менее оскорбительным персонажем, чем браконьер.

Но если муж неверной жены пользовался поддержкой закона, какими бы жестокими ни были его методы мести, то в случае, когда обиженной стороной была женщина, дело обстояло совсем иначе. В "Жизни Алкивиада" Плутарха есть анекдот, который раскрывает отношение афинских законодателей.

Гиппарета была благоразумной и ласковой женой, но в конце концов, когда ей стало очень неприятно, что ее муж общается с таким количеством куртизанок, как чужеземцев, так и афинян, она покинула его дом и ушла к своему брату. Алкивиад продолжал свои распутства и не беспокоился о жене; но для того, чтобы добиться законного развода, ей необходимо было подать архонту заявление о разводе и явиться с ним лично, так как послать его через другого человека было невозможно. Когда она пришла, чтобы сделать это по закону, Алкивиад бросился к ней, схватил ее на руки и понес через рыночную площадь в свой дом, никто не осмелился возразить ему или отнять ее у него. С тех пор она оставалась с ним до самой смерти, которая наступила вскоре после этого, когда Алкивиад отправился в путешествие в Эфес. Насилие, примененное в этом случае, не противоречит законам ни общества в целом, ни этой республики в частности. Ведь афинский закон, требуя от желающей развестись публичного личного присутствия, вероятно, имел в виду дать мужу возможность встретиться с ней и вернуть ее" - Плутарх, "Алкивиад", перевод Лэнгхорна.

Жена, стремящаяся сбежать от недостойного мужа, рассматривается в том же свете, что и раб, стремящийся сбежать от своего хозяина, и все ресурсы закона предоставляются в распоряжение мужа и хозяина. Женщины и рабыни постоянно рассматривались вместе, а институт рабства, безусловно, был одним из самых мощных факторов, способствовавших деградации женщин в Афинах. В глазах закона рабыня была вещью, а не человеком, и она была свободна от всех моральных ограничений. Она была собственностью своего хозяина, и ее единственным долгом было повиноваться ему во всем: добродетель, целомудрие, скромность были для нее недостижимыми вещами; и над всем этим делом стояла защита и поощрение закона. Появился класс женщин, обреченных на физическую и моральную деградацию, класс, само существование которого было оскорблением женского рода; так что Аристофану, по крайней мере, хватило ума понять, что установление женского правления одним из первых результатов должно было стать насильственное упразднение всех таких признанных и узаконенных форм порока.

Женщины и рабы были связаны друг с другом; и следует помнить, как говорит профессор Мюррей, что люди не становятся рабами по закону; они становятся рабами, когда вступают в контакт с начальством, имеющим власть и желание использовать их как инструмент. Существует три основных теста рабства, древнего или современного, и в древней жизни они часто одинаково хорошо применимы к женщинам. Во-первых, рабы - это деградирующий и аморальный класс. На этом постоянно настаивали, и, несомненно, одним из результатов этого было порождение в определенной степени пороков, ложно вменяемых природой.

Во-вторых, их труд презирился, как недостойный свободных людей. Более тяжелая работа оставалась в руках рабов или женщин, которые не получали никакой платы, а избыточный досуг граждан мужского пола был посвящен политической жизни.

В-третьих, состояние зависимости, установившееся в полной мере, вскоре порождает чувство отчаяния. Готовность умереть, которая так заметна в героинях Еврипида, - один из верных признаков рабства. Рабы лишены духа; некоторые, правда, настолько лишены, что счастливы в рабстве: импульс к восстанию должен исходить извне, особенно если подневольное состояние существует уже много веков.

Рабство можно определить как экономическую эксплуатацию более слабых; и хотя его не существует в наше время и на нашей земле, оно представляет собой настолько удобную основу для цивилизации, что даже сейчас используются различные приспособления, чтобы занять его место. Например, существует теория, согласно которой некоторые виды труда *выше* других, а значит, должны оплачиваться по более высокой шкале. Или, опять же, что одна и та же работа, выполняемая разными людьми, требует разного вознаграждения.

Многие оценки неполноценности женщин имеют в конечном итоге экономическую основу. Более прибыльные профессии и занятия - это те, для которых, как считается, женщины темпераментно непригодны.

Примечательно, что все эти общие представления о слабости женщин всегда были тесно связаны с их правовым статусом. В Афинах, где женщины не могли владеть собственностью, а наследница доставалась ближайшему родственнику-мужчине как необходимое обременение имущества, оценка женского характера была очень низкой. В Александрии и в Риме, где женщины различными способами обходили закон и обретали некоторую степень экономической независимости, их моральное положение также менялось к лучшему. В Англии феминизм начинается с Закона о собственности замужних женщин.

Но пока рабство, социальное или экономическое, не признано законом, оно не может быть тем проклятием, которым оно было для древней жизни. В Афинах это был правовой институт, обязанный своим существованием во многом тому же образу мышления, который сделал жену также и имуществом мужа. Дело юристов - защищать закон, и, если закон плох, их нравственное чувство неизбежно деформируется в процессе; поэтому неудивительно, что частные речи аттических ораторов, хотя и выставляют в ярком свете природную тонкость афинян, отнюдь не производят столь же сильного впечатления нравственной чистоты. В этом отношении все ораторы одинаковы. Демосфен в государственных делах был высокодуховным патриотом; как юрист он, как и остальные его коллеги, профессиональный лжец, не гнушающийся фальсифицировать и искажать правду. Лисий настолько забывает о человеке в адвокате, что, кажется, приберегает свои высшие силы для худших случаев и явно радуется такому клиенту, как бесстыдный старый калека, для которого он пишет свою самую гениальную речь. Иссей не заботится о правдивости, и на горьком опыте выяснилось, что его ничем не подкрепленные заявления, даже по простым вопросам фактов, мягко говоря, крайне ненадежны. Что касается Гиперида, то ему безразличен стыд, лишь бы выиграть дело; а его жест, когда он предлагает своему честному клиенту продемонстрировать свои прелести, напоминает расчетливую дерзость работорговца, предлагающего своих девушек тому, кто больше заплатит.

Но если ораторы производят на нас впечатление хитроумных тонкостей, далеко выходящих за рамки, которые мы даже сейчас позволяем юристам, то их клиенты находятся в не лучшем положении. К середине четвертого века Афины находились в полном упадке. Ее мужчины утратили всю ту бодрость и мужество, благодаря которым их страна благополучно пережила опасности Персидских войн: ее женщины, пожалуй, были еще хуже мужчин - *corruptio optimi pessima* - и погрузились в состояние полной деградации.

Импотентные старики и расчетливые молодые женщины - главные фигуры в большинстве речей Иссея; и, как говорит его редактор, уверенность в правдивости или добродетели своих клиентов говорит о поистине аркадской простоте. Вот, например, случай с Эвктемоном - стариком, который развелся с женой и оставил детей, чтобы жить со своей рабыней Алке. Эта несчастная, чья молодость прошла в унижении ради выгоды ее хозяина, мстит ему, когда старик становится дряхлым. Она уговаривает его удалить ее из позорного притона, который был одним из источников его богатства, жить с ней в питейном заведении, которым она заведует, и, наконец, признать одного из ее бастардов своим сыном. Семья, которой угрожает второй брак, неохотно соглашается помочь в усыновлении, которое противоречит первым принципам аттического права; и только после смерти старика, когда его имущество становится предметом спора, выясняются его "несчастья" с женщиной (так эвфемистически описывает их адвокат). Факты дела совершенно гнусны, но каждая деталь окутана Исеем облаком софистических аргументов, которые свидетельствуют как о полном отсутствии морального чувства у защитника, так и о столь большом умении обманывать, что современные авторы сделали вывод - не нужно говорить, с каким трудом - что полигамия в Афинах не была незаконной, что наложничество признавалось законом и что бастарды имели права законных детей. Все три утверждения не соответствуют действительности, но их можно справедливо вывести из постоянно меняющихся аргументов, которые использует адвокат. В другом деле старик на пороге смерти женится на молодой девушке, и обычные обвинения в мотивах невесты составляют один из самых сильных аргументов адвоката. В третьем деле, о поместье Пирра, женщина, о которой идет дурная слава, отдается братом одному из своих прежних любовников, и тот утверждает, что она является его законной женой.

Но перечислять подробности дел Иссея было бы просто утомительно. Во всех них мы видим ту моральную деградацию и отсутствие социальной справедливости, которые были естественным результатом неполноценности женщин в глазах аттического закона. Женщины, как и дети, не могут заключить законный договор, даже если речь идет о покупке бушеля кукурузы; сын брата имеет больше прав на завещанное имущество, чем сын дочери, ибо закон гласит: "Мужчины должны преобладать"; дочь не может наследовать сама по себе; она лишь посредник, через которого имущество передается через брак мужчине той же крови, что и ее отец. Недееспособность женщины у Иссея до боли очевидна: что касается ее законных прав, то из его речей трудно понять, насколько они реально существуют. Оратор, по крайней мере, когда его клиенты-мужчины, как кажется, имеют закон против них, не колеблясь, взывает к естественным симпатиям мужчин-юристов; и в десятой оратории мы видим, как позорно наследница, несмотря на формальную защиту закона, может быть обещана своим опекуном и братом.

Принято считать, что это мужское превосходство перед законом имело религиозное обоснование - необходимость соблюдения семейного культа, который мог совершать только мужчина. Если бы речь шла о первобытном обществе, этот аргумент имел бы определенную силу, но афиняне четвертого века находились скорее в конце, чем в начале своей национальной жизни: религия была мертва, основы морали подорваны; неизменным оставался только закон, согласно которому женщины были низшим полом. Насколько женщины способствовали своей деградации, можно проследить по всем речам ораторов, но два случая особенно показательны: Речь Антифона "Против мачехи" и "Защита за убийство Эратосфена" Лисия.

Первая речь ужасна в своем гнусном реализме; как говорит Антифон, это повторение истории Клитемнестры, но теперь лишенное всей трагической романтики. Главные героини -

две женщины: одна - свободнорожденная афинянка, жена убитого, другая - рабыня, любовница друга убитого, некоего Филонея. Факты таковы: Филонеос устал от преданности своей хозяйки и решил избавиться от нее, продав ее в , где она будет жить в полной деградации. Он рассказывает о своем намерении другу, и двое мужчин решают устроить последнюю пирушку, чтобы девушка дождалась их, прежде чем отправиться на верную гибель. Но тут в дело вмешивается жена мужчины, которая обнаружила, что ее муж так же неверен ей, как Филонеос своему любовнику. Она знакомится с рабыней, которая все еще страстно предана своему никчемному хозяину, и уговаривает ее вернуть его расположение с помощью любовного снадобья, которое она предоставит. Девушка соглашается, и когда двое мужчин встречаются за ужином, она наливает зелье (которое, как ей неизвестно, является смертельным ядом) в их кубки, отдавая большую долю своему лжеповелителю. Филонеос сразу же падает замертво; другой мужчина теряет сознание и умирает через несколько дней после этого. Девушку-рабыню схватили и разбили о колесо; жена в этой речи обвиняется пасынком в своей причастности к преступлению.

Мольбы Антифона бросают яркий свет на отношения между мужчинами и женщинами в рабовладельческом государстве; речь Лисия в защиту убийства Эратосфена - еще более ценный документ. Клиента оратора обвиняют в убийстве, и в свою защиту он ссылается на то, что его жертва была взята в прелюбодеянии, а потому законно предана смерти. Закон, в Афинах писанный, а не неписанный, определенно на стороне обвиняемого, но любопытно, что это единственная сохранившаяся речь, в которой он приводится в качестве оправдания. Похоже, что даже афиняне не решались использовать свирепую власть, которую давал им закон; и мы можем представить, если захотим, что это было пробное дело, возбужденное, возможно, кем-то из круга Сократа, чтобы проверить действенность закона перед лицом новых феминистских доктрин. Как бы то ни было, иониец Лисий, чье медовое перо было на службе у самого выгодного покупателя, был человеком, совершенно неприятным для Платона и его друзей, и вполне вероятно, что в этой речи он получил удовольствие как от защиты установленного порядка общественной морали, так и от нанесения меткого удара по своим личным врагам. Речь, являющаяся образцом искусства, начинается с комплиментов в адрес присяжных, а затем Лисий, очень изобретательно, заставляет своего клиента рассказать простую историю своей жизни.

Когда я решил жениться, господа, и привел жену в свой дом, я установил для себя следующее правило поведения. Я не досаждал ей излишней бдительностью, но, с другой стороны, не оставлял ее слишком уж самостоятельной хозяйкой, чтобы она могла делать все, что ей заблагорассудится. Я следил за ней так тщательно, как это было возможно, и проявлял всю разумную осторожность.

(Это было сделано для того, чтобы примирить присяжных и показать, что причиненный ущерб не был вызван отсутствием предосторожности со стороны владельца).

Через некоторое время родился ребенок, и тогда я начал чувствовать уверенность и передал ей в управление все свои вещи, думая, что это самые надежные узы союза между нами. Поначалу, господа, она была лучшей из женщин, умной хозяйкой и бережливой, точной во всех своих делах. Потом моя мать умерла, и ее смерть стала причиной всех моих бед. Моя жена была на ее похоронах; этот парень увидел ее, когда она шла в похоронной процессии, и через некоторое время сумел развратить ее".

(Присяжные должны сделать вывод, что женщины никогда не должны выходить из дома: одно появление на публике может означать гибель).

Он подсмотрел за служанкой моей жены, которая ходит на торги, сделал ей предложение и вскоре осуществил свою цель соблазнения. Должен вам сказать, господа, что мой скромный дом построен в два этажа, причем верхняя часть схожа по стилю с первым этажом, в одном находятся женские апартаменты, в другом - мужские комнаты. Когда родился наш ребенок, мать начала кормить его сама, и, чтобы избежать риска, что она будет спускаться по лестнице во время купания, я расположился в верхних комнатах, а женщины спустились на первый этаж. Более того, вскоре мы приучили жену оставлять меня спать с ребенком внизу, чтобы она могла дать ему грудь и предотвратить его плач.

(Разумеется, необходимо, чтобы ночной отдых хозяина не нарушался, и присяжные согласятся, что это была законная причина отсутствия жены на своем месте).

Так продолжалось долгое время, а я так ничего и не заподозрил. Я был таким отъявленным простаком, что считал *свою* жену самой добродетельной женщиной в Афинах. Что ж, господа, время шло, и однажды я неожиданно вернулся домой из деревни. После ужина ребенок начал плакать и делать себе неприятные вещи: служанка причиняла ему боль, чтобы, как я потом узнал, вызвать переполох, потому что в доме находился приятель. Я велел жене пойти и дать ему грудь, чтобы он перестал плакать, но она сначала не шла: она притворялась, что очень рада видеть меня после долгого отсутствия. Наконец, когда я начал сердиться и просить ее уйти, она сказала: "Ах, да, - говорит она, - ты хочешь остаться здесь и заняться любовью с горничной; я поймала тебя на том, что ты на днях, когда был пьян, таскал ее за собой". На это я улыбнулся, а она встала и ушла, притворив в шутку дверь и забрав ключ. Я ничего не подумал об этом и не заподозрил: более того, я вскоре заснул, так как только что приехал из деревни и был рад отдохнуть. Уже рассвело, когда она вернулась и открыла дверь. Я спросил ее, почему ночью стучали в дверь, и она притворилась, что перегорела детская лампа, и она пошла в соседнюю комнату за светом. Я ничего не сказал и поверил ее рассказу. Однако я заметил, что ее лицо было покрыто пудрой - хотя ее брат не умер и месяца назад, - но все же ничего не сказал о ее поведении. Я вышел и молча покинул дом.

(Белые щеки очень ценились в Афинах, и когда дама хотела быть особенно привлекательной, она добивалась их искусственным путем. В данном случае муж испытывает двойственное чувство: удовлетворение от явного желания жены угодить ему и отвращение от ее явного неуважения к родственнику мужского пола).

После этих событий прошло некоторое время, джентльмены, и я не подозревал о своем несчастье, когда однажды ко мне подошла старая особа. Как я потом узнал, ее прислала другая женщина, которую этот парень соблазнил, а потом бросил, и которая в гневе и негодовании шпионила за ним, пока не узнала причину его ухода. Так вот, старуха подошла ко мне возле моего дома, где она наблюдала, и "Евфилет, - сказала она, - не думай, что я пришла с намерением вмешаться: человек, который обижает тебя и твою жену, как оказалось, мой враг. Если вы возьмете служанку, которая ходит на рынок и выполняет ваши поручения, и подвергнете ее пыткам, вы все узнаете. Этот человек - Эратосфен из Оэи: он виновен в этом; он соблазнил твою жену и многих других женщин: это его ремесло".

Приходит предупреждение, и дальше события развиваются стремительно. Муж берет служанку и обещаниями и угрозами заставляет ее не только признаться, но и предать свою госпожу. Когда очередной любовник приходит в дом - обвинение утверждает, что он был соvrащен мужем, и, хотя это отрицается, рассматривается как вполне законный заговор, - служанка сообщает об этом хозяину; спешно вызываются свидетели; дверь, оставленная девушкой незапертой, отворяется, и виновная пара обнаруживается вместе. Эратосфена

сбивают с ног, сковывают ему руки, а затем хладнокровно, во имя закона, убивают. Эта сцена напоминает последний акт "Шехерезады", только без варварского великолепия. О женщине ничего не говорится, и в заключение оратор напоминает своим судьям, что его дело - их дело, и что единственный способ предотвратить незаконную любовь - отомстить любовнику.

Точка зрения на брачные отношения, как можно заметить, сильно отличается от той, которую высказывали Платон или Аристотель. Платон рассматривает брак как временную связь, продиктованную взаимным интересом и расторгаемую по желанию. Аристотель говорит (Политика, 7, 16):

Что касается прелюбодеяния, то пусть считается позорным для мужчины или женщины быть неверными, когда они муж и жена. Если же во время вынашивания детей произойдет что-либо подобное, пусть виновный будет наказан лишением привилегий пропорционально проступку".

Философы считают, что супружеская верность важна, прежде всего, в отношении детей и государства, и налагают одинаковое клеймо на любую из сторон, нарушивших договор. Лисий, как юрист, подбирающий свои аргументы для мужской аудитории, занимает гораздо более низкую позицию. Муж улыбается собственной неверности, но требует права на убийство, когда жена мстит ему.

Эратосфен - это, пожалуй, самая яркая картина домашней жизни в Афинах, но общее впечатление, производимое всеми ораторами, во многом схоже. Женщины либо безнадежно покорны, либо бессовестно распутны. Редкие исключения, как, например, в речи Лисия "Против Диогитона", где вдова умело и энергично защищает интересы своих детей, показывают, что виной тому скорее система брака, чем женская природа. Большинство женщин, однако, не способны на энергию: тюремная жизнь лишила их силы и воли к действию. Например, в речи Лисия "Против Симона" оратор, холостяк, живущий в отвратительных отношениях, содержит в своем доме сестру и племянниц и говорит: "Жизнь этих дам была настолько благопристойной и упорядоченной, что они стыдятся даже мужчин из своего собственного дома, чтобы взглянуть на них". В речи Демосфена "Против Конона" его несчастный клиент, опять же холостяк, заставляет свою мать содержать дом для него. Когда после встречи с "Клубом бойцовых петухов" его несут домой, крадут плащ, рассекают губу и закрывают оба глаза, хозяйки заведения, его мать и прислуга, начинают плакать и причитать над его печальным состоянием, но больше ничего не предпринимают. Знакомые мужчины несут его в общественную баню, там вызывают врача и, наконец, отвозят в дом друга. Даже в качестве ангелов-служителей афинские женщины, похоже, были неэффективны. Только в случае заключения в тюрьму или смерти родственников-мужчин они проявляли активность, а траурные и погребальные причитания по обычаю почти полностью переходили в их руки.

Большинство афинских женщин, как мы видим их в трудах ораторов, - пассивные животные; некоторые, и далеко не самые успешные, открыто распутничают. Такова мать Эсхина, как ее описывает Демосфен в речи "О короне"; такова же отвратительная пара, мать и дочь, которые являются главными персонажами речи "Против Неэры", приписываемой Демосфену. Здесь мать Неэры, женщина с отвратительным характером, удается выйти замуж за афинского гражданина, а ее дочь Фано, такая же порочная особа, как и она сама, по одному из тех странных поворотов судьбы, которые возможны только при настоящей демократии, становится женой царя-архонта, главы государственной религии, как бы сказать, женой архиепископа Кентерберийского. Такова, наконец, и прекрасная Антигона из

речи Гиперида "Против Афиногена", дама, совмещавшая профессии маклера и куртизанки и одинаково преуспевшая в обеих.

О женщинах, которые были одновременно добродетельными и способными, ораторы рассказывают крайне мало, и, вероятно, причина в том, что такие женщины в Афинах почти перестали существовать. Демосфен и его современники представляют последнюю стадию, когда их страна уже стояла на грани политического исчезновения, а у афинских мужчин не было идеалов и примеров женской добродетели, которые могли бы вдохновить их в тщетной борьбе с великой военной мощью Севера. Отсутствие хороших женщин было фатальным бедствием, но это было бедствие, которое афиняне сами на себя навлекли, и оно вело их прямо к гибели.

XIII.- Аристотель

Как политическая жизнь Афин заканчивается Демосфеном, так и творческая сила греческого гения прекращается с Аристотелем. После него осталось несколько блестящих и много очаровательных писателей, но вся оригинальность их мысли зависит от их великих предшественников. Аристотель - последний из творцов: *"все остальное - литература"*.

Отсюда его уникальное значение в истории человеческой мысли: он не только является, возможно, величайшим умом, который произвела на свет Греция, но и имеет то преимущество, что он пришел последним в длинной череде мыслителей, от которых и сейчас зависит почти вся наша интеллектуальная жизнь. В каждом отделе цивилизованного существования влияние Аристотеля все еще должно учитываться, а его суждение о положении женщины в обществе - мнение, которого он искренне придерживался и в целом наиболее умеренно выражал, - оказало на мир гораздо большее влияние, чем идеалистические теории Платона. Его заявление о моральных недостатках женщин лучше всего найти в "Этике"; об их социальных недостатках - в трактате "О поколениях". Следующие цитаты взяты из английских переводов этих работ, выполненных Уэлдоном, Джоуэттом и Платтом.

Начнем с моральной ситуации в "Этике". Аристотель несколько раз повторяет утверждение, достаточно распространенное в античной литературе, хотя сейчас оно кажется открытым для серьезных возражений, что женщины менее умеренны и континентальны в своих желаниях, чем мужчины. Он не порицает их, а скорее относится к ним с жалостью, "ибо женщина от природы слабее мужчины в таких вопросах: мужская любовь страстна и открыта; женщины чувствуют желание и хитры".^[1] Строка из "Обольщения Зевса" цитируется в подтверждение этой точки зрения авторитетом Гомера, а сам философ соглашается с распространенным в Греции мнением, что желание женщины держать мужа при себе свидетельствует о ее неразумности и распущенности. Так, обсуждая некоторые нездоровые привычки, например, практику грызть ногти или есть гарь, Аристотель делает многозначительное замечание: "Теперь, когда причиной этих привычек является природа, никто не назовет людей, которые им поддаются, недержащими, так же как мы не назовем женщин недержащими, поскольку они не мужчины, а женщины".^[2] Возможно, именно эта вера в природную неспособность женщин к добродетели является причиной уничижительных замечаний о главном достоинстве афинской женщины - "стыдливой скромности".

Было бы неправильно говорить о чувстве стыда как о добродетели, поскольку оно больше похоже на эмоцию, чем на моральное состояние: по крайней мере, его можно определить как своего рода страх бесчестия, и по своим последствиям оно аналогично страху перед опасностями, поскольку люди краснеют, когда им стыдно, и бледнеют, когда боятся смерти. Таким образом, очевидно, что обе привязанности в некотором смысле телесны, и это, по-видимому, является признаком эмоции, а не морального состояния.[3]

На другие, более мелкие недостатки женского характера, как его представлял Аристотель, намекает замечание: "Только очень рабские люди едят и пьют до пресыщения"; и в известном описании "великодушного мужчины", идеала Аристотеля, который, в отличие от пронзительно голосистой женщины,

будет иметь глубокий голос, спокойную манеру говорить и медленные движения: он не будет торопиться и не будет многословен, потому что его мало что волнует, и он не считает ничего очень важным, а ведь именно эти причины заставляют людей говорить пронзительным тоном и использовать быстрые движения".[4]

Таковы некоторые из недостатков женщин: нам придется обратиться к "Риторике", чтобы получить представление Аристотеля об их достоинствах. Отрывок значительный:

θηλειῶν δὲ ἀρετὴ σώματος μὲν κάλλος καὶ μέγεθος, ψυχῆς δὲ σωφροσύνη καὶ φιλεργία ἄνευ ἀνελευθερίας.[5]

Женские достоинства: (а) физические - большое и красивое тело; (б) умственные - добродетельная умеренность и любовь к труду, но не подлая любовь.

Сначала, как мы увидим, идет физическая привлекательность. Превосходная женщина должна быть красивой, и под "красивой" мы подразумеваем высокую и крепкую фигуру, ибо неземное изящество не соответствует вкусу хозяина гарема. Во-вторых, она должна быть умеренной в своих желаниях: слово "Sophrosyne", "добродетельная умеренность", является главной добродетелью женщины: это способность "обходиться без" - любви, еды, удовольствий, внимания и т. д. - и греки, в отличие от римлян, действительно восхищались этим пассивным достоинством даже в мужчинах. В-третьих, на первом месте стоит промышленность, с тем ограничением, что женщина не должна быть рабыней труда: у нее есть другие, еще более важные обязанности - например, удовольствие хозяина, - и нельзя допускать, чтобы работа чрезмерно мешала ей. В своем представлении о женской добродетели Аристотель несколько отошел от негативного идеала Перикла, но не очень далеко.

Однако самые поучительные отрывки в "Этике" находятся в Восьмой книге, где рассматривается дружба.

Есть еще один вид дружбы или любви, зависящий от превосходства, - это дружба или любовь отца к сыну, мужа к жене, правителя к подданному. Эти виды дружбы различны: любовь мужа к жене - не то же самое, что любовь жены к мужу. В каждой из них есть своя добродетель, своя функция и свои мотивы. Отсюда следует, что услуги, оказываемые каждой стороной друг другу, не одинаковы, и неправомерно ожидать, что они должны быть одинаковыми. Во

всех таких дружеских отношениях, которые зависят от принципа превосходства, привязанность должна быть пропорциональна превосходству; то есть лучший или более полезный участник, или тот, кто может быть выше, должен получать больше привязанности, чем он отдает.

Для нас это может показаться юмористическим, но Аристотель вполне серьезен: это часть его великой доктрины "пропорционального равенства"; и единственное сомнение, которое он испытывает, - это вопрос о том, какое прилагательное больше подходит к человеку: "лучший", "более полезный" или просто "превосходный".[6] Дружба приводит к обсуждению домашних ассоциаций, и если *правление* рабовладельца кажется *правильной* формой деспотизма, то союз мужа и жены оценивается как "аристократический", поскольку правление мужа зависит от заслуг и ограничено своей сферой. Он присваивает жене все, что ей по праву принадлежит. Если же муж становится властелином *всего*, это превращает союз в "олигархию", ибо тогда он действует несправедливо, а не в силу своих заслуг". Иногда жена правит как наследница, но такое правление не основано на заслугах".[7]

Последним идет вопрос о детях; и здесь, по крайней мере, нам не нужно делать никаких замечаний:

Совершенно очевидно, почему матери любят своих детей больше, чем отцы. Деторождение - универсальная функция животных. В случае с другими животными это предел их объединения; но мужчины и женщины объединяются не только для рождения детей, но и для целей жизни. Как только они объединяются, происходит распределение функций. Одни из них принадлежат мужу, другие - жене; таким образом, они удовлетворяют потребности друг друга, каждый вносит свой вклад в общее дело. В брачных отношениях можно найти и пользу, и удовольствие, но их основой также будет добродетель. Дети - это узы союза, и такие бездетные браки расторгаются сравнительно легко.[8]

Полития" начинается с обсуждения рабства, и по ассоциации идей, естественных для греческого общества, поскольку Аристотель никогда не пытался подняться над условиями жизни, в которой он жил, рабы и женщины рассматриваются вместе:

Тот, кто может предвидеть умом, по природе своей предназначен быть господином и хозяином; а тот, кто может работать телом, - подданный и по природе своей раб: следовательно, у господина и раба одинаковые интересы. Природа, однако, провела различие между женщиной и рабом. Ибо она не скупится; она создает каждую вещь для одного использования, и каждый инструмент лучше делать, когда он предназначен для одного, а не для многих целей. Но среди варваров нет различия между женщинами и рабами.

Здесь следует заметить, что важнейшим качеством хозяина является не физическая сила, а умственные способности; именно ум, а не тело делает "естественного" раба, "живое орудие", по определению Аристотеля. Мужчина и женщина, хозяин и раб, - вот основы семьи. Как говорит Гесиод: "Сначала дом, потом женщина, а потом вол для плуга"; и Аристотелю не составляет труда найти правильное расположение. Он ставит вопрос:

Есть ли кто-нибудь, кому природой предназначено быть рабом, чтобы для него состояние рабства было целесообразным и правильным; или, скорее, не является ли всякое рабство нарушением природы?

И сразу же дает ответ:

На этот вопрос нетрудно ответить как на основании разума, так и на основании фактов. Ибо то, что одни должны править, а другие - властвовать, не только необходимо, но и целесообразно; с самого рождения одни предназначены для подчинения, другие - для властвования.

Этот закон, по его мнению, действует во всей природе:

Прирученные животные имеют лучшую природу, чем дикие, и всем прирученным животным лучше, когда ими управляют люди, ибо тогда они сохраняются. Мужчина по природе своей выше, а женщина ниже; и один правит, а другая управляется; этот принцип необходимости распространяется на все человечество. Природа хотела бы провести различие между телами свободных и рабов, но это не так.

Так продолжается череда утверждений, и дискуссия завершается:

Итак, ясно, что одни люди по природе свободны, а другие - рабы, и что для этих последних рабство целесообразно и правильно.

Оправдав таким образом рабство к своему удовлетворению, Аристотель переходит к управлению домашним хозяйством, которое он подразделяет на три части: правление господина над рабами, отца и мужа:

Муж и отец властвует над женой и детьми, которые оба свободны, но правило это различно: над детьми - царское, над женой - конституционное. Ибо, хотя в порядке природы могут быть исключения, мужчина по природе своей более пригоден для управления, чем женщина, так же как старший и взрослый превосходит младшего и незрелого".

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Аристотель приводит поговорку об Амасисе и его сковородке для ног - хорошая история, хотя она не совсем укрепляет позицию философа. Амасис был простолюдином, ставшим царем Египта; чтобы доказать своим подданным сущностное равенство всех материй, он приказал расплавить свою металлическую ванну и отлить из нее статую, перед которой все люди смиренно повиноваться, хотя к подножке они относились с презрением. Тогда Амасис изрек мораль: субстанция и ванны, и статуи одна и та же, разница лишь во внешней форме. Подобным образом, - говорит Аристотель, - устроены отношения между мужчиной и женщиной; но там *неравенство постоянно*".

Дело управления домом - обеспечить совершенство, и мы сразу же сталкиваемся с трудностью: может ли раб обладать добродетелью? Если он обладает добродетелью, то чем он отличается от свободного человека? Аналогичный вопрос можно поставить и в отношении женщин и детей: следует ли называть женщину умеренной, храброй и справедливой? Аристотель решает эту проблему следующим образом:

Женщины и рабы обладают своего рода добродетелью, добродетелью иррациональной части души. У раба вообще нет способности к рассуждению; у женщины она есть, но безрезультатно. Правитель должен обладать нравственной добродетелью в совершенстве; подданному требуется лишь та мера добродетели, которая ему свойственна. Добродетель будет общей для мужчины и женщины, но это будет не одна и та же добродетель: *например*, мужество мужчины проявляется в командовании, а женщины - в повиновении.

Это жесткие высказывания, и они приводят Аристотеля в прямой конфликт с Платоном, который в "Мено" обсуждает вопрос о том, одинакова или различна добродетель мужчины и

женщины, и приходит к выводу, что она одинакова. Но Аристотель никогда не стесняется критиковать своего бывшего учителя, и любопытно, насколько его низкая оценка женщин не является результатом неосознанной реакции ученика против энтузиазма мастера. Большая часть "Политики" - это, по сути, критика "Республики", и за дискуссией о рабстве, занимающей большую часть первой книги, следует внимательное рассмотрение платоновского коммунистического государства. Выдвигаемые возражения носят сугубо практический характер, *например*:

Если женщины будут общими, а частная собственность сохранится, то мужчины будут заботиться о полях; но кто будет заботиться о доме?

И снова:

В коммунистическом государстве уничтожаются две добродетели: во-первых, воздержанность по отношению к женщинам (ведь воздерживаться от чужой жены ради воздержанности - благородное дело); во-вторых, либеральность в вопросах собственности. Законодательство такого государства может иметь видимость благодеяния, но те пороки, которые существуют в сфере собственности, вызваны причиной, которую законы не могут искоренить: порочностью человеческой природы. Действительно, мы видим, что среди тех, у кого все общее, хотя их и не так много, гораздо больше ссор, чем среди подавляющего большинства людей, придерживающихся частной собственности.

Однако критика, хотя и острая в деталях, не затрагивает сути феминизма, а в "Политике" Аристотель часто неосознанно проявляет себя как бывший ученик Платона. Его замечания о воспитании в значительной степени основаны, хотя он и не признает этого, на учении своего учителя и едва ли гармонируют с его собственными взглядами на женщин. Заключительные предложения первой книги, например, имеют явно платоновский оттенок:

Отношения мужа и жены, родителей и детей, их различные добродетели, что в их общении друг с другом является добром, а что злом, и как мы можем стремиться к добру и избегать зла, должны быть обсуждены, когда мы говорим о различных формах правления. Ибо поскольку каждая семья является частью государства, а эти отношения - частями семьи, то добродетель части должна быть связана с добродетелью целого. И поэтому женщины и дети должны быть воспитаны с учетом интересов государства, если предполагается, что добродетели каждого из них могут внести какую-либо разницу в добродетели государства. А они должны иметь значение; ведь дети вырастают гражданами, а половина свободных людей в государстве - женщины".

Так, рассуждая о спартанской конституции, он говорит

Муж и жена являются частью каждой семьи, государство можно считать примерно поровну разделенным на мужчин и женщин: и, следовательно, в тех государствах, где положение женщин плохое, половина города может считаться не имеющей законов^[9] -...

Эта мысль, заимствованная, с небольшими различиями в применении, непосредственно у самого Платона, и платоновское влияние отчетливо прослеживается во всех главах, посвященных браку и воспитанию:

Поскольку законодатель должен начинать с рассмотрения вопроса о том, как сделать так, чтобы дети, которых он воспитывает, были как можно лучше, его первой заботой будет брак, в каком возрасте должны вступать в брак его граждане и кто пригоден для брака.

Итак, рассуждения начинаются достаточно разумно, но вывод вряд ли согласуется с современными представлениями о евгенике:

Женщины должны выходить замуж в восемнадцать лет, а мужчины - в семь и тридцать; тогда они находятся в расцвете сил, и упадок сил у тех и других совпадет. Более того, дети, если их рождение произойдет в то время, которое можно разумно ожидать, преуспеют в расцвете сил, когда отцы уже будут на закате жизни и почти достигнут своего срока в три десятка лет и десять лет".

Здесь Аристотель, по-видимому, следует не какой-то идеальной системе, а реальной практике своего времени, которую уже осудил Еврипид (fr. 319). Разница в возрасте между мужем и женой слишком велика для настоящего физического или морального общения. К тому же муж, остававшийся неженатым до тридцати семи лет, вряд ли избежал незаконных связей, которые допускались и поощрялись афинскими обычаями: сказать, что такой человек находится в расцвете сил, значит, конечно, неверно сформулировать дело. Искусство быть дедом при такой системе также исчезает, ведь мужчина вряд ли мог надеяться на появление собственных внуков, если ни он, ни его сыновья не женились до тридцати семи лет: дочери, разумеется, как снова говорит нам Еврипид (fr. 320), выходя замуж, полностью уходили из жизни отца. Весь этот порядок явно неправилен, но он соответствовал условиям афинской домашней жизни, где молодую жену было легче держать в подчинении, а большие семьи не были ни желательны, ни привычны; и поскольку он существовал, то Аристотелю он казался правильным.

Женщина, признанная низшей в моральном и политическом смысле, также считается Аристотелем физически более низкой, чем мужчина, и в трактате "О родах" он часто и подробно рассматривает этот вопрос:

Мужчина и женщина различаются по своей сущности тем, что каждый из них обладает отдельной способностью или умением, а анатомически - определенными частями; по существу, мужчина - это то, что способно порождать в другом, женщина - то, что способно порождать в себе и из чего появляется на свет потомство, ранее существовавшее в родителе.[10]

Различие полов - это первый принцип:

Животное не является самцом или самкой в силу изолированной части или изолированной способности: когда то, что отличает самца и самку, претерпевает изменения, многие другие изменения сопровождают его, как это было бы в случае изменения первого принципа.[11]

Трактат посвящен главным образом феномену размножения:

Ведь дело большинства животных, можно сказать, заключается не в чем ином, как в производстве потомства, как дело растений - в производстве семян и плодов.[12]

Соответственно, половые признаки описываются в основном в соответствии с их репродуктивными функциями.

Что касается происхождения пола и причин возникновения мужского и женского, Аристотель представляет собой любопытную смесь предрассудков и проницательности. Он начинает так:

Полагать, что тепло и холод являются причинами мужского и женского пола или что различные полы происходят от правого и левого, само по себе не так уж неразумно, поскольку правая часть тела горячее левой.

Он безоговорочно верит, что правое по природе своей выше левого, верхнее - нижнего, переднее - заднего; и природа, когда на пути не стоит более важная цель, помещает более почетную часть в более почетное положение. Так и сердце, более благородный орган, находится в верхней части тела, а желудок - в нижней. Поскольку он в равной степени уверен, что мужчина превосходит женщину, мужские элементы при размножении будут исходить из правой или благородной части тела.

Но роль мужских и женских элементов в процессе порождения, по мнению Аристотеля, совершенно различна. Ребенок не образуется из смеси обоих, но женщина вносит материал, а мужчина является активным агентом. В качестве аналогии используется кровать: женщина - это дерево, мужчина - плотник, который из дерева делает кровать. Женщина пассивна, мужчина активен:

Именно благодаря определенной неспособности женщина является женщиной: женщины слабее и холоднее по своей природе, чем мужчины, и мы должны рассматривать женский характер как своего рода природный недостаток.^[13]

Женщины, по мнению Аристотеля, скорее растения, чем животные; ведь животное отличается от растения, прежде всего, наличием чувственного восприятия. Если чувствительная душа отсутствует, тело - не более чем труп, а эту чувствительную душу может дать только мужчина. Женщина предоставляет материал, мужчина его создает; тело - от женщины, душа - от мужчины, который может стоять вне тела так же, как художник стоит вне своего творения. Конечно, кажется, что дети женского пола развиваются быстрее, чем мужского, но это всего лишь доказательство их неполноценности; ведь все неполноценные вещи быстрее приходят к своему совершенству или концу, и как это верно в отношении произведений искусства, так это верно и в отношении того, что создано природой.

Эти цитаты проиллюстрируют то любопытное обесценивание женского начала в природе и особенно в человеке, которое является одним из слабых мест трактата. Оно постоянно повторяется; например, при описании шерсти животных вот какие причины приводятся для облысения:

Передняя часть головы лысеет, потому что там находится мозг, и человек - единственное животное, которое лысеет, потому что его мозг самый большой и самый влажный. *Женщины не лысеют.*^[14]

Поэтому в обсуждении голоса мы читаем:

Голос самки выше, чем у самца, у всех животных, а у человека это особенно заметно. Глубокая нота *лучше*, чем высокая: глубина принадлежит более благородной природе, а глубина тона свидетельствует о некотором превосходстве.^[15]

Это мнение о физической, а следовательно, и умственной неполноценности самки не ограничивается "De Generatione": оно пронизывает всю "Историю животных" и находит свое самое ясное выражение в отрывке, который, возможно, дает окончательную причину ошибки Аристотеля:

Во всех родах, где есть различие между самцами и самками, природа проводит аналогичную дифференциацию в психических характеристиках двух полов. Эта дифференциация наиболее очевидна в случае с человеческим родом, а также с крупными животными и живородящими четвероногими. В случае с последними самка обладает более мягким характером, быстрее приручается, охотнее принимает ласку и более склонна к обучению. У всех животных, кроме медведя и леопарда, самка мягче по характеру, чем самец, более озорна, менее проста, более импульсивна и более внимательна к воспитанию потомства. Следы этих дифференцированных характеристик более или менее заметны у каждого вида, но они особенно заметны там, где характер развит сильнее всего, и прежде всего у человека. Дело в том, что природа человека наиболее округла и полна, а значит, в нем вышеупомянутые качества находятся в своем совершенстве. Поэтому женщина более сострадательна, чем мужчина, более легко растрогана до слез, но в то же время более ревнива, более сварлива, более склонна к ругани. Кроме того, она более склонна к унынию и менее надеется, чем мужчина, более лишена стыда и самоуважения, более лжива в речи, более обманчива и обладает более цепкой памятью. Она также более бодрствующая, более зажата, ее труднее побудить к действию, и ей требуется меньшее количество питательных веществ.[16]

Афинские женщины четвертого века были теми женщинами, которых Аристотель знал лучше всего, и, учитывая характер Аристотеля и его научный метод, неудивительно, что он оценил женщину в абстрактном смысле как низшее животное. Если бы он был немного больше поэтом и идеалистом - другими словами, если бы он не был Аристотелем, - он мог бы придерживаться другой точки зрения; но, учитывая факты афинской жизни его времени и склонность Аристотеля придерживаться фактов, нам не стоит удивляться его оценке. Настоящее зло - а влияние Аристотеля в этом вопросе было огромным препятствием на пути человеческого прогресса - причинил не сам философ, поскольку в его время положение женщин вряд ли могло измениться в худшую сторону, а его слепые последователи в более поздние века, когда малейшее его слово воспринималось почти как вдохновенная истина. Сам Аристотель никогда не был догматиком (это он оставляет более слабым людям), и не исповедует ничего, кроме несколько случайного выражения своих личных знаний и мнений.

Вряд ли стоит винить его за это: женщины в его время, несомненно, были низшим полом, а Аристотель всегда является пророком вещей как они есть. *Ставленник* абсолютной монархии, свергнувшей города-государства, он не верит ни в абстрактную свободу, ни в социальные реформы. Для него все, что есть, - правильно. "Женщины и рабы неполноценны, - говорит он себе, - по условиям существования, как я их вижу: *значит*, они неполноценны по законам природы", и хотя он знает, что эта неполноценность была результатом условий их жизни, его дело - только факты.

Но он делает обобщения на основе недостаточных данных: Женщина для него - это женщины его времени, и хотя он отмечает влияние среды, ему не удается провести различие между врожденными и случайными характеристиками. И опять же, рассматривая женский пол в природе, он слишком склонен ограничиваться высшими млекопитающими. Он подчеркивает случай травоядных животных, тех, которые ходят стадами и полигамны в своих привычках: например, оленей, где самец имеет явное преимущество в размере и силе; в то время как он мало говорит о плотоядных, которые охотятся парами и моногамны, где самка имеет тенденцию быть равной во всех отношениях с самцом. Насекомых он почти не учитывает, а микроскоп, в руках такого гениального натуралиста, как М. Фабр, открыл нам мир, от которого Аристотель был отстранен материальными ограничениями своих инструментов.

Теперь мы видим, что у природы, по крайней мере, нет любимого пола, и что слова Еврипида верны как в зоологическом, так и в социологическом смысле: "Все, что можно сказать о самце, можно с равным успехом сказать и о самке, и *наоборот*". Самец, который у одних видов является более сильным и активным, у других - более слабым и играет пассивную роль. Самка богомола, пожирающая своего слабого товарища, - это обратная сторона картины природы. Так и все увлекательные проблемы партеногенеза, когда самка может производить на свет несколько детенышей без вмешательства самца, получили новый свет благодаря пристальному изучению улья. Глава Аристотеля о пчелах существенно страдает от недостатка знаний из первых рук, и, как говорит профессор Плэтт, хотя это большая заслуга его напряженного мышления, она показывает тот факт, что он почти ничего не знал об этом предмете. Конечно, весь метод пчеловодства полностью противоречит теории Аристотеля о превосходстве самцов, и если бы он обладал нашими знаниями, его теория могла бы быть изменена. В мире насекомых, по крайней мере, царит феминизм: самец слаб и подчинен, самка - владычица. Часто самец оказывается случайностью; было бы достаточно самки. Это настолько верно, что современный эссеист, М. Реми де Гурмон, пишущий под влиянием открытий Фабра, может варьировать аналогию Аристотеля и сравнивать самку с часами, а самца - с необходимым ключом, который заводит механизм.

Но хотя вряд ли можно сказать, что Аристотель постиг все тайны секса, он предвосхитил некоторые из самых плодотворных изысканий современных ученых, а во всех вопросах чистой науки, в пределах своего опыта, он почти непогрешим. К сожалению, его опыт в отношении женщин оказался ошибочным, и проблемы феминизма не всегда укладываются в рамки науки. То, что он ошибался в этом вопросе, в основном вина его времени и его социальных условий, и тем, кто живет в другие дни и в другом окружении, следует помнить его собственные знаменательные слова, сказанные действительно о пчелах, но в равной степени применимые и к другим социальным животным:

Мне кажется, что это правда, если судить по теории и по тому, что я считаю фактами. Но до сих пор факты не были достаточно изучены; если когда-нибудь это произойдет, то следует отдать должное наблюдениям, а не теориям, и теориям только в том случае, если то, что они утверждают, согласуется с наблюдаемыми фактами".

И с этой цитатой мы вполне можем его оставить: *Amicus Aristoteles; magis amica veritas*. Если факты современного бытия свидетельствуют о том, что женщины - низший пол, тогда, и только тогда, мы, современники, вправе придерживаться этого мнения. Но каждый человек должен судить сам, опираясь на доказательства, которые дает его собственное наблюдение, и не поддаваться влиянию теорий других людей или литературы прошлого.

Во времена Аристотеля, по причинам, которые, возможно, прояснил этот краткий обзор греческой литературы, факты женской природы, безусловно, не были достаточно осмыслены. Еврипид и Платон - почти единственные авторы, которые демонстрируют истинную оценку реальных качеств женщины, а Еврипиду и Платону Аристотель, в силу всех своих предрассудков, был противопоставлен. Его ошибка заключалась в том, что он не смог осознать моральные аспекты феминизма. Нация, которая унижает своих женщин, неизбежно сама подвергнется деградации. Аристотель придал вес своему имени глубокой ошибке и помог увековечить болезнь, которая уже стала главной причиной гибели Греции.

ССЫЛКИ

[1] Этика, vii. 7.

- [2] Там же, vii. 6.
- [3] Этика, iv. 15.
- [4] Там же, iv. 9.
- [5] Rhet. A. v. 6.
- [6] Этика, viii. 8.
- [7] Ibid, viii. 12.
- [8] Этика, viii. 8.
- [9] Политика, 2, 9.
- [10] De Generatione, 716, a, 18.
- [11] Ibid. 716, b. 10.
- [12] Ibid. 717, a, 20.
- [13] De Generatione, 728 a.
- [14] Ibid, 784, a.
- [15] De Generatione, 787, a.
- [16] Hist. An., 608, b (перевод Томпсона).

НАПЕЧАТАНО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
КОМПАНИЕЙ MASKAYS LTD., СНАТНАМ.